Экономика и управление:

научно-практический журнал

Выходит с 1994 года

Актуальные проблемы экономики и общества

Региональная экономика

Государственное управление

Менеджмент и маркетинг

Финансы

Социальная сфера

6/2018

ISSN 2072-8697

9 772072 869021 >

Редакционный совет

Н.З. Арабаджийски, профессор департамента Администрации и управления Нового болгарского университета, д-р экономики, профессор

Р.Р. Ахунов, врио председателя Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (УФИЦ РАН), д-р экон. наук, доцент, доктор делового администрирования (DBA)

М.А. Аюпов, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, д-р полит. наук, профессор

А.Р. Бахтизин, член-корреспондент Российской академии наук (РАН), директор Центрального экономико-математического института РАН, д-р экон. наук, профессор

В.И. Буренко, профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, д-р полит. наук, профессор

В.М. Валиев, директор НИИ экономических реформ Министерства экономического развития Азербайджана, д-р экон. наук, профессор

Д.А. Гайнанов, директор Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, д-р экон. наук, профессор

А.М. Ганиев, руководитель Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан

М.Н. Грачев, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, д-р полит. наук, профессор

К.Е. Гришин, и.о. директора Института экономики, финансов и бизнеса БашГУ, д-р экон. наук, доцент

А.Н. Дегтярев, и.о. вице-президента Академии наук Республики Башкортостан, д-р экон. наук, профессор

О.И. Зазнаев, заведующий кафедрой политологии Казанского федерального университета, д-р юрид. наук, профессор

Л.Е. Ильичева, директор программ Центра государственно-частного партнерства Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), д-р полит. наук, профессор

Ю.Г. Коргунюк, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, д-р полит. наук

И.Р. Кызыргулов, ректор Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (БАГСУ) (председатель Совета), д-р физ.-мат. наук, доцент

А.В. Кынев, доцент департамента политических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», канд. полит. наук, доцент

Т.Б. Лейберт, директор Института нефтегазового бизнеса Уфимского государственного нефтяного технического университета, д-р экон. наук, профессор

Р.Х. Марданов, начальник Уральского главного управления Центрального банка Российской Федерации, канд. экон. наук, доцент

А.Х. Махмутов, действительный член Академии наук Республики Башкортостан, научный консультант редакции журнала, д-р экон. наук, профессор

Г.Н. Никонова, член-корреспондент РАН, заведующая аспирантурой, заведующая отделом прогнозирования трансформации экономических структур и земельных отношений Северо-Западного НИИ экономики и организации сельского хозяйства, д-р экон. наук, профессор

А.В. Павроз, профессор кафедры российской политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, д-р полит. наук, профессор

П.В. Панов, ведущий научный сотрудник Пермского научного центра Уральского Отделения РАН, д-р полит. наук, профессор

О.Б. Подвинцев, директор Пермского филиала Института философии и права Уральского Отделения РАН по исследованию политических институтов и процессов, д-р полит. наук, профессор

А.А. Пороховский, заведующий кафедрой политической экономии экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, д-р экон. наук, профессор

А.В. Скиперских, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Перми, д-р полит. наук, профессор

Л.Н. Тимофеева, профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС, д-р полит. наук, профессор

К.Б. Толкачев, председатель Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан, д-р юрид. наук, профессор

В.И. Трубников, вице-президент Российского совета по международным делам, член дирекции Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН

О.Ф. Шабров, заведующий кафедрой политологии и политического управления РАНХиГС, д-р полит. наук, профессор

А.В. Янгиров, директор Института стратегических исследований Республики Башкортостан, д-р экон. наук, доцент

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по группам научных специальностей: 08.00.00 — экономические науки; 23.00.00 — политология.

ПРАВИЛА

направления статей для опубликования в издании «Экономика и управление: научно-практический журнал»

1. Статья, представляемая в редакцию, должна соответствовать профилю журнала, быть подписана автором (соавторами) с указанием фамилии, имени и отчества, ученой степени и звания (если есть), места работы и занимаемой должности, телефонов, электронного адреса автора (соавторов).

2. Статья объемом от 6 страниц (шрифт Times New Roman Cyr, кегль 14, интервал — 1,5, абзацный отступ — 1 см, поля — 2 см со всех сторон), набранная в Word, направляется на электронный адрес редакции: ekonuprav@ufanet.ru. Заголовок статьи — не более 8 слов. Страницы нумеруются. Таблицы и графические изображения (рисунки, схемы) даются в черно-белом варианте.

3. Список литературы оформляется в конце статьи в алфавитном порядке (сначала русские, затем — иностранные). Источники нумеруются, ссылки на них приводятся в тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы доля работ автора не должна превышать 30 %.

4. В краткой аннотации (до 5 предложений) необходимо отметить то новое, что содержится в статье, и реальные возможности практического применения рекомендаций. Также приводятся 5-8 ключевых слов (опорных терминов). Аннотация и ключевые слова представляются на русском и английском языках.

5. Автор статьи несет ответственность за подбор, правильность и точность приводимых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений.

6. К статье также прилагается небольшая рецензия из вуза (научного учреждения).

7. Оригинальность представляемого материала (по системе «Антиплагиат») должна составлять не менее 80 %.

Подробнее смотрите здесь:
http://www.inefb.ru/econuprav-ufa/115-econuprav/1418-informatsiya-dlya-avtorov

Регистрационный номер и дата принятия решения: серия ПИ № ФС77-73135 от 22 июня 2018 г. В запись о регистрации СМИ изменения внесены Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписные индексы издания в Объединенном каталоге «Пресса России» на первое полугодие 2019 года: 11487 (подписка на полугодие), 39487 (годовая подписка).

Башкирская академия государственной службы
и управления при Главе Республики Башкортостан
Башкирский государственный университет
Уфимский государственный нефтяной
технический университет

Экономика и управление:

научно-практический журнал

№ 6 (144)

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные проблемы экономики и общества

К. ГРИШИН. Институт экономики, финансов и бизнеса БашГУ: этапы становления и развития 4
И. ДЕГТЯРЕВА, М. НЕУЧЕВА, О. ШАЛИНА. Территории опережающего развития: международная и российская практика 7
Л. КУРБАНАЕВА. Расширение санкций США против России: финансовые ограничения и их последствия 10
Н. ТРУШИНА, Е. КОЛЕСНИКОВА. Экономические аспекты борьбы с преступностью в бюджетной сфере 13
А. СУКИАСЯН, Р. ЮСУПОВ. Республика Башкортостан в системе инвестиционного взаимодействия государств ШОС и БРИКС (2001–2017 гг.) 17
Г. РОССИНСКАЯ, З. ИБРАГИМОВА, Н. ИШМУХАМЕТОВ. Социально-экономическая дифференциация домохозяйств как ограничение возможностей воспроизводства человеческого потенциала 22
Ю. ХОДКОВСКАЯ, А. СТОЯЛЬЦЕВА. Барьеры и эффекты внедрения цифровых технологий в нефтегазовый бизнес 27
Н. КУЗЬМИНЫХ, Д. МАШКИНА, Н. РОЗЕ. Эффективность рынка интеллектуального капитала на страновом уровне: принципы, критерии, модель оценки 33
О. НЕНКИНА. Факторы качества статистической отчетности с диверсификацией уровней воздействия 38

Региональная экономика

Л. ВАЛИНУРОВА, Р. ШИРИЯЗДАНОВА. Проблемы инновационного развития регионов России 43
А. БИКМАЕВА. О некоторых аспектах определения специализации экономики Республики Башкортостан 47
Т. ЧИНАЕВ. Институциональные и динамические характеристики развития современного ипотечного кредитования в регионе 51
Э. НУРТДИНОВ, Н. РОЗЕ. Разработка рейтинга муниципальных районов Республики Башкортостан по эффективности развития инициативного бюджетирования 56
У. САИТОВ. Башкирская энциклопедия как свод объектов и субъект брендинга современного Башкортостана 67
З. МУРАДОВА, Ж. КАЗИЕВА, С. ЧЕРКАСОВА. Анализ развития строительной отрасли в Республике Дагестан 71

Государственное управление

И. РЫСАЕВ. Компетентностный подход в подготовке современных руководителей: проблемы и перспективы 76
Г. КАМАЛОВА. Развитие информационного общества и открытое государственное управление: российский и зарубежный опыт 81
А. КУЛИНЧЕНКО. О взаимосвязи организации и управления в условиях развития сетевого информационного общества 84
Т. ХАННАНОВА, А. ГАРИФУЛЛИНА. Развитие государственных и муниципальных услуг в цифровой экономике 90
И. СИНГИЗОВ, Н. СИНГИЗОВА. Трансформация системы оценки эффективности деятельности региональных органов власти 94

Менеджмент и маркетинг

К. ГРИШИН, У. НАЗАРОВА, Е. ТЕРЕЛЕЦКОВА. Методический подход к определению сути и содержания деятельности субъектов социального предпринимательства 98
К. ХАКИМОВА, Д. КОТОВ. Алгоритм разработки сбалансированной инновационно-инвестиционной стратегии предприятия 103
С. МАЛИНИН, А. БАХТИЗИНА, С. КЕСАЕВ. Планирование производительности труда в вертикально-интегрированных организациях на основе факторного метода 108
В. ПРУДНИКОВ, А. АЗНАГУЛОВА, А. ГАБИТОВА. Эконометрическое моделирование эффективности телерекламы, направленной на детей 115
В. ПАНФЕРОВ. Компетентностный подход в формировании человеческого капитала инновационно-ориентированной компании 120

Финансы

А. ЗОТОВА, В. БРЕДНЕВ. Трансформация инструментов заемного финансирования реального сектора российской экономики 124
Е. СИНЯВСКАЯ, В. СИНЯВСКИЙ. Ипотечное жилищное кредитование: тренды и риски 128
Я. ТРОФИМОВА. Влияние цифровизации на конкурентоспособность страховых компаний 132
А. ГАЛИМОВ. Рубль как резервная валюта 136
Г. НИГМАТУЛЛИНА, И. ГИРФАНОВА, А. ХАЗИЕВА, И. ХАНОВА. Анализ движения средств Фонда социального страхования 138
Г. ИСЛАКАЕВА. Об эндаумент-фондах в вузовской среде 143

Социальная сфера

Р. ВАЛИАХМЕТОВ, Г. БАЙМУРЗИНА, М. ТУРАКАЕВ, С. АИТОВ. Трудовая миграция как фактор человеческого потенциала Республики Башкортостан 147
Я. СКРЯБИНА, Н. ШАМСУТДИНОВА. Рождаемость и реализация репродуктивных установок в Республике Башкортостан 156
У. БАРЛЫБАЕВ, В. ХАЙРУЛЛИНА. О функциях и социально-экономических последствиях трудовой миграции на селе при разных механизмах хозяйствования 163
А. ГАЛИМОВА, А. БАРКИНА, И. НУРМУХАМЕТОВА. Проблемы и тенденции трудоустройства молодежи в России 167
А. КАЮМОВА, Э. БАЙКОВА. Здоровье как основа воспроизводства человеческого потенциала: региональный аспект 170
Е. ШЕВАЛДИНА. Управление качеством медицинского обслуживания в Кировском районе Уфы 174
М. АХМАДУЛЛИН, Р. ХАДИМУЛЛИН, Э. ХАДИМУЛЛИНА. Некоторые аспекты заочного обучения конца 60-х – начала 70-х годов в Уфимском государственном институте искусств им. З.Г. Исмагилова 179

CONTENTS

Actual Problems of Economy and Society

K. GRISHIN. Institute of Economics, Finance and Business of Bashkir State University: Stages of Formation and Development 4
I. DEGTYAREVA, M. NEUCHEVA, O. SHALINA. Advanced Development Areas: International and Russian Practice 7
L. KURBANAEVA. Extension of US Sanctions against Russia: Financial Constraints and their Consequences 10
N. TRUSHINA, E. KOLESNIKOVA. Economic Aspects of the Fight against Crime in the Public Sector 13
A. SUKIASYAN, R. YUSUPOV. Republic of Bashkortostan in the System of Investment Integration of the States of SCO and BRICS (2001–2017) 17
G. ROSSINSKAYA, Z. IBRAGIMOVA, N. ISHMUKHAMETOV. Socio-economic Differentiation of Households as a Limitation of Human Potential Reproduction 22
Yu. KHODKOVSKAYA, A. STOYALTSEVA. Barriers and Effects of the Introduction of Digital Technology in Oil and Gas Business 27
N. KUZMINYKH, D. MASHKINA, N. ROZE. Efficiency of the Market of the Intellectual Capital at the Country Level: Principles, Criteria, Assessment Model 33
O. NENKINA. Quality Factors in Statistical Reporting with Diversification of Exposure Levels 38

Regional Economy

L. VALINUROVA, R. SHIRIYAZDANOVA. Problems of Innovative Development of Russian Regions 43
A. BIKMAEVA. Some Aspects of Determining the Specialization of the Economy of the Republic of Bashkortostan 47
T. CHINAEV. Institutional and Dynamic Characteristics of the Development of Modern Mortgage Lending in the Region 51

E. NURTDINOV, N. ROZE. Development of Rating of Municipal Districts of the Republic of Bashkortostan on the Effectiveness of the Development of Initiative Budgeting 56
U. SAITOV. Bashkir Encyclopedia as a Set Objects and Subject of Branding of Modern Bashkortostan 67
Z. MURADOVA, Zh. KAZIEVA, S. CHERKASOVA. Analysis of the Development of the Construction Industry in the Republic of Dagestan 71

State Administration

I. RYSAEV. Competence-based Approach in the Training of Modern Leaders: Problems and Prospects 76
G. KAMALOVA. Development of the Information Society and Open Public Administration: Russian and Foreign Experience 81
A. KULINCHENKO. About Interrelation of the Organization and Social Management in the Terms of Network Information Society Development 84
T. KHANNANOVA, A. GARIFULLINA. Development of State and Municipal Services in the Digital Economy 90
I. SINGIZOV, N. SINGIZOVA. Transformation of the Performance Evaluation System of Regional Authorities 94

Management and Marketing

K. GRISHIN, U. NAZAROVA, E. TERELETSKOVA. Methodical Approach to Definition of the Essence and Content of Activity of Subjects of Social Business 98
K. KHAKIMOVA, D. KOTOV. Enterprise's Balanced Innovation-investment Strategy Development Algorithm 103
S. MALININ, A. BAKHTIZINA, S. KESAEV. Labor Capacity Planning on the Basis of the Factorial Method in Vertically Integrated Organizations 108
V. PRUDNIKOV, A. AZNAGULOVA, A. GABITOVA. Econometric Efficiency Modeling Television Advertising Aimed at Children 115
V. PANFEROV. Competence-based Approach to the Formation of Human Capital Innovation-oriented Company 120

Finance

A. ZOTOVA, V. BREDNEV. Transformation of Debt Financing Instruments in the Real Sector of the Russian Economy 124
E. SINYAVSKAYA, V. SINYAVSKY. Mortgage Housing Lending: Trends and Risks 128
Ya. TROFIMOVA. Impact of Digitalization on Competitiveness Insurance Companies 132
A. GALIMOV. Ruble as a Reserve Currency 136
G. NIGMATULLINA, I. GIRFANOVA, A. KHAZIEVA, I. KHANOVA. Cash Flow Analysis of the Social Insurance Fund 138
G. ISLAKAEVA. About Endowment-funds in the University Environment 143

Social Sphere

R. VALIAKHMETOV, G. BAIMURZINA, M. TURAKAEV, S. AITOV. Labor Migration as a Factor of Human Development in the Republic of Bashkortostan 147
Ya. SKRYABINA, N. SHAMSUTDINOVA. Fertility and the Implementation of Reproductive Plants in the Republic of Bashkortostan 156
U. BARLYBAEV, V. KHAIRULLINA. On the Functions and Socio-Economic Consequences of Labor Migration in Rural Areas with Different Mechanisms of Management 163
A. GALIMOVA, A. BARKINA, I. NURMUKHAMETOVA. Problems and Trends of Youngsters Employment in Russia 167
A. KAYUMOVA, E. BAYKOVA. Health as a Basis for Human Reproduction: a Regional Aspect 170
E. SHEVALDINA. Medical Service Quality Management in Kirovsky District of Ufa 174
M. AKHMADULLIN, R. KHADIMULLIN, E. KHADIMULLINA. Some Aspects of Distance Education Late 60's – early 70's in Ufa State Institute of Arts of Z.G. Ismagilov 179

Редакционная коллегия

Р.Ф. Латыпов (главный редактор), И.В. Буренина, Л.С. Валинурова,
И.В. Дегтярева, Ю.Н. Дорожкин, В.В. Еникеев (заместитель главного редактора),
Г.А. Колобова, С.Н. Лаврентьев, А.В. Морозова (ответственный секретарь),
Д.Р. Пескова, Г.М. Россинская, Н.З. Солодилова, И.В. Фролова, С.Н. Шкель

Публикуемые материалы могут отражать точку зрения авторов, которая не совпадает с мнением редколлегии журнала.

Редакция не вступает в переписку с читателями и не возвращает рукописи.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© «Экономика и управление: научно-практический журнал», 2018

Институт экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета: этапы становления и развития

Institute of Economics, Finance and Business of Bashkir State University: Stages of Formation and Development

К. ГРИШИН

Гришин Константин Евгеньевич, д-р экон. наук, профессор кафедры макроэкономического регулирования и государственного управления, и.о. директора Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета

В эти дни свое 30-летие празднует одно из крупнейших структурных подразделений Башкирского государственного университета (БашГУ) – Институт экономики, финансов и бизнеса (ИНЭФБ). Институт экономики, финансов и бизнеса ведет свою славную историю от экономического факультета, организованного в структуре БашГУ в 1988 году. В открытие и дальнейшее становление экономического факультета БашГУ весомый вклад внесла старейшая на факультете кафедра общеэкономической теории. Выделившись как самостоятельная единица в 1947 году из состава кафедры марксизма-ленинизма, до 1991 года она существовала как общеуниверситетская кафедра политической экономии, а с созданием экономического факультета вошла в его состав. Кафедра обеспечивает преподавание экономических дисциплин для всех институтов и факультетов университета. Переход к рыночным отношениям в корне изменил содержание учебных курсов, направлений научных исследований, и, соответственно, с 1993 изменилось название кафедры – она стала называться кафедрой общей экономической теории. В течение четверти века кафедрой заведовал д-р экон. наук, профессор, действительный член Академии наук Республики Башкортостан, заслуженный деятель науки БАССР, заслуженный деятель науки РСФСР, член редколлегии многотомной энциклопедии «Башкортостан», впоследствии первый ректор БАГСУ, первый главный редактор издания «Экономика и управление: научно-практический журнал» А.Х. Махмутов. С 1995 по 2000 г. кафедру возглавлял д-р экон. наук, профессор, заслуженный экономист РБ Х.А. Барлыбаев; затем заведовали кафедрой канд. экон. наук, доценты Р.Х. Аллагулов, А.Н. Кузяшев, С.Р. Сибагатуллина. В настоящее время кафедру возглавляет д-р экон. наук, профессор Г.М. Россинская.

Становлению экономического факультета способствовало то, что на географическом факультете БашГУ работали специалисты, необходимые для подготовки экономистов: Ш.В. Шихман, канд. экон. наук, доцент Т.Х. Кузбеков, канд. экон. наук, доцент В.А. Лобанова, канд. техн. наук, доцент Г.Л. Фадеева, которые были привлечены к организации учебного процесса на новом факультете. Огромную роль в этом процессе сыграл первый декан экономического факультета д-р филос. наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан М.Н. Сулейманов.

В конце 1990-х – начале 2000-х годов на фоне возрастающего спроса экономики республики на экономические и управленческие кадры, адаптированные к работе в рыночных условиях, факультет получил бурное развитие. В указанные годы на протяжении 15 лет факультетом руководила Ф.С. Исхакова. Постепенно начали формироваться структура факультета и открываться новые специальности. В 1989 году организуется кафедра «Планирование народного хозяйства», которая в 1990 г. получила новое название – «Управление производством», а ее заведующим стал д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН Х.Н. Гизатуллин. В последующем работой кафедры руководил канд. экон. наук Р.Х. Марданов (бывший премьер-министр Правительства Республики Башкортостан). С 1995 г. и на протяжении 16 лет кафедру возглавлял д-р экон. наук, профессор, действительный член РАЕН, заслуженный деятель науки РФ, Республики Башкортостан, Республики Татарстан, почетный работник высшего профессионального образования РФ К.Н. Юсупов. За годы существования кафедры не раз менялось ее название, трансформировались специальности, соответственно и дисциплины, по которым велась подготовка кадров. Сегодня кафедра макроэкономического развития и

государственного управления под руководством д-ра экон. наук, доцента Янгирова А.В. осуществляет подготовку высококвалифицированных специалистов-экономистов, способных работать как в государственном, так и в коммерческом секторе экономики. Научные исследования преподавателями кафедры ведутся по проблемам развития народнохозяйственного комплекса Республики Башкортостан в период перехода к рыночным отношениям. Суть их сводится к исследованию региона как функциональной и структурной подсистемы национальной экономики.

В 1990 г. создается кафедра социологии и экономики труда под руководством д-ра соц. наук, профессора, академика РАСН Д.М. Гилязетдинова. В последующем, с 1991 г. на протяжении 22 лет кафедрой заведовал д-р соц. наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ Ф.У. Мухаметлатыпов. Профессором Ф.У. Мухаметлатыповым были заданы образовательные и научные направления долгосрочного развития, в русле которых кафедра развивается сегодня. В настоящее время коллектив кафедры, возглавляемый д-ром экон. наук Назаровой У.А., является конкурентоспособным поставщиком образовательных услуг, включающих все современные направления подготовки специалистов в области экономики труда, управления персоналом и предпринимательства.

В 1994 г. была организована кафедра финансов и налогообложения под руководством канд. экон. наук, профессора Ф.С. Исхаковой, которая на данный момент является самой многочисленной (по количеству студентов и, соответственно, преподавателей) кафедрой Института. Уже много лет заведующим кафедрой является канд. экон. наук, доцент Г.А. Галимова, которой внесен огромный вклад в развитие учебно-методического и научного потенциала кафедры. В настоящее время здесь активно разрабатываются направления научно-исследовательских работ, связанные с финансовым и налоговым регулированием экономических процессов, институциональными аспектами финансовой системы и эволюцией кредитных отношений.

В 2001 г. под руководством д-ра экон. наук, профессора, академика Академии наук Республики Башкортостан, заслуженного деятеля науки Российской Федерации и Республики Башкортостан М.Н. Исянбаева была создана кафедра региональной экономики. На протяжении долгих лет кафедрой заведовала канд. экон. наук, доцент, заслуженный деятель культуры Республики Башкортостан С.М. Шакирова, а затем д-р филос. наук, профессор, канд. экон. наук В.Г. Хайруллина. В настоящее время, с учетом трендов развития рынка труда кафедра во главе с д-ром экон. наук, доцентом Е.И. Янгировой ориентирована на подготовку специалистов в области менеджмента и маркетинга и носит название «Управление проектами и маркетинг».

В 2002 г. была организована кафедра математических методов прогнозирования в экономике. Первым заведующим кафедрой стала д-р экон. наук, профессор А.Р. Саяпова, ныне профессор МГУ им. Ломоносова. В настоящее время кафедрой математических методов в экономике успешно руководит д-р экон. наук, профессор Р.Х. Бахитова. Под ее руководством коллектив кафедры ведет успешную образовательную и научно-исследовательскую деятельность, ориентируясь на современные тренды развития экономики, в частности, в научной работе акцент делается на исследование и использование технологий цифровой экономики.

В 2011 г. экономический факультет возглавил доктор делового администрирования (DBA), д-р экон. наук Р.Р. Ахунов, которому за короткие сроки удалось обозначить стратегические цели и задачи, сформировать команду единомышленников и подготовить факультет к присвоению статуса института, который был получен в 2013 году.

В дальнейшем реалии и требования жизни предопределили необходимость усиления языковой подготовки будущих экономистов, финансистов, управленцев. В этой связи уместным было включение в состав Института кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации. Сегодня преподаватели кафедры, под руководством канд. экон. наук, доцента С.В. Губик ведут целенаправленную работу по совершенствованию языковой подготовки не только студентов ИНЭФБ, но и обучающихся других институтов и факультетов БашГУ.

В 2014 г. создается кафедра инновационной экономики. Заведующим кафедрой стала Л.С. Валинурова, д-р экон. наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Башкортостан. Под ее руководством за относительно короткий период кафедра вышла на передовые позиции по учебной и научной работе. В частности, на базе кафедры инновационной экономики была запущена программа двойного диплома с Ляонинским университетом (Китай). Специализацией

кафедры стали научные исследования в области управления инновационно-инвестиционными процессами.

В 2017 году директором Института становится д-р экон. наук А.В. Янгиров, который продолжил активно реализовывать курс развития ИНЭФБ, заложенный его предшественниками. В 2018 году после того, как А.В. Янгиров был назначен руководителем Института стратегических исследований АН РБ, исполняющим обязанности директора ИНЭФБ стал д-р экон. наук К.Е. Гришин.

Сегодня Институт экономики финансов и бизнеса – это современное учебное заведение, располагающее прекрасной материальной базой, аудиториями, оснащенными различными техническими средствами, в котором обучается более 1800 студентов. В Институте подготовку обучающихся осуществляют более 120 преподавателей, из которых более 82 % имеют ученую степень кандидата и доктора наук. ИНЭФБ по праву считается ведущей площадкой по подготовке высококвалифицированных экономистов и менеджеров для корпоративного и государственного секторов экономики региона. Миссией нашего Института является расширенное воспроизводство для экономики Республики Башкортостан и близлежащих регионов высококвалифицированных и конкурентоспособных на рынке труда специалистов, обладающих современными экономическими, управленческими и предпринимательскими знаниями и компетенциями, позволяющими им эффективно решать задачи проектирования, организации, развития и управления коммерческими и некоммерческими организациями в условиях нестабильной рыночной среды. При этом работа Института направлена на подготовку востребованных и конкурентоспособных специалистов с основным набором современных экономических, управленческих и предпринимательских компетенций, стратегически ориентирована на «экономику будущего» и учитывает тенденции развития современного рынка труда.

В основе организации образовательного и научно-исследовательского процесса ИНЭФБ лежит реализация полного спектра образовательных программ в области экономики, финансов, менеджмента и предпринимательства. В Институте сформирована полноценная система экономического образования, включающая в себя многоуровневую систему подготовки высококвалифицированных кадров: бакалавриат, магистратура, аспирантура. На площадке Института функционирует объединенный (совместно с УГНТУ) совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным направлениям 08.00.01 – Экономическая теория; 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (управление инновациями, региональная экономика).

Огромное значение в Институте придается научной работе как фундаментального, так и прикладного характера. В настоящее время в Институте созданы и успешно развиваются признанные научным и экспертным сообществом фундаментальные научные школы: региональной экономики (руководитель – профессор К.Н. Юсупов); инновационной экономики (руководитель – профессор Л.С. Валинурова); математической статистики (руководитель – профессор Р.Х. Бахитова); экономики и социологии труда (руководитель – профессор Ф.У. Мухаметлатыпов); экономической теории (руководитель – профессор Г.М. Россинская). Одним из главных прикладных направлений научной работы Института являются исследования различных областей региональной экономики с использованием экономико-математических инструментов, направленных на обоснование стратегии и решение текущих задач социально-экономического развития нашей республики. В рамках данной работы Институт стал участником разработки Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года. Необходимо отметить, что ученые Института активно участвуют в решении научно-исследовательских задач социально-экономического развития нашей республики, как через систему грантов, так и на основе прямых договоров с государственными и негосударственными структурами. За время своего развития у Института сложились устойчивые образовательные и научные связи с ведущими российскими и зарубежными вузами и научными центрами.

В настоящее время перед коллективом института стоят новые задачи и вызовы, обусловленные современными трендами развития экономики, технологий и общества. Накопленный опыт, сплоченный коллектив, достигнутые результаты позволяют нам с оптимизмом смотреть в будущее и рассчитывать на то, что Институт экономики финансов и бизнеса БашГУ и дальше будет вносить достойную лепту в развитие нашей республики.

Территории опережающего развития: международная и российская практика

Advanced Development Areas: International and Russian Practice

И. ДЕГТЯРЕВА, М. НЕУЧЕВА, О. ШАЛИНА

Дегтярева Ирина Викторовна, д-р экон. наук, профессор кафедры экономической теории Уфимского авиационного технического университета (УГАТУ). E-mail: idegtjareva57@mail.ru
Неучева Милана Юрьевна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и социально-экономической политики Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: neucheva@mail.ru
Шалина Ольга Игоревна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории УГАТУ. E-mail: olenka@bk.ru

В статье рассматриваются вопросы функционирования территорий опережающего социально-экономического развития, международный и отечественный опыт деятельности таких территорий, а также мероприятия по поддержке моногородов на территории Республики Башкортостан.
***Ключевые слова**: моногород, диверсификация, территория опережающего социально-экономического развития, инвестиции, монопрофильное муниципальное образование.*

The article deals with the functioning of the territories of advanced socio-economic development, international and domestic experience of such territories, as well as measures to support single-industry towns in the Republic of Bashkortostan.
***Key words**: single-industry city, diversification, territory of advanced socio-economic development, investments, single-industry municipality.*

Вопросы современного функционирования и развития моногородов затрагивают сегодня значительное число муниципальных образований России со сложным социально-экономическим положением.

В настоящее время в РФ предпринимается ряд усилий по модернизации моногородов. Тем не менее, эффективность реализуемых властями мер остается под вопросом. В отчете Счетной палаты Российской Федерации по мониторингу и оценке реализации приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов» отмечается, что более 70 % жителей моногородов оценивают текущую ситуацию как неблагоприятную или трудно переносимую и только 7,7 % опрошенных считают достаточными меры, предпринимаемые муниципальной властью [5]. Иными словами, вливание значительных объемов финансовых средств позволило лишь стабилизировать ситуацию на определенный период времени в наиболее проблемных моногородах, но не достигло в достаточной мере заявленных целей по диверсификации производства и снижению зависимости таких городов от функционирования градообразующих предприятий.

Идея формирования в стране сети территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) с особыми условиями ведения хозяйственной деятельности была предложена В.В. Путиным в послании Федеральному собранию в декабре 2013 года.

Резиденты территорий опережающего развития получают ряд экономических льгот. ТОСЭР управляет специальная компания, решающая вопросы распределения земельных участков, подключения объектов к инфраструктурным сетям, осуществляет функции многофункционального центра.

Целью создания таких территорий является повышение их инвестиционной привлекательности и эффективности ведения бизнеса, а также пополнение доходной части бюджетов субъектов Российской Федерации. Еще в 90-е годы XX века в России предпринимались попытки по

созданию подобных территориальных образований. Так, в 1991 году был законодательно установлен льготный режим для ряда иностранных инвесторов. Предложенный режим с упрощенной процедурой регистрации, сниженными ставками налогообложения, долгосрочной арендой по льготным ценам, безвизовым режимом и сниженными таможенными пошлинами должен был стимулировать приток иностранных инвестиций в российскую экономику. В 1996 году в России стали создаваться свободные экономические зоны (СЭЗ), которые считались перспективным инструментом привлечения инвестиций в экономику отдельных территориальных образований. В 2006 г. им на смену пришли особые экономические зоны (ОЭЗ).

В рамках функционирования данных территорий предполагается создание в субъектах РФ «полюсов роста», являющихся стимулом развития экономики.

В связи с вышеназванными преференциями осуществления экономической деятельности в ТОЭСР необходимо определить принципиальные отличия данных территорий от ОЭЗ.

Специфика деятельности ТОСЭР определяется тем, что такие территории обладают особенным статусом по сравнению с ОЭЗ, который не позволяет создавать ОЭЗ в какой-либо из ТОСЭР. Срок действия сравниваемых территорий также отличается: изначально ОЭЗ создавались максимум на 20 лет, но в настоящее время они могут создаваться на 49 лет, в то время как срок действия ТОСЭР 70 лет. Разработка природных ресурсов и производство подакцизных товаров разрешены в ТОСЭР, что фактически запрещено в ОЭЗ (за исключением производства легковых автомобилей и мотоциклов).

Изначально образование таких территорий планировалось только на Дальнем Востоке и в моногородах с наиболее сложным социально-экономическим положением. Но в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» с 01.01.2017 года создание ТОСЭР возможно не только на территориях монопрофильных муниципальных образований, имеющих риски ухудшения социально-экономической ситуации, но и на территориях моногородов с устойчивым социально-экономическим положением [10]. Тогда как ранее ТОСЭР могли создаваться только на территориях моногородов, находящихся в критической социально-экономической ситуации.

Порядок получения поддержки данными территориями определен Постановлением Правительства РФ от 22.06.2015 г. № 614 «Об особенностях создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)» [8].

В конце 2016 года постановлениями Правительства Российской Федерации были созданы ТОСЭР в границах моногородов Белебей и Кумертау. Для снижения налога на прибыль и освобождения от налога на имущество организаций – резидентов ТОСЭР в Республике Башкортостан приняты соответствующие законы.

В рамках реализации приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов» в регионе разработаны и 31.03.2017 года утверждены паспорта программ комплексного развития моногородов.

В настоящее время мероприятия по поддержке моногородов на территории Республики Башкортостан реализуются в рамках следующих направлений:

– реализация приоритетной федеральной программы «Комплексное развитие моногородов»;

– использование мер поддержки некоммерческой организации «Фонд развития моногородов»;

– создание в границах моногородов территорий опережающего социально-экономического развития.

В Министерство экономического развития РФ были поданы заявки на создание ТОСЭР в моногородах Благовещенск, Белорецк и Нефтекамск. В соответствии с решением Комиссии по вопросам создания и функционирования территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований РФ заявки моногородов Белорецк, Нефтекамск Благовещенск одобрены [6]. В настоящее время в Башкортостане идет работа по привлечению резидентов на эти территории.

11 июля 2018 г. заявка моногорода Учалы года была передана в Министерство экономического развития Российской Федерации [6].

Необходимо отметить, что существование проблемы модернизации моногородов посредством специальных экономических режимов, таких, например, как действие территорий опережающего развития, не является исключительно российским феноменом. Моногорода есть во всех государствах с развитой экономикой: США, Великобритании, Германии. В качестве примера можно привести американский город Детройт – бывшую автомобильную столицу Америки, где до сих пор находятся головные офисы таких компаний, как «Дженерал моторс», «Форд», «Крайслер». После перевода основного производственного процесса в страны с относительно более дешевой рабочей силой город лишился основной части налоговых поступлений. В результате чего муниципальная инфраструктура была почти разрушена, чему способствовали и расовые беспорядки. Численность городского населения, составлявшая в середине XX века почти 2 млн человек, сократилась на две трети. В 2013 году муниципалитет Детройта объявил себя банкротом с долгом более 18 млрд долларов. Похожая ситуация сложилась в немецком городе Рур, который был центром угольного и сталелитейного региона на севере Германии. Эта территория пришла в упадок после кризиса 1975 года. Количество рабочих мест сократилось почти на 500 тыс. Правительство Германии совместно с муниципалитетом разработали проект диверсификации экономики. В регион почти 40 лет осуществлялись значимые финансовые вливания. Еще одним фактором успеха Рура явилась высокая плотность населения – почти 1 200 чел/кв.км. [4, *47*]. Сегодня Рур – это крупнейший промышленный район, представляющий собой конгломерат из 50 городов с развитым машиностроением, электроникой, банковской сферой. Закрытые шахты используются в качестве туристических объектов.

В качестве еще одного примера успешного функционирования территории с особым режимом хозяйствования можно привести арабскую зону Джебель Али, которая, по данным Международной организации по стандартизации, признана лучшей в мире по уровню предоставляемых услуг и темпам развития. Здесь предоставляются льготы инвесторам, к наиболее значимым из которых относятся: аннулирование всех налоговых платежей на срок от 50 и более лет, отсутствие валютных ограничений, отмена экспортных и импортных пошлин, гарантии свободного вывоза капитала, а также отсутствие ограничений в отношении найма рабочей силы, тогда как в целом в ОАЭ действуют строгие иммиграционные ограничения [3]. По сути, Джебель Али сегодня предоставляет выход на перспективные рынки Ближнего Востока, стран Персидского залива, Юго-Восточной Азии, Ирана и Северной Африки. Потребительский рынок этих территорий составляет около 1,5 млрд населения [1]. Кроме того, Джебель Али обеспечивает резидентов самыми современными средствами связи, дешевой электроэнергией для производственных целей и нужд складских помещений, аренду офисов на льготных условиях, специальные преференции по аренде жилья для сотрудников компаний-резидентов и ряд других преференций. Процедура регистрации предприятий является максимально упрощенной. Национальная валюта стабильна и привязана к курсу доллара [7]. Учреждение в ОАЭ зон с особыми режимами хозяйствования обеспечило приток миллиардных инвестиций в экономику, превратив пустыню в мощный центр экономического развития [2].

Таким образом, мировая практика позволяет выделить основные факторы, способствующие эффективному функционированию ТОСЭР: наличие рынков сбыта, территориальная близость к экономически развитым центрам, льготное налогообложение, учет интересов инвесторов, финансирование инфраструктурных проектов за счет средств государственного бюджета.

В России в условиях конкуренции территорий за инвестиционные ресурсы при ограниченности средств федерального и региональных бюджетов создание ТОСЭР предполагает определенные риски. По прогнозам Министерства финансов России, в период с 2017 по 2025 год по созданным территориям опережающего развития государственная казна недополучит около 150 миллиардов рублей доходов [7]. Очевидно, это серьезный повод задуматься об эффективности расходов бюджетных средств на реализацию инфраструктурной поддержки инвестиционных проектов на территориях опережающего социально-экономического развития.

Литература

1. Ближневосточная солидарная модель государства // Институт геополитики профессора Дергачева. 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://dergachev.ru/analit/Near_East.html

2. Дегтярева И.В., Неучева М.Ю. Асимметрия социально-экономического развития регионов и механизмы ее выравнивания: монография. Уфа, 2005. 134 с.

3. Дегтярева И.В., Неучева М.Ю. Особые экономические зоны регионального уровня в Российской Федерации // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2013. № 3. С. 66–71.

4. Крутиков В.К., Дорожкина Т.В., Петрушина О.М., Федоров А.Г., Якунина М.В. Территории опережающего развития: учебно-методическое пособие. Калуга: Издательство АКФ «Политоп», 2017. 148 с.

5. Моногорода остаются в фокусе внимания Счетной палаты [Электронный ресурс]. URL: http://audit.gov.ru/press_center/news/33765

6. Моногорода Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: https://economy.bashkortostan.ru/dejatelnost/territorialnoe-razvitie/ monogoroda/

7. Моногорода: поддержка государства // Бюджет.ру. 2018. № 5.

8. Постановление Правительства РФ от 22.06.2015 № 614 «Об особенностях создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_181759/

9. Преимущества ведения бизнеса в свободных экономических зонах ОАЭ // Ведущий корпоративный портал оффшорной индустрии на русском языке. 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://offshorewealth.info/offshore-business-abroad/c24-offshore-business-abroad/benefits-of-doing-business-in-the-best-free-zones-of-uae/

10. Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» от 29.12.2014 № 473-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_172962/

Расширение санкций США против России: финансовые ограничения и их последствия

Extension of US Sanctions against Russia: Financial Constraints and their Consequences

Л. КУРБАНАЕВА

Курбанаева Лилия Хамматовна, канд. экон. наук, доцент кафедры финансов и налогообложения Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: hammatovna@mail.ru

В статье анализируется влияние экономических санкций на экономику России и способы противодействия им. Насколько чувствительна Россия к экономическим санкциям, какой урон они могут нанести российской экономике? Сегодня Россия должна быть вооружена всем богатством опыта ведения современных экономических войн. Особого внимания заслуживают два вопроса: эффективность санкций и меры противодействия им.

***Ключевые слова**: экономические санкции, торговые отношения, монополизация, диверсификация.*

The article analyzes the impact of economic sanctions on the Russian economy and how to counter them. How sensitive is Russia to economic sanctions, how much damage can they cause to the Russian economy? Today Russia must be armed with all the wealth of experience in modern economic wars. Two issues deserve special attention: the effectiveness of sanctions and measures to counter them.

***Key words**: economic sanctions, trade relations, monopolization, diversification.*

Реакция в стране в первые дни после введения новых санкций по отношению к России можно назвать смешанной. С одной стороны, это сопровождалось паникой и свободным падением на валютных рынках, в то время как никакого внятного ответа о последствиях и возможных ответных мерах от правительства России не поступило. С другой стороны, конечно же, много оптимистов, которые верят в возможности России пропорционально ответить на санкции и существенно повлиять на экономику США, вплоть до полного ее уничтожения [3].

При оценке данной ситуации в первую очередь важно трезво взглянуть на сложившуюся ситуацию, без эмоций, страхов и необоснованных преувеличений.

В первую очередь, конечно же, санкции – это самая настоящая атака на российскую экономику. России была объявлена торговая война, и уже давно. Но если все как-то еще надеялись на временность и символичность данных мер, последний пакет санкций, предусматривающий ограничивающую способность президента США повлиять на них и более открытую трактовку самих мер, несет более постоянный характер. Причем если раньше санкции были привязаны к каким-то конкретным политическим действиям со стороны России, то теперь нет конкретных причин и требований со стороны Запада, а есть лишь желание и далее дискриминировать Россию [1]. Очевидно, что в Кремле понимают, что начался период, сильно напоминающий холодную войну.

Тем не менее, торговые отношения, как и любые отношения, имеют двусторонний характер. Невозможно нанести удар клиенту, не повредив собственный бизнес [2]. В данной ситуации можно поспорить, что у клиентов всегда больше привилегий, чем у бизнеса, который отказывается его обслуживать. Не зря существует фраза, что «клиент всегда прав». Санкции, которые направлены на ограничение сотрудничества иностранных фирм с российскими компаниями, в стране, которая обладает богатыми природными ресурсами и потенциалом, присущим странам с развивающейся экономикой, не может являться выгодным для экономики их страны. Конечно, можно поспорить, что при условии монополизации финансового рынка у наших компаний, зависящих от западного финансирования, нет особого выбора, и это неизбежно скажется негативно на российской экономике. Возможно, даже намного более сильно, чем на экономике этих стран. Но важно понимать, что речь идет о торговых отношениях, и каким бы монополизированным рынок ни был, всегда есть альтернатива, в которой клиент (в данном случае российские компании) играет решающую роль. Также не стоит недооценивать размер российского рынка и аппетита российских потребителей, будь то повседневные потребители, пользующиеся иностранными товарами, или целые компании, пользующиеся услугами иностранных компаний. Удар по потребителям всегда сказывается на самих компаниях в нашей взаимосвязанной международной экономике, даже если и не пропорционально.

Таким образом, важно трезво оценивать сложившуюся непростую экономическую ситуацию и не питать иллюзий в отношении того, что меры несут символический или временный характер. Ситуация действительно серьезная, и потери от данных мер будут достаточно тяжелыми для экономики всей страны. Тем не менее, также важно понимать, что дальнейшее развитие экономики страны, как и вопрос о том, выживет ли страна в данных условиях, зависит лишь от нас самих и нашей способности адаптироваться к меняющимся экономическим условиям. Ибо «выживает не самый сильный, а самый приспособленный» (Герберт Спенсер).

Трезвая оценка ситуации и принятие реальности как факта является половиной успеха. Вторым важным фактором успешной адаптации в меняющихся экономических условиях является умение извлечь преимущества из неблагоприятных условий. Для этого, конечно же, нужно, в первую очередь, определить, почему санкции имеют столь большое влияние на российскую экономику, что его используют как оружие наши иностранные партнеры против стран, с которыми невозможно воевать традиционными методами. Ответ на этот вопрос достаточно простой. В эпоху глобализации все страны взаимосвязаны, но силы на мировом рынке далеко не равны. Так уж получилось, что после Второй мировой войны правила игры были установлены нашими западными партнерами, и вся финансовая система находится в руках одной группы стран, которая в любой момент может «надавить» на остальных участников или даже полностью вытолкнуть их с международного рынка с помощью санкций. В такой ситуации оказывается, что лишь небольшая

группа стран является монополистами на мировом финансовом рынке, а остальные страны должны подстраиваться под их условия, чтобы не потерять поток финансирования. В то же время единственной причиной, по которой данная финансовая система имеет столь сильное влияние на участников финансового рынка, является добровольное использование ее участниками резервной долларовой валюты, которая может бесконечно печататься лишь одним из участников этой системы. Данная система работала неплохо для всего мира какое-то время, но пора осознать тот факт, что, когда эта система начинает использоваться как оружие одними ее участниками против других участников ради личных интересов, проблема заключается в самой системе и ее неравноправности среди участников мирового рынка. Таким образом, нашей основной задачей в данной ситуации должна быть независимость от западной финансовой системы ради интересов национальной экономической безопасности страны. В то время как полная независимость от западного финансового рынка – недостижимая цель на данный момент, постепенное отдаление от него и диверсификация финансовых рынков посредством использования национальных валют при транзакциях с другими странами, которые были также затронуты санкциями, – вполне реалистично. Если все участники перестанут участвовать в данной финансовой системе, построенной Западом после Второй мировой войны, то эта система просто перестанет существовать. Таким образом, наши западные партнеры сами наносят ущерб собственной системе, одновременно подрывая к себе доверие. Санкции имеют силу лишь до тех пор, пока один или два ее участника «отгорожены» от участия на мировом рынке, в то время как все остальные участники продолжают свободную торговлю на равных условиях. Но в последнее время санкции стали «любимым» инструментом международной политики западных стран, и все большее число стран оказываются за пределами международной финансовой системы, что все в большей степени ослабляет эту систему изнутри. Таким образом, одной из основных задач российских экономистов должно быть усиление торговых отношений со странами, оказавшихся под влиянием западных санкций в национальных валютах, и построение собственного, независимого от западных стран финансового рынка [4]. Другим шагом к независимости российской экономики от западного финансового рынка должна быть продажа российского сырья и военной техники не только странам, попавшим под влияние западных санкций, но и нашим западным партнерам в национальной валюте. Цена должна соответствовать ценам на международном рынке, но торговые отношения должны производиться в национальной валюте продавца. Желающие купить российские продукты найдут возможность и оплатить их при условии, что качество и цена приемлемые.

Одним из часто озвучиваемых предложений ответа на санкции является прекращение торговых отношений с нашими западными партнерами в надежде, что они смягчат позиции, когда захотят использовать наш газ или ракеты для космических проектов. Этого делать ни в коем случае нельзя. Как мы отмечали в начале статьи, любые торговые отношения несут двусторонний характер и любые его ограничения наносят больший урон продавцу, нежели покупателю. Наши партнеры найдут другие источники получения данных товаров, а мы потеряем наш единственный доход и навсегда подорвем репутацию нашей страны как надежного поставщика. Какой бы сложной ни была ситуация с нашими партнерами, никогда нельзя отказываться от бизнес-возможностей, которые приносят нам доход. Но при этом мы должны устанавливать условия сделок, которые поддерживают нашу экономику, а не наносят ей урон, поддерживая систему, которая используется как экономическое оружие против нашей страны.

Другим, с нашей точки зрения, далеко не последним шагом на пути к независимости российской экономики от западных партнеров является диверсификация нашей экономики и доходов нашей страны. Далеко не секрет, что до настоящего времени большее давление на нашу экономику имели мировые цены на нефть, нежели санкции. Манипуляция нефтяных цен широко использовалась группой стран как оружие против стран, зависящих от нефтяных доходов со времен Советского Союза, что должно было послужить хорошим уроком еще тогда. Но лучше поздно, чем никогда, поэтому сейчас необходимо направить все наши усилия на развитие отечественной промышленности, спонсировать обучение и научные исследования, чтобы как можно скорее избавить нашу экономику от инструментов давления наших недоброжелателей.

Реализация этих мер, конечно же, может занять годы и потребовать неимоверных усилий и определенного настроя населения страны, но, как говорил китайский мудрец Лао-Цзы, «путь в тысячу ли начинается с первого шага».

Литература

1. Бексултанова А.И., Аслаханова С.А. Влияние санкций на экономику Российской Федерации // Молодой ученый. 2016. № 3. С. 464–466.

2. Завадская В.В., Сарсенова Д.Р. Влияние санкций на экономику России // Молодой ученый. 2017. № 10. С. 232–235.

3. Реакция России на санкции: США пострадают сами [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2014/07/140717

4. Сергеева О.Ю., Каримова А.А. Экономические последствия санкций для российской экономики // Вопросы экономики и управления. 2017. № 1. С. 134–137.

5. Russia sanctions: What you need to know [Электронный ресурс]. URL: http://www.cnn.com/2017/07/25/europe/russia-sanctions-explainer/index.html

Экономические аспекты борьбы с преступностью в бюджетной сфере

Economic Aspects of the Fight against Crime in the Public Sector

Н. ТРУШИНА, Е. КОЛЕСНИКОВА

Трушина Наталья Николаевна, канд. экон. наук, старший преподаватель кафедры экономической безопасности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. E-mail: b.nat@mail.ru

Колесникова Елена Николаевна, д-р экон. наук, профессор кафедры экономической безопасности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. E-mail: e.kolesnikova_rfmu@mail.ru

В статье рассмотрена экономическая опасность преступлений в бюджетной сфере, изучены причины, способствующие их совершению. Проведено исследование состояния и структуры бюджетных преступлений на территории Рязанской области, выявлены преобладающие как по количеству, так и по размеру материального ущерба. Определены правовые препятствия, затрудняющие предупреждение и противодействие преступлениям в области бюджетного финансирования.

***Ключевые слова**: бюджетная сфера, бюджетные преступления, причины преступности в бюджетной сфере, экономический ущерб, противодействие преступлениям в бюджетной сфере.*

The article presents the economic danger of crimes in the public sector, studied the causes that contribute to their commission. The study of the state and structure of budget crimes in the Ryazan region identified the prevailing, both in the number and size of material damage. The legal obstacles that make it difficult to prevent and counteract crimes in the field of budget financing are identified.

***Key words**: budget sphere, budget crimes, causes of crime in the budget sphere, economic damage, counteraction to crimes in the budget sphere.*

Приоритетное значение для успешного социально-экономического развития государства имеет рациональное и эффективное расходование бюджетных средств. Сфера бюджетного финансирования занимает особое место в системе экономических отношений, что обусловлено рядом факторов:

– за счет бюджетного финансирования осуществляется поддержка организаций, обеспечивается их нормальная деятельность и развитие, когда собственных средств недостаточно;

– за счет средств бюджетов финансируются сферы образования, культуры, жилищно-коммунального хозяйства, здравоохранения, реализуются меры социальной политики государства.

Значительные финансовые ресурсы, выделяемые государством на решение социальных задач, определяют важность обеспечения защиты бюджетных средств от преступных посягательств [1]. Для подразделений по борьбе с экономическими преступлениями сфера бюджетного финансирования выступает одним из основных объектов оперативно-розыскной деятельности.

Систематизация совокупности причин преступности в бюджетной сфере позволяет определить три блока: экономические, правовые, социальные [4].

Экономические причины преступности в бюджетной сфере связаны со значительным сокращением возможностей учреждений по пополнению оборотных средств и кредитованию в условиях внешнеполитических и внутриэкономических факторов; субъективным завышением цен на товары (работы, услуги), приобретаемые по государственным контрактам, в связи с аффилированностью должностных лиц государственных (муниципальных) учреждений с поставщиками; размещение государственных заказов без конкурсов (электронных аукционов) путем заключения договора с единственным поставщиком и др.

Правовые причины определяются наличием неурегулированных вопросов в отраслевом и бюджетном законодательстве; высокой сложностью применения норм бюджетно-финансового законодательства; отсутствием ряда подзаконных актов, поясняющих положения федерального законодательства; несоответствием темпов законодательной деятельности и ведомственного нормотворчества и др.

Социальными причинами преступности в бюджетной сфере являются: ограниченное участие институтов гражданского общества в защите финансово-бюджетной системы; социальное неравенство, превращение коррупции должностных лиц в общепринятую практику.

Статистическое исследование размеров и структуры уголовных деяний в бюджетной сфере в период 2013–2017 гг. на примере Рязанской области (табл. 1) позволило определить следующие характерные виды преступлений:

– мошенничество (ст. 159 УК РФ);
– злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ);
– превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ);
– незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ);
– получение взятки (ст. 290 УК РФ).

Таблица 1

Преступления в бюджетной сфере в Рязанской области

Годы	Статьи Уголовного кодекса Российской Федерации												
	159, часть 3	159, часть 4	285, часть 1	285, часть 2	286, часть 1	286, часть 2	289	290, часть 2	290, часть 3	290, часть 5, пункт а	290, часть 5, пункт б	290, часть 5, пункт в	290, часть 6
2013		+											
2014	+	+				+					+	+	+
2015	+	+						+		+			+
2016			+				+		+			+	+
2017	+	+	+	+	+			+					+

Мошенничества в бюджетной сфере, совершаемые на территории Рязанской области, были связаны, как правило, с незаконной регистрацией земельных участков с участием представителей органов власти муниципальных образований, искажением статистических данных о численности населения, проживающего на территории муниципального образования, с целью установления более высокого должностного оклада главе администрации, а также нецелевым использованием бюджетных средств.

Факты злоупотребления должностными полномочиями усматривались в безвозмездной передаче главой муниципального образования и передаче в аренду по заниженной стоимости муниципального имущества, подписании руководителем бюджетного учреждения актов приема приборов уличного освещения города будучи осведомленным о том, что установленные приборы имеют худшие технические характеристики по сравнению с демонтированными.

Незаконное участие в предпринимательской деятельности было зафиксировано со стороны главы администрации муниципального образования при создании подконтрольного ему юридического лица – коммерческой организации, участии в ее управлении и покровительстве.

Превышением должностных полномочий сопровождались факты изготовления документов, содержащих заведомо ложные сведения.

Взяткополучателями стали гражданские и муниципальные служащие органов исполнительной власти региона, органов местного самоуправления, сотрудники высших образовательных учреждений. Объектами взяточничества явились:

– беспрепятственное рассмотрение рабочих документов;
– выделение субсидий из бюджета;
– незаконное внесение изменений в технические условия строительной документации;
– покровительство по службе должностных лиц;
– общее покровительство и защита интересов отдельных организаций;
– выставление положительных оценок на экзамене и т.д.

Таблица 2

Динамика объема бюджетных преступлений в Рязанской области

Статьи УК РФ	2013		2014		2015		2016		2017	
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%
159, часть 3			9649	0,1	834427,64	4,9			6472680	19,0
159, часть 4	480000	100	9969514	60,9	12207263	71,6			8422177	24,8
285, часть 1							10000000	59,2	0	0
285, часть 2									12708834	37,4
286, часть 1									0	0
286, часть 2			0	0						
289					0	0				
290, часть 2					30000	0,2			218780	0,6
290, часть 3							29000	0,2		
290, часть 5, пункт а					600000	3,5				
290, часть 5, пункт б			56000	0,3						
290, часть 5, пункт в			2037164	12,4			2393233	14,2	194622	0,6
290, часть 6			4305700	26,3	3380000	19,8	4461613	26,4	5960453	17,5
Итого в бюджетной сфере:	480000	100	16378027	100	17051690,6	100	16883846	100	33977546	100

При этом наиболее распространенными преступлениями за 2013–2017 гг. явились мошенничества в предпринимательской деятельности, мошенничества, совершаемые с использованием электронных средств платежа, получение взятки в особо крупном размере.

В период с 2014 года материальный ущерб от бюджетной преступности возрос более чем в два раза – с 16,4 млн руб. до 34 млн руб. (табл. 2).

Исходя из размера экономического ущерба, наибольшую опасность представляют преступления, квалифицируемые по статьям 159 (ч. 4), 285 (ч. 1), 285 (ч. 2), 290 (ч. 6) Уголовного кодекса Российской Федерации. Доля данных преступлений в соответствии с их совокупной материальной составляющей в общем объеме в бюджетной сфере ежегодно составляет около 80–90 % (рис. 1).

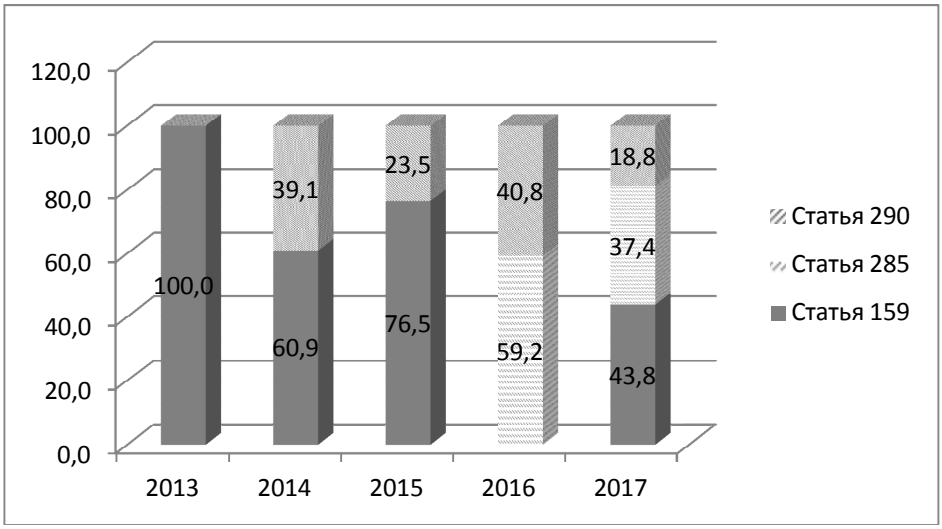


Рис. 1. Структура бюджетных преступлений в Рязанской области (по размеру материальной составляющей)

При этом необходимо отметить, что на фоне увеличения размера бюджетных преступлений в абсолютном выражении происходит сокращение их удельного веса в общем объеме экономических преступлений в регионе (рис. 2).

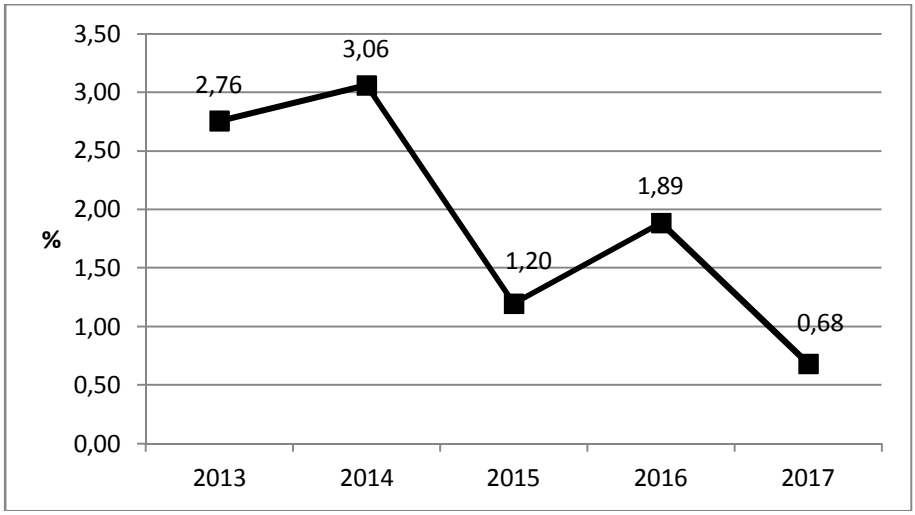


Рис. 2. Доля преступлений в бюджетной сфере от общего объема экономических преступлений в Рязанской области (%)

Общественная опасность преступлений в финансово-бюджетной сфере в целом осознается как руководством страны и правоохранительных органов, так и экспертами. Однако важные характеристики преступлений в финансово-бюджетной сфере учитываются в законодательстве пока не в полной мере.

В соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств и средств внебюджетных фондов

(статьи 285.1, 285.2), которая в большей степени связана с преступными злоупотреблениями должностных лиц в финансово-бюджетной сфере. Остальные преступления против интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления в целом не учитывают посягательств на сферу финансово-бюджетных правоотношений.

Кроме того, преступления в области экономической деятельности также не раскрывают особенностей противоправной деятельности в финансово-бюджетной сфере (глава 22 Уголовного кодекса РФ). В ходе расследования дел об экономических преступлениях и последующих судебных разбирательствах финансово-бюджетная сфера часто остается за пределами уголовного судопроизводства. Таким образом, определяется недостаточная полнота экономико-правового регулирования, что затрудняет своевременное предупреждение и противодействие преступлениям и правонарушениям в области бюджетного финансирования.

Литература

1. Данилов А.М. Сфера бюджетного финансирования как объект деятельности подразделений БЭП // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 11. С.93–96.

2. Лукин В.К., Петров Д.В. Причины преступлений в бюджетной сфере и их устранение // Естественно-гуманитарные исследования. 2017. № 15 (1). С. 27–32.

3. Мазур Л.В., Ильминская В.И. Механизм финансового обеспечения деятельности государственных учреждений // Территория науки. 2015. № 2. С. 116–120.

4. Соловьев И. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений в бюджетной сфере [Электронный ресурс]. URL: http://отрасли-права.рф/article/15201

Республика Башкортостан в системе инвестиционного взаимодействия государств ШОС и БРИКС (2001–2017 гг.)

Republic of Bashkortostan in the System of Investment Integration of the States of SCO and BRICS (2001–2017)

А. СУКИАСЯН, Р. ЮСУПОВ

Сукиасян Асатур Альбертович, канд. экон. наук, доцент кафедры финансов и налогообложения Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (БашГУ). Email: saa@s-lab.info

Юсупов Рахимьян Галимьянович, д-р ист. наук, профессор кафедры государственного права Института права БашГУ. Email: yusupovr.g@yandex.ru

Статья посвящена интеграции Республики Башкортостан в систему инвестиционного сотрудничества стран ШОС и БРИКС в 2001–2017 гг. Показано развитие двусторонних экономических связей Башкортостана с Китаем, государствами Средней Азии и другими партнерами России по ШОС и БРИКС в контексте инвестиционной политики Республики Башкортостан.

***Ключевые слова**: инвестиционная политика Республики Башкортостан, ШОС, БРИКС, ЕАЭС, иностранные инвестиции в Башкортостане.*

Article is devoted to integration of the Republic of Bashkortostan into the system of investment cooperation of the countries of SCO and BRICS in 2001–2017. The research shows the development of bilateral economic relations of Bashkortostan with China, the states of Central Asia and other partners of Russia in SCO and BRICS in the context of investment policy of the Republic of Bashkortostan.

***Key words**: investment policy of the Republic of Bashkortostan, SCO, BRICS, EEU, foreign investments in Bashkortostan.*

Актуальность изучения новейшего исторического опыта участия Республики Башкортостан в развитии инвестиционного сотрудничества стран Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и содружества России, Китая, Индии, Бразилии и ЮАР (БРИКС) определяется существенным значением укрепления международных связей России с партнерами по ШОС и БРИКС в контексте концепции многополярного мира XXI века. Кроме того, задачи дальнейшего повышения эффективности инвестиционной политики субъектов Российской Федерации включены в программы стратегического развития страны на федеральном и региональном уровнях [9; 13].

Теоретические вопросы и практический опыт формирования инвестиционного пространства в рамках ШОС и БРИКС к настоящему времени достаточно широко отражены в отечественной и иностранной литературе в рамках исследований по проблемам глобалистики, международных отношений, мировых и евразийских финансовых рынков [1; 2; 3; 4; 5]. При этом участие Республики Башкортостан в диалоге России со странами ШОС и БРИКС обычно остается за рамками данных публикаций либо затрагивается лишь в форме кратких упоминаний.

Участие Республики Башкортостан в реализации внешней политики Российской Федерации в рамках ШОС развивалось фактически с момента ее создания в 2001 г. благодаря сложившимся в предшествующий период двусторонним экономическим и культурным связям России и непосредственно Башкортостана с государствами – основателями ШОС. Так, например, в 1993 г. было подписано Соглашение об укреплении связи и сотрудничества между Правительством Башкортостана и Правительством Хэйлунцзянской провинции КНР, а в 1999–2001 гг. достигнут целый ряд договоренностей о торгово-экономическом и научно-техническом сотрудничестве Республики и китайской провинции Ляонин [11, *88*].

Международно-правовую базу инвестиционного взаимодействия республики со странами Евразийского пространства и Китаем изначально составляли экономические соглашения и договоры на уровне регионов, что обусловлено конкретными взаимными интересами бизнеса Башкортостана и тех регионов КНР, Казахстана и других экономических партнеров России по ШОС, структура промышленности и потребительского рынка которых коррелирует с потенциалом Республики Башкортостан как торгового партнера и участника международного инвестиционного процесса.

Правовую и организационную основу развития инвестиционного пространства Башкортостана составили Постановления Правительства Республики Башкортостан 1991 – начала 2000-х гг., направленные на создание в республике благоприятного инвестиционного климата через механизм предоставления инвесторам налоговых льгот [9]. В этот период в Республике Башкортостан активно создавались совместные предприятия с участием китайских и среднеазиатских капиталов, а представители башкирского бизнеса участвовали в создании коммерческих и промышленных предприятий в Евразийском регионе. Однако процесс инвестиционного взаимодействия башкирской экономики с партнерами России по Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС все же развивался значительно медленнее, чем сектор торговли и научно-образовательные связи с данными странами.

Компонентами обновления стратегического курса инвестиционной политики Башкортостана стало создание в 2010 г. республиканской Корпорации развития, под эгидой которой началась реализация инвестиционных проектов, ориентированных на поддержку инноваций и модернизацию социальной сферы [12]. В 2012 г. была опубликована «Инвестиционная декларация Республики Башкортостан», подтверждавшая следование политике формирования благоприятного инвестиционного климата.

В этот период выходит на новый уровень диалог Башкортостана с китайскими инвесторами. В 2008–2013 гг. состоялось несколько обменов делегациями крупных промышленных предприятий Башкортостана и китайских компаний, активизировалось участие башкирского бизнеса в деловых форумах и выставках в Китае, было подписано несколько официальных дипломатических и коммерческих документов, направленных на развитие двусторонних экономических связей. В частности, в 2013 г. была достигнута договоренность с китайской инвестиционной компа-

нией «УТУН» об организации в Куюргазинском районе Башкирии производства сверхлегких вертолетов гражданского назначения на основе технологии, предложенной специалистами башкирского предприятия ООО «Ротофлай» [10, *89*]. В ноябре 2015 г. был торжественно открыт летно-испытательный комплекс будущего завода. Капиталовложения Китая на первоначальном этапе строительства составили около 260 млн рублей [15].

В 2010-е гг. начинается наполнение информационного и общественно-культурного пространства Башкортостана новым содержанием, связанным с подготовкой и проведением в Уфе в 2015 г. саммитов ШОС и БРИКС. Проведение саммитов БРИКС и ШОС в Уфе 8–10 июля 2015 г. явилось важнейшим этапом в становлении статуса Башкортостана как соорганизатора и непосредственного участника ключевых процессов мировой политики, достойно представляющего экономический и научно-культурный потенциал Российской Федерации в глобальном конкурентном пространстве.

Уфимские саммиты ШОС и БРИКС, обозначившие серьезные изменения в глобальной политической и финансово-экономической архитектуре и растущую роль России в системе формирующегося многополярного мира [15], привлекли широкое внимание политиков, ученых, деятелей бизнеса в России и за рубежом. В научно-экспертном сообществе обсуждались в том числе вопросы инвестиционной политики стран – участниц ШОС и БРИКС [16]. Так, известный российский ученый, профессор Б.А. Хейфец подчеркивал, что в расширяющемся взаимодействии стран БРИКС «одним из самых перспективных направлений может стать инвестиционное сотрудничество, которое приносит синергетический эффект, обеспечивающий расширение торговых и других экономических взаимосвязей» [2, *19*].

Активность европейских инвесторов, обеспечивших строительство в Уфе объектов мировых брендов гостиничного бизнеса – Hilton, Holiday Inn, Sheraton, не только способствовала обновлению облика столицы Башкортостана, но и стала примером коммерческой стратегии, ориентированной на перспективы дальнейшего развития Уфы как города и центра деловой активности крупного экономического региона России.

Под знаком саммитов в 2014–2015 гг. состоялись традиционные для Уфы Российские энергетические форумы и выставки. Значимость данных мероприятий в контексте инвестиционной политики Республики Башкортостан определялась не только участием крупных игроков мирового энергетического рынка, но и продвижением образа Уфы как центра развития новейших технологий (презентация системы управления сетями Smart Gri и др.) [16]. В то же время складывались благоприятные условия для расширения взаимодействия Башкортостана с Китаем, Индией и другими государствами ШОС и БРИКС в сфере инноваций и венчурного инвестирования. Активную роль в реализации новых возможностей в данной сфере играла Корпорация развития Республики Башкортостан.

Рост известности и авторитета Башкортостана в международном сообществе проявился в выборе Уфы для проведения различных мероприятий в рамках Евразийского союза, ШОС и БРИКС, таких как V Российско-Киргизская межрегиональная конференция 2015 г., Форум межрегионального сотрудничества России и Казахстана и др. 25–26 января 2016 г. в Уфе прошла первая в истории БРИКС встреча министров труда государств – участников объединения, посвященная политике обеспечения занятости населения и создания качественных рабочих мест. В июне того же года в рамках «Студенческой весны – 2016» в Башкортостане был организован Молодежный форум стран ШОС и БРИКС.

Инвестиционные показатели Республики Башкортостан во второй половине 2010-х гг. демонстрировали устойчивый рост, прежде всего благодаря капиталовложениям крупных российских компаний. В то же время наметилась также тенденция повышения доли иностранных

инвесторов в экономической структуре Башкортостана. Информация о сотрудничестве Башкортостана со странами БРИКС и ШОС, размещенная на сайте Министерства экономического развития Республики Башкортостан в 2016 г., показывает, что в этот период значительно возрастает активность торгового обмена между Башкортостаном и Бразилией, Индией, государствами Центральной Азии. Следует отметить, что этот процесс является компонентом растущей инвестиционной активности бизнеса, представляющего интересы государств ШОС и БРИКС в Башкортостане, поскольку организация внешней торговли республики осуществляется в значительной степени в форме совместных коммерческих фирм и компаний [16]. В частности, одно из предприятий оптовой торговли, действовавших в Республике Башкортостан в январе 2016 г., было создано при участии капитала из ЮАР [15].

Инвестиционные капиталы Китая и государств БРИКС в настоящее время задействованы в проектах модернизации и строительства промышленных предприятий в нескольких регионах Республики Башкортостан. Наиболее значительными проектами с участием китайских партнеров в современном Башкортостане являются строительство цементного завода в Сибае (инвестор – корпорация «Цзюньхэ», общий объем инвестиций 205 млн долларов США) и предприятия по сборке и производству тракторов совместно с компанией «Чжифан» на базе ГУСП «Башсельхозтехника» в Благовещенске. В 2016 г. Корпорация развития Республики Башкортостан заключила соглашение о привлечении инвестиций в агропромышленный комплекс Башкортостана и производство строительных материалов республики с Аньхойским Центром содействия сотрудничеству Китая и России. Руководство компании «Чжифан» анонсировало создание в системе АПК Башкортостана производства медикаментов для пчел, гербицидов и комбикормов. Весной 2016 г. в Башкортостане действовало 23 совместных предприятия с участием структур бизнеса КНР и осуществлялось 10 инвестиционных проектов [16], а к концу года на уровне ПФО рассматривалось 56 проектов [2]. В декабре 2016 г. китайская сторона начала финансирование строительства в столице Башкортостана Китайского международного делового центра «Уфа – Янцзы», которое планируется завершить к 2021 г. [16].

Примером включения Башкортостана в процесс экономической интеграции стран БРИКС явилось открытие южноафриканской компанией Bell Equipment на башкирском заводе «НефАЗ» в Нефтекамске линии по сборке большегрузных шарнирно-сочлененных самосвалов Bell, впервые представленных в июле 2015 г. на саммитах ШОС и БРИКС в Уфе. На базе этого же завода началось производство бразильских автобусов Marcopolo, продвигавшихся на рынках России и ЕАЭС.

Отдельную тему, связанную с развитием инвестиционного взаимодействия стран ШОС и участием в этом процессе Башкортостана, составляет сопряжение проектов ЕАЭС и Великого Шелкового пути – стратегическая идея, закрепленная в Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики от 8 мая 2015 г. и в Уфимской декларации ШОС [6, *9–10*]. Через Банк развития БРИКС осуществляется частичное кредитование строительства Восточного выезда – транспортного узла в Уфе, который соединяет федеральные трассы М7 и М5, составляя в то же время элемент трансконтинентальной логистической инфраструктуры XXI века. Вовлеченность Башкортостана в формирование грузопотоков из Китая в Европу и из России в Азию создает значительные дополнительные стимулы для роста региональной экономики, в том числе для развития международного инвестиционного сотрудничества.

Растущая известность Башкортостана как успешного организатора и участника делового и культурного диалога в рамках ШОС и БРИКС создает новые возможности для практической реализации задач республиканской инвестиционной политики и дальнейшей интеграции Башкортостана в глобальный рынок инвестиционных капиталов.

Литература

1. БРИКС. Контуры многополярного мира / Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я., Капустин А.Я. Институт законодательства и сравнительного правоведения (Москва). М.: ИЗиСП, 2015. 295 с.

2. Выступление Председателя Правительства Республики Башкортостан Рустэма Марданова на открытии IV Форума малого бизнеса регионов стран-участниц ШОС и БРИКС. Уфа, 18 октября 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://realnoevremya.ru/articles/117219-biznes-forum-shos-briks-v-ufe-bez-habirova-no-s-kitaycami

3. Ершов В.Ф. Россия и Китай: Инвестиционные проекты и сотрудничество в банковской сфере (2004–2014 гг.) // Проблемы экономики и менеджмента. 2014. № 10. С. 47–61.

4. Инвестиционная декларация Республики Башкортостан. Утверждена Указом Президента Республики Башкортостан от 03.12.2012 № УП-508 «Об Инвестиционной декларации Республики Башкортостан» // Кодекс: Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/463500191

5. Канен А.Г., Цигелкова Е., Фролова Е.Д., Никифорова Д.А. Взаимодействие БРИКС с ШОС и другими субъектами мировой экономики // Проблемы международного сотрудничества в рамках ШОС: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2012. С. 237–244.

6. Новое направление российской внешней и внешнеэкономической политики – взаимодействие в БРИКС / Отв. ред. С.П. Глинкина; коллектив авторов. М.: Институт экономики РАН, 2014. 220 с.

7. Пономаренко Е.А. Привлечение инвестиций в субъекты Российской Федерации на примере Республики Башкортостан // Проблемы экономики и менеджмента. 2017. № 3. С. 47–50.

8. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 18 апреля 2014 г. № 188 «Об утверждении Стратегии инвестиционного развития Республики Башкортостан до 2020 года» [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/17767223/#ixzz4gm6tOOrD

9. Путеводитель инвестора. Республика Башкортостан / Корпорация развития Республики Башкортостан. Уфа: PwC, 2015. 37 с.

10. Ракишева Г.К. Сотрудничество между народами Республики Казахстан и Республики Башкортостан // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2016. Т. 20. № 2. С. 1–7.

11. Роль субъектов Российской Федерации в укреплении сотрудничества стран ЕАЭС и ШОС (на примере Республики Башкортостан): материалы Всерос. науч.-практ. конф., 14 апреля 2015 г. / Под ред. Нигматулина Р.В. Уфа: Изд-во Башкирского университета, 2015. 166 с.

12. Сотрудничество Республики Башкортостан со странами БРИКС и ШОС [Электронный ресурс]. URL: https://economy.bashkortostan.ru/dejatelnost/vneshneekonomicheskaya-deyatelnost/vneshneekonomicheskie-svyazi/ sotrudnichestvo-shos-briks/

13. Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года. Проект (Уфа, 2017) // Министерство экономического развития Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: https://economy.bashkortostan.ru/upload/iblock/b5c/proekt-strategii-sotsialno_ ekonomicheskogo-razvitiya-respubliki-bashkortostan-na-period-do-2030-goda.pdf

14. Сукиасян А.А. Инвестиционная стратегия Республики Башкортостан в 1991–2017 гг.: исторический опыт формирования и реализации // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 5. С. 44–56.

15. Хейфец Б.А. Россия и БРИКС. Новые возможности для взаимных инвестиций: монография. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2014. 220 с.

16. Юмагузин Р.Р. Сотрудничество Республики Башкортостан с провинциями Китайской Народной Республики // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2015. Т. 20. № 3. С. 87–93.

Социально-экономическая дифференциация домохозяйств как ограничение возможностей воспроизводства человеческого потенциала

Socio-economic Differentiation of Households as a Limitation of Human Potential Reproduction

Г. РОССИНСКАЯ, З. ИБРАГИМОВА, Н. ИШМУХАМЕТОВ

Россинская Галина Михайловна, д-р экон. наук, заведующий кафедрой общей экономической теории Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: g-ross@mail.ru
Ибрагимова Зульфия Фануровна, канд. экон. наук, доцент кафедры инновационной экономики ИНЭФБ БашГУ. E-mail: badertdinova@mail.ru
Ишмухаметов Наиль Салаватович, канд. экон. наук, доцент кафедры общей экономической теории ИНЭФБ БашГУ. E-mail: ins007@mail.ru

В работе представлены результаты исследования социально-экономической дифференциации на уровне домохозяйств. Ее формирование и воспроизводство выступает фактором, ограничивающим возможности воспроизводства человеческого потенциала домохозяйств. Анализ распределения располагаемых ресурсов по разным группам домохозяйств показывает сохранение колоссальных разрывов как в доходах, так и в расходах, в особенности – по показателю прироста сбережений. Чрезмерный уровень дифференциации во многом является результатом самовоспроизводства бедности, обусловленного низким уровнем доходов основной массы работающего населения. Предложено обратить внимание на проблемы расширения занятости при одновременном сокращении дифференциации доходов по отраслям и удержании потребительской инфляции на низком уровне.
***Ключевые слова**: социально-экономическая дифференциация, домохозяйства, воспроизводство, человеческий потенциал.*

The paper presents the results of the study of socio-economic differentiation at the household level. Its formation and reproduction is a factor limiting the opportunities of reproduction of households' human potential. The analysis of the distribution of available resources among different groups of households shows the persistence of huge gaps in both income and expenditure, especially in terms of savings growth. The excessive level of differentiation is largely the result of self-reproduction of poverty due to the low level of income of the majority of the working population. It is proposed to pay attention to the problems of employment expansion while reducing income differentiation by industry and keeping consumer inflation at a low level.
***Key words**: socio-economic differentiation, households, reproduction, human potential.*

Главнейшей функцией домохозяйств является обеспечение экономических условий производства, сохранения, реализации человеческого потенциала. Очевидно, что в процессе воспроизводства человеческого потенциала домохозяйство играет роль базового субъекта. При этом можно сказать, что человеческий потенциал – это средство (ресурс) и цель (результат) деятельности семьи. Отметим, что в современном обществе налицо возрастающая роль систем образования и здравоохранения, культуры и масс-медиа, сформировавшихся поначалу как вспомогательная надстройка, важное дополнение «семейных фабрик человеческого развития» и становящихся все в большей степени антитезой семьи в реализации функции воспроизводства человеческого потенциала. В этих условиях, с одной стороны, налицо тот факт, что семья уже не может как

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Республики Башкортостан в рамках научного проекта № 17-12-02004 «Экономическое поведение домохозяйств в условиях теневой экономики: современные особенности и пути повышения эффективности государственного воздействия на региональном уровне».

раньше обеспечивать приватность и «закрытое» личное пространство. Воздействие внешней среды по отношению к семье возрастает настолько, что дом, семья, домохозяйство становятся «проходным двором» для множества государственных и негосударственных учреждений социальной сферы, СМИ, социальных сетей и пр. С другой стороны, логика общественного прогресса подразумевает возрастающую роль общественных систем человеческого развития, усиления контроля со стороны «социального государства» над общественным производством самого важного ресурса – человека как члена общества.

Ресурсный подход означает, по сути, одно: ценность человека для экономики заключена в возможностях реализации его человеческого потенциала в качестве человеческого капитала (прежде всего, на рынках труда и потребительских рынках). Здесь можно провести аналогию с восприятием домохозяйств в качестве источников и преобразователей энергии одновременно в рамках системной модели воспроизводства человеческого потенциала домохозяйства. Ресурсы домохозяйства, будь то материальные или нематериальные ресурсы, являются входными параметрами в данной модели. Их роль как источников энергии домохозяйства следует рассматривать с учетом воздействия факторов внешней среды (микросреды и макросреды). Но все же основным «растворителем» ресурсов домохозяйства выступает внутренняя среда семьи, где система функций семьи и домохозяйства сводится в «мегафункцию домохозяйства» – преобразование энергии ресурсов и их накопление в различных элементах человеческого потенциала.

По нашему мнению, человеческий потенциал домохозяйства может быть выражен совокупностью элементов, имеющих разную природу и различное назначение:

$$HP_H = SP + LP + CP,$$

где HP_H – человеческий потенциал домохозяйства, SP – социобиологический потенциал; LP – трудовой потенциал, CP – потребительский потенциал.

Рыночный подход к анализу домохозяйств есть не что иное, как реализация принципа экономической эффективности: на выходе домохозяйства интересуют рыночную экономику как элементы питания (батарейки), которые потребляют и аккумулируют энергию, а затем выступают в роли носителей потенциала той самой энергии, идущей в расход на нужды физического или умственного труда, а также других видов экономической активности [2].

Домохозяйства, находясь в сложной системе социально-экономических отношений, оказывают непосредственное влияние на формирование человеческого потенциала, то есть являются базой, на основе которой осуществляется расширенное воспроизводство человеческого потенциала. В домохозяйствах, с одной стороны, формируется индивидуальный человеческий потенциал, а с другой – образуется человеческий потенциал семьи.

В макросреде домохозяйства выделяются в отдельно взятый сектор домашних хозяйств, в составе которого они принимают активное участие в кругообороте ресурсов, формировании доходов общества. Сектор домашних хозяйств выполняет функции, которые по своей природе имеют двоякий характер: со стороны спроса домашние хозяйства выступают как потребители произведенной продукции бизнес-сектора, а со стороны предложения – поставщиками ресурсов для него. Кроме того, домашние хозяйства тесно связаны с государством, будучи потребителями общественных благ и плательщиками налогов.

На фоне выполнения столь важных функций, с нашей точки зрения, в деятельности домашних хозяйств проявляется значимый эффект – влияние на создание и формирование социальной дифференциации, причем источники данного эффекта лежат внутри домохозяйств. С одной стороны, внутрисемейная взаимопомощь способствует снижению уровня бедности и дифференциации, а с другой – является фактором социального неравенства при неравномерной поддержке членов семьи. Например, ресурсы родителей напрямую влияют на возможности детей и на определение их места в социальной иерархии.

Внутренняя среда семьи формируется под воздействием таких микроэкономических условий, как социально-демографическая структура и стадия жизненного цикла семьи; «стартовый» социально-экономический уровень жизни людей, создающих семью; имеющееся имущество;

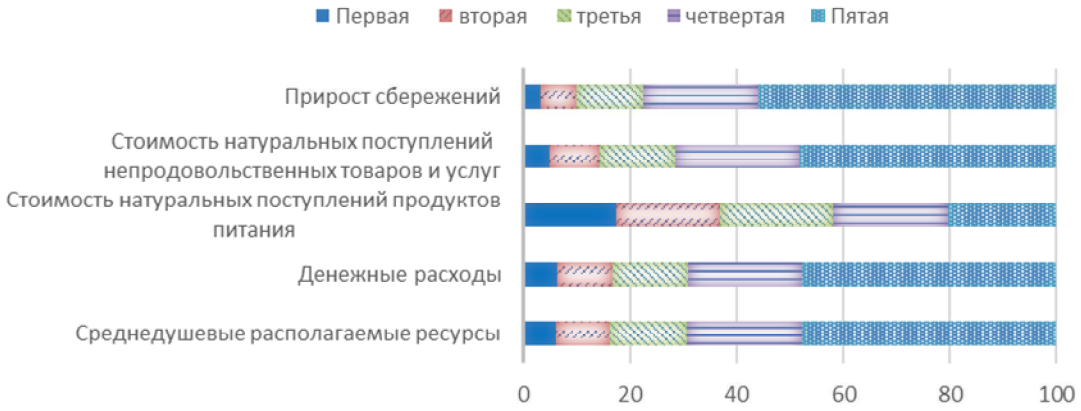
совокупный доход семьи (определяемый ее социально-экономическим положением, суммой доходов от собственности, от предпринимательской деятельности, суммой оплаты труда и трансфертов, а также натуральными доходами, доходами от продажи произведенных домохозяйством товаров, услуг, доходами от сберегательно-инвестиционной деятельности, объемом товаров и услуг, поступающих на основе нерыночного обмена).

Внешняя среда развития человеческого потенциала семьи определяется макроэкономическими условиями воспроизводства человеческого потенциала, в числе которых уровень доходов населения; общая сбалансированность потребительского рынка; уровень инфляции; государственная политика в области цен, доходов и поддержки социально уязвимых слоев населения, уровень и соотношение потребительских цен на различные товары и услуги.

На сегодняшний день одним из основных барьеров для расширенного воспроизводства человеческого потенциала выступает чрезмерная социально-экономическая дифференциация и связанная с этим бедность [1]. В то же время человеческий потенциал можно рассматривать как фактор различий в заработной плате, доходах, имуществе и других показателях дифференциации.

С нашей точки зрения, исследовать формирование и воспроизводство социально-экономической дифференциации в стране необходимо не на уровне индивида, а на уровне домохозяйств. Например, наиболее приближенным к реальному положению дел и научно обоснованным будет анализ не среднедушевого дохода населения, а дохода, который реально формируется в каждом домохозяйстве. Более того, анализ распределения доходов по домохозяйствам позволяет выявить имущественное неравенство в обществе.

В 2016 г., согласно данным Росстата, 20 % самых богатых домохозяйств концентрировали у себя почти половину, в то время как самые бедные – 20 % домохозяйств – лишь 6,1 % от всех среднедушевых располагаемых ресурсов (см. рис.). Не удивительно, что аналогичный разрыв наблюдается и по денежным расходам. Коэффициент фондов стоимости натуральных поступлений непродовольственных товаров и услуг в домохозяйствах составляет 16,7 раз. Наибольший разрыв наблюдается в приросте сбережений – 3,1 % у самых бедных 20 % домохозяйств и 55,7 % у самых богатых 20 % домохозяйств. При этом не наблюдается кардинальных различий в стоимости натуральных поступлений продуктов питания – 20,0 % и 16,8 % соответственно. Мы связываем это с менталитетом и сложившимися традициями пользования землей, включая разные формы подсобного хозяйства (дача, огород, приусадебный участок и др.). Также играют роль современные тенденции проживания за городом среди обеспеченных групп. При этом семьи могут владеть как крупными земельными наделами, так и маленькими участками.



Источник: построено авторами по данным [7].

Распределение располагаемых ресурсов домашних хозяйств по 20%-ным группам населения в 2016 г.

Негативным моментом является то, что продолжается рост денежных расходов на покупку продуктов питания: в 2013 г. доля продуктов питания в расходах на конечное потребление домашних хозяйств составила 26,2 %, в 2014 г. – 27,0 %, в 2015 г. – 30,4 %, в 2016 г. – 30,5 %.

Приведенные данные Росстата свидетельствуют об ухудшении материального положения домохозяйств и все большем отрыве от потребительского стандарта развитых стран Евросоюза, где доля расходов на питание не превышает 20 %. Ситуация не такая однозначная при рассмотрении структуры расходов различных групп населения в зависимости от уровня располагаемых ресурсов. Если в 2016 году в пятой квинтильной группе населения с наибольшими располагаемыми ресурсами расходы на продовольствие составили 28,9 %, то в первой (с наименьшими располагаемыми ресурсами) значение превысило критический уровень – 52,0 %. Специалисты отмечают, что в 2015 году при снижении экономической доступности продовольствия уже проявились два характерных варианта реакции на недостаток: уменьшение потребления домохозяйствами количества продуктов без изменения традиционной структуры питания и изменение набора потребляемых продуктов в целях сохранения энергетического баланса пищевых веществ за счет более доступных, но зачастую более экологически небезопасных продуктов питания [8, *41*]. Различия в расходах на непродовольственные товары указанных крайних 20 % групп населения составляют 1,7 раза. Расходы на образование в потребительских расходах домашних хозяйств в первой и пятой квинтильных группах практически не отличаются. Это можно объяснить престижем образования, за получение которого бедные готовы снизить другие потребительские расходы. В последние годы наблюдается незначительное снижение расходов на гостиницы, кафе и рестораны: в 2013 г. – 3,7 %, в 2014 г. – 3,6 %, в 2015–2016 гг. – 3,5 % от потребительских расходов домашних хозяйств. Такой вид расходов в большей степени характерен для обеспеченных слоев и демонстрирует, что даже в условиях затяжного кризиса они не хотят менять привычный образ жизни и обладают финансовыми ресурсами для его сохранения. Также существенен разрыв в расходах на организацию отдыха и культурные мероприятия (8,5 % от потребительских расходов против 3,4 % для первой беднейшей группы), что свидетельствует о наличии достаточной «подушки безопасности» для сохранения привычного уровня жизни обеспеченных групп населения.

Таким образом, все в большей степени усиливающаяся социально-экономическая дифференциация населения снижает темпы воспроизводства человеческого потенциала. Как справедливо отмечают исследователи, «бедность является не только одной из сторон социального неравенства, но и одним из разрушителей человеческого капитала» [4, *78*]. Эта разрушительная сила проявляется в неодинаковом доступе к услугам здравоохранения, образования, а также в неравных возможностях. Кроме того, следует отметить чрезвычайно низкий уровень предоставляемых государством гарантированных социальных услуг.

В таких условиях основой государственной политики должно стать расширение занятости и повышение доходов прежде всего работающего населения при одновременном сокращении дифференциации доходов по отраслям. Это диктуется тем, что одним из главных факторов самовоспроизводства бедности является низкий уровень доходов работающего населения, а именно заработной платы. Заниженный уровень заработной платы подрывает материальную основу воспроизводства человеческого потенциала, является антистимулом для домохозяйств и мощным ограничителем увеличения покупательной способности населения, а значит, и роста производства.

Наряду с указанными мерами необходимо также обеспечить удержание потребительской инфляции (см. табл.) на достаточно низком уровне. Это связано с тем, что изменение индекса потребительских цен сильнее всего отражается на уровне жизни малообеспеченных слоев населения, поскольку цены растут, прежде всего, на товары первой необходимости.

Вместе с тем, «в России, как и в целом в странах с формирующимися рынками, характерной чертой потребительской корзины является достаточно высокая доля в ней продовольственных товаров (в 2014 г. – 36,5 %)» [5], а высокий удельный вес импорта в структуре товарных ресурсов розничной торговли (в последние годы – около 44 %) обусловливает существенное влияние изменения обменного курса национальной валюты на динамику цен.

Структура потребительской инфляции в 2017–2020 гг.

	Прирост цен, %					
	дек. 2015 г.	дек. 2016 г.	дек. 2017 г.	дек. 2018 г.	дек. 2019 г.	дек. 2020 г.
	отчет		оценка	прогноз		
Инфляция (индекс потребительских цен)	12,9	5,4	3,2	4,0	4,0	4,0
Продовольственные товары	14,0	4,6	2,1	2,9	2,9	3,1
Непродовольственные товары	13,7	6,5	3,1	4,4	4,4	4,4
Услуги	10,2	4,9	4,9	5,0	5,1	4,9

Источник: составлено по [6].

Высокая инфляция означает понижение покупательной способности доходов всех домохозяйств. Обесценение доходов сужает возможности домохозяйств и подрывает стимулы к сбережению, что затрудняет создание финансовой основы домохозяйств для инвестирования в воспроизводство человеческого потенциала. В условиях, когда ограниченное потребление значительной части домохозяйств России обеспечивает им лишь простое или даже суженное воспроизводство, их текущие потребительские расходы вряд ли могут рассматриваться в качестве инвестиций. В этих условиях лишь часть потребительских расходов (например, на образование) по самой своей природе выступают в качестве инвестиционных.

Таким образом, в условиях новой экономики модель развития и реализации человеческого потенциала не может оставаться прежней. Новые условия формирующейся среды предполагают и новую модель, в основе которой находится индивид со своими уникальными знаниями и умениями, принимающий активное участие в социально-экономической жизни общества. Этот индивид наиболее полно может раскрыть весь свой потенциал в стабильно развивающихся домохозяйствах, которые являются его своеобразной «базой». Подобной основой могут быть только домохозяйства с относительно высоким уровнем благосостояния, то есть с достаточными ресурсами, позволяющими реализовать эти изменения. В таких условиях на первый план выходит проблема социально-экономической дифференциации домохозяйств, которая является серьезным препятствием в расширении возможностей воспроизводства и функционирования человеческого потенциала.

Литература

1. Ибрагимова З.Ф. Социально-экономические последствия бедности населения в России // Евразийский юридический журнал. 2016. № 10. С. 318–320.

2. Ибрагимова З.Ф., Ишмухаметов Н.С., Россинская Г.М. Социально-экономическая дифференциация потребления домохозяйств России в периоды экономического сжатия // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2017. № 4. С. 78–83.

3. Ишмухаметов Н.С. Человеческий капитал: роль государства и домохозяйств в его развитии // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2010. № 4. С. 53–59.

4. Лебедева Л.Г. Человеческий капитал и бедность в дискурсе преемственности поколений // Вестник Самарского муниципального института управления. 2016. № 3. С. 76–82.

5. Об инфляции. Банк России [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/DKP/about_monetary_policy/inflation/

6. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов [Электронный ресурс]. URL: http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/2e83e62b-ebc6-4570-9d7b-ae0beba79f63/ prognoz2018_2020.pdf?mod=ajperes

7. Распределение располагаемых ресурсов домашних хозяйств по 20%-ным группам населения. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/ rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#

8. Синицына Л.М., Попов М.В. Продовольственная безопасность домашних хозяйств в современных условиях // Известия ВолгГТУ. 2016. № 16. С. 39–44.

Барьеры и эффекты внедрения цифровых технологий в нефтегазовый бизнес

Barriers and Effects of the Introduction of Digital Technology in Oil and Gas Business

Ю. ХОДКОВСКАЯ, А. СТОЯЛЬЦЕВА

Ходковская Юлия Викторовна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории Института нефтегазового бизнеса Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: khodkovskiy@bk.ru

Стояльцева Анастасия Алексеевна, ведущий специалист отдела внешнеэкономической деятельности ООО «ЭКОХИМ» (г. Уфа). E-mail: astoyaltseva@mail.ru

В статье раскрыты основные тенденции развития диджитализации нефтегазового сектора зарубежных стран, проанализирован положительный опыт внедрения цифровых технологий в управление нефтегазовыми компаниями. Определено, что цифровизация нефтегазового сектора является мощным драйвером для повышения эффективности экономики России. Выявлены барьеры роста российской нефтегазовой отрасли в условиях цифровой экономики и предложены рекомендации для оцифрования нефтегазовой отрасли РФ в современных условиях.

***Ключевые слова**: цифровая экономика, нефтегазовый сектор, диджитализация, цифровые преобразования.*

The article reveals the main trends in the development of digitalization of the oil and gas sector in foreign countries, analyzes the positive experience of the introduction of digital technologies in the management of oil and gas companies. Certainly, the digitalization of the oil and gas sector is a powerful driver for improving the efficiency of the Russian economy. The barriers to the growth of the Russian oil and gas industry in the digital economy are identified and recommendations for digitization of the Russian oil and gas industry in modern conditions are proposed.

***Key words**: digital economy, oil and gas sector, digitalization, digital transformation.*

Ценовая нестабильность на мировом рынке поставила перед нефтегазовой отраслью России задачу переосмысления используемых на практике бизнес-моделей. Нефтегазовый сектор значительно отстает от других отраслей – лидеров диджитализации – телекоммуникационной (ПАО «Ростелеком», ПАО «МТС»), банковской (ПАО «Сбербанк России»), информационных технологий (ООО «Mail.ru», компания «1С»), атомной энергетики («ГК «Росатом»).

Российские технологии и оборудование, применяемые в нефтегазовой отрасли, за последнее десятилетие существенно модернизированы, однако если сравнивать уровень использования компонентов робототехники и сенсорных технологий в геологоразведке, добыче, транспортировке нефти, газа и нефтепродуктов в России с зарубежными странами, то очевидно отставание. Так, по международному индексу сетевой готовности за 2016 год РФ занимает 41 место по использованию цифровых технологии для роста конкурентоспособности экономики, уступая Финляндии, Швеции, США, Японии и другим странам. Международный индекс I-DESI, характеризующий развитие цифровой экономики в стране, также показывает значительное отставание России от стран Европейского союза, Канады, Австралии и др. [10]. Тем не менее, существует огромная заинтересованность государства и бизнеса в преимуществах, которые могут принести цифровые решения. Многие отечественные нефтегазовые компании пробуют новые цифровые способы работы (цифровое проектирование, компьютерное и телекоммуникационное оборудование и др.): если в 2011 году в мире использовали цифровые технологии на 800 скважинах, то к 2017 году только у «Роснефти» было порядка 2000 скважин с признаками искусственного интеллекта.

Для России и всего мира в целом резкое снижение цен на нефть с середины 2014 года вызвало большой резонанс среди компаний, занимающихся разведкой и добычей, поскольку денежные потоки сократились, а заказы уменьшились. Учитывая, что отрасль ищет пути к возвращению

прибыльности, цифровые технологии являются частью ответа, предоставляя возможности существенно повысить эффективность деятельности.

Кембриджская ассоциация энергетических исследований (CERA) оценивает потенциал оцифровки месторождений в 125 млрд баррелей – настолько в среднесрочной перспективе можно увеличить отдачу уже открытых месторождений только за счет улучшения организации работ. По экспертным оценкам, комплексное использование IT-технологий позволяет нефтяникам повысить коэффициент извлечения нефти на 2–7 % и при этом сократить операционные затраты на четверть. Расчеты, проведенные Vygon Consulting, свидетельствуют о том, что в России к 2030 году цифровые технологии, улучшая эффективность геологоразведки и скорость внедрения методов увеличения нефтеотдачи и технологий разработки трудноизвлекаемых запасов, способны добавить к текущему уровню добычи около 155 млн тонн нефти, компенсировав объем выпавшей к тому времени добычи на истощенных многолетней эксплуатацией месторождениях [1, *45*].

Положительное влияние цифровизации на развитие отрасли, рост капитализации нефтегазовых компаний очевиден, но следует учитывать, что цифровизация вносит существенные изменения в экосистему территорий, нарушая традиционные цепочки создания стоимости и переопределяя роли: новые бизнес-модели дают возможности опережающего роста некоторым компаниям и делают другие компании неконкурентоспособными на рынке.

По оценкам Международного энергетического агентства в сфере цифровизации нефтегазовой отрасли за 2017 год, цифровые технологии могут сократить издержки производства на 20 %. Полученная экономия может быть реализована в оперативном превосходстве (например, более эффективное обслуживание и эксплуатация активов), в цепочке поставок, в использовании искусственного интеллекта и интегрированных платформ (рис. 1) [8, *316*].

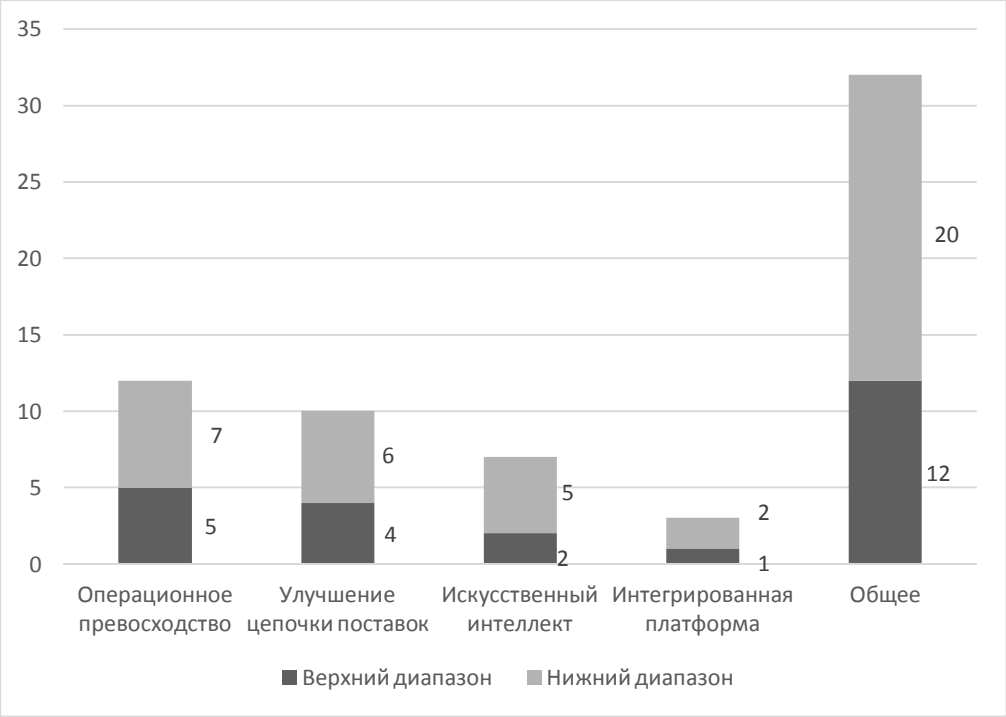


Рис. 1. Повышение эффективности бизнеса от оцифрования (% экономии от общих операционных издержек)

Анализ мировой практики применения элементов оцифровки свидетельствует о том, что международные компании, занимающиеся разведкой и добычей, определяют стратегическую бизнес-ценность технологий на основе «интернета вещей» (IoT), облачных вычислений и искусственного интеллекта. Наиболее широко элементы оцифровки используются в 3D-сейсмических

технологиях, беспилотных нефтегазовых установках Северного моря преимущественно компаниями Голландии и Дании.

Тенденция к цифровым инновациям ускоряется по всему международному нефтегазовому комплексу, потому что компании все более ориентированы на уменьшение затрат и повышение эффективности работы в эпоху относительно низких цен на нефть. Ряд крупных нефтегазовых компаний уже довольно давно и успешно применяет цифровые технологии.

Британская ТНК «British Petroleum» расширила свои возможности, создав собственную цифровую рабочую силу и запустив цифровые учебные лагери для руководителей. Компания поощряет своих сотрудников разрабатывать приложения, хранящиеся на общих платформах, для улучшения процессов документооборота. Она также создала «озеро данных», где миллиарды записей данных из глобальных операций предоставляются менеджерам всей фирмы при принятии управленческих решений.

Итальянская нефтегазовая компания «Eni» разработала собственный суперкомпьютер HPC4, который используется для обработки данных о резервуарах нефти и газа. Эта технология экономит время и деньги, позволяя анализировать перспективы разведки в неделях, а не в месяцах. Учитывая, что буровые разведочные скважины могут стоить сотни миллионов долларов, бурение в нужном месте может дать значительную экономию [2, *31*].

Крупнейшая норвежская нефтегазовая компания «Statoil ASA» применяет централизованную и интегрированную цифровую программу улучшения, способную формировать целостную дорожную карту для оцифровки до 2020 года. Компания инвестировала около 2 млрд норвежских крон в цифровые и новые технологии. Цель «Statoil ASA» – значительное увеличение использования данных, аналитики и робототехники для повышения безопасности, снижения углеродного следа и повышения рентабельности бизнеса [7, *89*].

С другой стороны, существуют небольшие компании по разведке и добыче нефти (E&P), которые только начинают внедрять цифровые преобразования. В качестве первого шага, как правило, создаются пилотные проекты для определения ключевых цифровых возможностей, которые необходимо реализовать. В подобных случаях интерес к цифровым преобразованиям сопряжен как с вероятностью дополнительных доходов от бизнеса, так и притоком в отрасль новых участников рынка, развитием конкурентной среды, а значит, усилением уровня риска. Учитывая усиление чувствительности производственных и логистических операций в нефтегазовой отрасли, следует отметить, что обостряются проблемы, связанные с географическим распределением активов, унаследованными активами, которые, как правило, имеют долгосрочный спад производства, несмотря на внедрение цифровых технологий.

Переход к цифровым технологиям в нефтегазовой отрасли РФ осложняется и растягивается во времени в связи с тем, что на большинстве разработанных месторождений истощается добыча сырья, следовательно, необходима оцифровка новых месторождений, что требует значительных инвестиционных вливаний в отрасль.

Для количественной оценки влияния оцифровки месторождений на нефтегазовую отрасль и общество в целом определены критерии эффективности цифровизации (рис. 2).

Одним из факторов экономии при применении цифровых технологий на месторождениях является удаленный контроль и упреждающие операции, которые приводят к меньшему числу аварий и быстрому устранению поломок скважин, что способствует уменьшению времени простоя скважины и снижению затрат на спускоподъемные работы и работы по повторному запуску скважин. Кроме того, автоматизация процессов в нефтедобыче позволяет увеличивать нефтеотдачу за счет оптимизации режимов отбора нефти.

Мировой опыт использования цифровых технологий на месторождениях насчитывает более 10 лет и позволяет выделить приоритетные задачи, решаемые с помощью «интеллектуальных месторождений». Так, например, для российских компаний полезен опыт нефтяных компаний Норвегии, которые уже в течение ряда лет используют технологии управления запасами в реальном времени (Real Time Reservoir Management (RTRM). Путем интеграции технологии RTRM в модифицированные бизнес-процессы задача управления запасами переведена в режим реального

времени. Комплекс RTRM, базирующийся на традиционном в экономике анализе изменений, реализует новые подходы и новые технологические разработки в области управления ресурсной базой компаний и региона [9]. Следовательно, получаемая добавленная стоимость связана с более быстрым воспроизводством ресурсов, улучшением технологических решений в бурении и разработке месторождений и повышением эффективности капитальных вложений.

Рис. 2. Критерии эффективности цифровизации в нефтегазовом секторе

Область цифровых решений в нефтегазовом секторе также подвержена определенной критике. Экспертами форума «Цифровой индустрии промышленности России» была произведена оценка эффективности внедрения цифровых технологий на месторождениях по следующим направлениям:

1. Организационная готовность (насколько российские компании готовы к цифровым технологиям).

2. Технологическая зрелость (на какой стадии находятся нефтегазовые компании в отношении цифровизации).

3. Ожидаемая рентабельность (какова эффективность от внедрения цифровых технологий).

Результаты проведенного исследования показали следующие варианты использования цифровых технологий (см. табл.).

Таким образом, ожидания от цифровизации нефтегазового сектора со стороны экспертов удовлетворительны. Но на краткосрочный период более реальными направлениями для развития отрасли выступают совершенствование управления транспортом и увеличение производительности месторождения. Следовательно, больше времени понадобится на автоматизацию работ на местах и процесс добычи ввиду низкой адаптивности оборудования к диджитализации.

Эксперты отмечают, что получаемые выгоды от использования цифровых технологий также сопровождаются определенными рисками.

Основными препятствиями на пути к цифровизации нефтегазового сектора являются ограничение финансирования и угрозы кибербезопасности. Следует отметить, что на обеспечение кибербезопасности в 2017 г. в США из бюджета было выделено 19 млрд долларов, а в мире – более 80 млрд долларов. Доля затрат со стороны России на эти цели – более 55 миллиардов рублей, что является недостаточным для снижения рисков при внедрении цифровых технологий.

Для устранения данных барьеров необходима поддержка государства по двум основным направлениям: во-первых, на законодательном уровне – это адаптация законодательной базы и увеличение юридической защиты компаний, внедряющих цифровые технологии; во-вторых, создание благоприятных условий компаниям, следующим по пути цифровизации производства.

Варианты использования цифровых технологий в России на 2018 год, ранжированные на основе экспертных оценок по каждому индивидуальному направлению [5, *400*]

	В целом	Ожидаемая рентабельность	Технологическая зрелость	Организационная готовность
Управление транспортом	3,85	3,44	4,22	3,87
Производительность месторождения	3,76	3,56	3,93	3,79
Оптимизация производственных активов	3,63	3,75	3,66	3,49
Упреждающее обслуживание	3,59	3,69	3,63	3,49
Биометрический мониторинг активов	3,59	3,31	3,84	3,61
Удаленный контроль активов	3,37	3,39	3,67	3,06
Удаленные операции с активами	3,31	3,45	3,33	3,14
Удаленный контроль активов	3,20	3,38	3,30	2,91
Работы на местах	2,75	3,20	2,42	2,65
Автоматизированная оптимизация добычи	2,75	3,39	2,45	2,40

Несмотря на существующие барьеры, информационные технологии объединяют бизнес, государство, население. На основе популярности социальных сетей компании создают собственные бизнес-сети для подключения поставщиков, клиентов и внутренних систем. Результатом является растущая глобальная интернет-торговля, которая, по оценкам «SAP» (Business Trends), достигнет к 2020 году 65 триллионов долларов. Добавить к этому рост «интернета вещей» с примерно 45 миллиардами связей между устройствами к 2020 году, и появится бизнес-среда бесконечных возможностей.

Российским нефтегазовым компаниям необходимо учитывать основные препятствия диджитализации бизнеса, а также сформулированные ниже рекомендации для дальнейшего продвижения цифровых технологий:

1. В цифровой экономике аналоговые объекты генерируют цифровые сигналы, которые можно измерить, отслеживать и анализировать для лучшего принятия решений. В то время как нефтегазовая промышленность опережает кривую оцифровки на протяжении более 30 лет, оцифрованные активы были ограничены дорогостоящим оборудованием. Однако теперь более низкие затраты на сенсорную технологию позволяют операторам обрабатывать больше данных в полевых условиях. Например, компании могут подключать несколько нефтяных месторождений для повышения точности прогноза и повышения рентабельности на высокоуровневой основе.

2. Связывание активов, поставщиков, работников и заинтересованных сторон посредством беспроводной связи позволяет экономическим субъектам принимать решения, основанные на данных, тем самым повышая безопасность, эффективность компании. Соединяя удаленные трубопроводы друг с другом и обеспечивая прогностическое обслуживание, нефтегазовые компании устраняют неожиданные сбои, улучшают целостность активов и увеличивают время бесперебойной работы.

3. Приобретение необходимого количества цифровых технологий снижает затраты на инвентаризацию, в то время как покупка их использования в качестве услуги позволяет компаниям оплачивать только использованное время и полученную стоимость. Нефтяные и газовые компании могут автоматизировать пополнение резервуаров, использовать сценарии наиболее выгодных покупок и планировать оптимизированные маршруты грузовиков для доставки на станции технического обслуживания.

4. Еще одна характеристика цифровой экономики – персонализация клиента. Персонализация означает, что клиенты получают индивидуальные продукты и опыт от своих любимых брендов, когда и где они хотят. Например, появится возможность предлагать конкретный вид топлива, который бензозаправочная станция предпочитает в тот момент, когда она заканчивается. Или предоставление водителям флота определенные маршруты, оптимизированные для их личных предпочтений и привычек вождения.

5. Цифровая экономика также позволяет нефтегазовым компаниям обходить посредника, устранять ненужные посреднические каналы и создавать более прямые отношения между покупателем и продавцом. Упрощенная экосистема имеет меньшее трение и снижает барьер для входа для игроков в другой части цепочки создания стоимости. Мониторинг удаленных сервисов является хорошим примером более прямых операций. Использование удаленной разведки для отслеживания, контроля, управления, отчета и решения проблем активов на протяжении всего жизненного цикла службы устраняет необходимость иметь штатный персонал на местах [4, *9*; 6, *11*].

Очевидно, что каждое цифровое решение в нефтегазовой компании будет отличаться в зависимости от их позиции в отрасли, амбиций и возможностей. Более того, цифровое лидерство не всегда является лучшей стратегией для компании, и это может быть дорого. Однако в то время, когда низкие цены на нефть и газ ограничивают инвестиционные возможности компаний, цифровизация позволяет снижать затраты, улучшая качество бизнес-процессов. Каждая нефтегазовая компания должна разработать стратегический план использования цифровых технологий, чтобы получить конкурентное преимущество в течение следующих лет. Все эти планы должны включать инициативы, предполагающие краткосрочные выгоды и возможности для создания долгосрочных конкурентных преимуществ.

Таким образом, сформулированные рекомендации для дальнейшего продвижения цифровых технологий связаны с четким пониманием возможностей цифровых технологий, лидерством в исполнении, совершенствованием форм сотрудничества с партнерами, развитием и расширением диалога между участниками бизнес-процесса.

Литература

1. Горбатов В.В. Инновационные технологии в добыче нефти // Энергетическая стратегия. 2017. № 4. С. 65.

2. Дмитриевский А.Н., Еремин Н.А. Большие геоданные в цифровой нефтегазовой экосистеме // Энергетическая стратегия. 2018. № 2. С. 31–39.

3. Еремин Н.А., Еремин Ал. Н., Еремин Ан. Н. Оптикализация нефтегазовых месторождений // Нефть. Газ. Новации. 2016. № 12. С. 40–44.

4. Ивлев А.П., Еремин Н.А. Петророботика: роботизированные буровые комплексы // Бурение и нефть. 2018. № 2. С. 8–12.

5. Карцхия А.А. Актуальные проблемы развития нефтегазового комплекса России. М.: Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, 2018. 509 с.

6. Козловский А.В. С чего начинается путь в цифровую реальность? // НЕФТЕГАЗ. 2018. № 2. С. 10–11.

7. Carvajal G., Maucec M., Cullick S. Intelligent Digital Oil and Gas Fields: Concepts, Collaboration, and Right-Time Decisions, Gulf Professional Publishing, 2017. 394 p.

8. Raunholt L. et al. First Implementation of Robot Technology for the Drill Floor // Offshore Mediterranean Conference and Exhibition. Offshore Mediterranean Conference, 2017. 517 p.

9. Yao Y. Design and Experiment of a Robot Automatic Drilling System [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.4271/2014-01-2246

10. Balle S., Dutta S., Lanvin B. The Global Information Technology Report 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www5.worldbank.org/eca/russian/data/

Эффективность рынка интеллектуального капитала на страновом уровне: принципы, критерии, модель оценки

Efficiency of the Market of the Intellectual Capital at the Country Level: Principles, Criteria, Assessment Model

Н. КУЗЬМИНЫХ, Д. МАШКИНА, Н. РОЗЕ

Кузьминых Наталья Александровна, канд. экон. наук, доцент кафедры инновационной экономики Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: kashatan@inbox.ru
Машкина Динара Ильдусовна, ассистент кафедры инновационной экономики ИНЭФБ БашГУ. E-mail: khakimova.dinara@mail.ru
Розе Нелли Шамилевна, соискатель кафедры инновационной экономики ИНЭФБ БашГУ. E-mail: rozens@isirb.ru

В статье представлен авторский подход к оценке эффективности рынка интеллектуального капитала на страновом уровне, отличающийся принципами, критериями и моделью оценки. На основе анализа понятийного аппарата определены дефиниции «интеллектуальный капитал» и «рынок интеллектуального капитала», что позволило представить их структурные элементы. Авторами были систематизированы принципы эффективного функционирования рынка интеллектуального капитала, определены критерии оценки. В ходе анализа существующих подходов были выделены их преимущества и недостатки, что легло в основу разработки авторской модели оценки эффективности рынка интеллектуального капитала на основе определения длины вектора в трехмерном пространстве. Авторами статьи проведена апробация на примере 25 стран мира.
***Ключевые слова**: рынок интеллектуального капитала, рынок инноваций, рынок интеллектуальной собственности, рынок знаний, модель оценки эффективности, принципы и критерии эффективности, страны мира.*

The author's approach to assessment of efficiency of the market of the intellectual capital at the country level differing in the principles, criteria and model of assessment is presented in article. On the basis of the analysis of a conceptual framework definitions «the intellectual capital» and «the market of the intellectual capital» are defined that allowed to present their structural elements. Authors systematized the principles of effective functioning of the market of the intellectual capital, evaluation criteria are defined. During the analysis of the existing approaches their advantages and shortcomings were marked out what formed the basis of development of author's model of assessment of efficiency of the market of the intellectual capital on the basis of determination of length of a vector in three-dimensional space. Authors of article carried out approbation on the example of 25 countries of the world.
***Key words**: market of the intellectual capital, market of innovations, market of intellectual property, market of knowledge, efficiency assessment, principles and criteria of efficiency, country of the world.*

Понятийный аппарат. Как известно, впервые термин «интеллектуальный капитал» был использован американским экономистом Джоном Гэлбрейтом, а широкое распространение получил в 90-х годах XX века. На протяжении всего времени существования данной категории как предмета научных исследований сообщество ученых достигло консенсуса в определении подхода к изучению интеллектуального капитала, однако отсутствие универсальной дефиниции данного термина говорит о необходимости более глубокого изучения данного аспекта.

В теории интеллектуального капитала классическими считаются работы ряда ученых, сформировавших теоретическую базу для дальнейших исследований. К ним относятся труды таких ученых, как Т. Стюарт, Э. Брукинг, Й. Руус, Л. Эдвиссон, К. Свейби, С. Мулман, Б. Марр, Г. Шиума, В. Мавридис, А. Пулик, В. Иноземцев, Т. Теплова. Примечательно, что большинство исследований по данной теме связано с изучением аспектов формирования и функционирования интеллектуального капитала на микроуровне. На основе анализа научной литературы, рассмотрев различные трактовки понятия «интеллектуальный капитал», можно сделать вывод, что большинство ученых

склоняются к его интерпретации как совокупности знаний, умений, навыков сотрудников, нематериальных активов, создающих добавленную стоимость и повышающих благосостояние стейкхолдеров.

Вопросы структурной композиции интеллектуального капитала также являются актуальным аспектом исследований современных ученых. В настоящее время наиболее популярной версией структуризации интеллектуального капитала является триединая система, включающая в себя человеческий, структурный и отношенческий капиталы. Человеческий капитал в данном случае представляет собой совокупность знаний, умений, навыков, компетенций сотрудников организации, структурный капитал выступает как нематериальная инфраструктура организации, позволяющая усиливать и кодифицировать знания и качества сотрудников, а отношенческий капитал является ресурсом построения взаимовыгодных отношений с внешней и внутренней средой организации.

В работе [8] интеллектуальный капитал представляется «как результат взаимодействия человеческого, организационного (интеллектуальной собственности и процессного (операционного) капитала), эмоционального капиталов и капитала отношений, что обусловливает получение новых знаний и активизацию инновационной деятельности на всех уровнях экономики».

Рассматривая развитие взглядов на интеллектуальный капитал региона, можно выделить несколько направлений исследований, ориентированных на изучение интеллектуального капитала региона с помощью набора характеризующих его индикаторов и изучение интеллектуального капитала в контексте региональных кластеров. Следует отметить, что подавляющая часть научных работ, исследовательский фокус которых перенаправлен с изучения интеллектуального капитала корпоративного уровня на интеллектуальный капитал на национальном и региональном уровнях, осуществлена силами зарубежных ученых, что говорит о необходимости проведения подобных исследований относительно функционирования интеллектуального капитала в российских реалиях. Среди наиболее интересных работ, посвященных исследованию аспектов регионального интеллектуального капитала, можно выделить труды Д. Корпакиса, К. Норта, Хосе Марти Мария Вьедмы, С. Стэма [13].

Одними из самых ранних исследований структуры национального интеллектуального капитала являются работы А. Рембе и Е. Пашера, рассматривающих интеллектуальный капитал Швеции и Израиля. Ими была предложена структурная модель, разделяющая национальный интеллектуальный капитал на человеческий, рыночный, технологический и инновационный капитал. С развитием теории были разработаны структурные модели национального интеллектуального капитала. Интересно, что, если относительно интеллектуального капитала организации большинство исследователей соглашались с его триединой структурой, то относительно национального интеллектуального капитала мнения авторов по количеству структурных компонентов значительно различается, но среднее их количество колеблется в пределах 4-5 ключевых элементов. Это объясняется сложностью и неоднородностью рассматриваемой социально-экономической системы.

Н. Бонтис разделил национальный интеллектуальный капитал на пять подкатегорий: человеческий капитал, рынок капитала, процессный капитал, капитал обновления и финансовый капитал. Значительная роль, как и в структуре интеллектуального капитала организации, в трудах данного автора отводится человеческому капиталу. Человеческий капитал относится к знаниям, образованию и компетенциям отдельных лиц, используемым для достижения национальных задач и целей. Человеческий капитал в трактовке С. Лин Йе-Юн и Л. Эдвиссона содержит знание нации, опыт, навыки, интуицию, мудрость и способности отдельных лиц, а также культурные ценности и философию нации. Кроме того, значительный вклад в изучение природы национального интеллектуального капитала внесли Дж. Помеда, А. Бонфо, П. Стохли, А. Пеюхенен, Д. Везиак.

Обобщая материалы, посвященные изучению структуры национального интеллектуального капитала, можно сделать вывод о том, что большинство ученых отходит в этом вопросе от классической триединой структуры. На национальном уровне структура интеллектуального капитала, помимо человеческого капитала, включает в себя, как правило, компонент, характеризующий

способность интеллектуального капитала к обновлению и возобновлению, технологический капитал и финансовый капитал.

В процессе трансформации интеллектуального капитала, начиная от знаний и заканчивая готовым коммерциализованным инновационным продуктом, формируется рынок интеллектуального капитала, который можно трактовать как совокупность экономических отношений, возникающих в результате покупки или продажи интеллектуальных продуктов. Участниками данного рынка выступают создатели интеллектуального капитала – инноваторы или собственники интеллектуальных ресурсов, формирующие предложение, и из потребителей интеллектуального капитала – государство, домохозяйства, различные организации, формирующие спрос на него и его потребление [10].

Рынок интеллектуального капитала состоит из таких структурных элементов, как рынок знаний, рынок интеллектуальной собственности, рынок инноваций. Процесс трансформации интеллектуального капитала начинается с рынка знаний, входящими потоками которого являются информация, человеческие ресурсы и т.д., а выходящими – сгенерированные рынком новые знания и высококвалифицированные кадры, которые в процессе своей интеллектуальной деятельности создают интеллектуальные продукты, являющиеся объектами интеллектуальной собственности. В результате этого формируется рынок интеллектуальной собственности. Далее в процессе материализации и коммерциализации объектов интеллектуальной собственности развивается рынок инноваций, выходящими потоками которого являются инновационные продукты, технологии и т.д. [9].

Принципы эффективного функционирования рынка интеллектуального капитала. Как установлено в ходе исследования, функционирование рынка интеллектуального капитала должно основываться на системе принципов рынков знаний, интеллектуальной собственности и инноваций [3]:

1) принцип процессного подхода подразумевает динамичность движения в процессе перехода с предыдущей на последующую стадию развития;

2) принцип целеполагания характеризует постановку конкретных целей в процессе создания и коммерциализации объектов интеллектуального труда;

3) принцип эффективного взаимодействия подразумевает наличие прямых и обратных связей между участниками рынка интеллектуального капитала;

4) принцип информационной открытости обеспечивает полную осведомленность всех участников рынка интеллектуального капитала о процессах, происходящих на рынках знаний, интеллектуальной собственности и инноваций;

5) принцип учета цикличности развития сигнализирует о стимулировании создания объектов интеллектуального труда в периоды рецессии, характеризующиеся активизацией творческой деятельности и появлением наибольшего количества инновационных идей.

В целях эффективного развития рынка интеллектуального капитала страны, использующие объекты интеллектуального труда, вне зависимости от того, являются они изобретателями или просто пользователями, должны следовать следующим принципам [7]:

– целенаправленности – ориентации достижения целей стратегического и тактического характеров;

– приоритетности – исходя из возможностей определять важнейшие направления деятельности;

– альтернативности проектных решений – разрабатывать различные варианты и выбирать наилучшие;

– комплексности – охватывать инновациями смежные сферы деятельности;

– обоснованности – исходя из влияния факторов внешней среды предвидеть научно-технический, социальный, экологический, экономический эффекты;

– адаптивности – корректировать инновационную политику и реализацию отдельных инновационно-инвестиционных проектов с учетом изменения условий хозяйствования как на внутреннем, так и на внешнем рынках [3].

Подход к оценке эффективности функционирования рынка интеллектуального капитала. Для того чтобы диагностировать текущее состояние рынка интеллектуального капитала, определять тенденции и направления развития, принимать управленческие решения в части его дальнейшего развития необходимо знать, насколько эффективно функционирует рынок. Проанализируем существующие подходы к оценке эффективности различных рынков (см. табл.) [9].

Подходы к оценке эффективности различных рынков

Подход	Исследователь	Сущность подхода	Достоинства и недостатки
1. Функциональный	А. Дворецкая [4]	Использование математической функции для описания связи нескольких переменных	Преимущество – простота выполнения расчетов. Недостаток – возможность получения неточного результата за счет выбора неверных или несопоставимых показателей.
2. Эконометрический	В. Думов [5]	Построение эконометрической модели	Преимущество – возможность получения точного и достоверного результата. Недостаток – сложность выбора и построения необходимой эконометрической модели.
3. Критериальный	А. Ерчак [6]	Расчет совокупности различных показателей и сопоставление их по критериальной шкале оценки эффективности рынка	Преимущество – возможность изменения количества используемых критериев в зависимости от целей и характера оценки. Недостаток – возможность получения недостоверных результатов за счет неверного выбора системы критериев.
4. Приростной	Л. Батракова [1], Н. Баширова [2]	Расчет эффективности рынка на основе какого-либо показателя, отражающего свое изменение за определенный период	Преимущество – возможность анализа изменения функционирования рынка во временном промежутке. Недостаток – отсутствие возможности сравнения эффективности функционирования рынков между собой.
5. Комплексный	С. Огурцов [11], О. Петрунина [12]	Расчет эффективности рынка на основе нескольких подходов	Преимущество – получение более точных результатов за счет применения нескольких методик. Недостаток – сложность выполнения расчетов.

Проанализировав вышеназванные подходы, выявив их плюсы и минусы и учитывая специфику исследуемого рынка, для оценки эффективности рынка интеллектуального капитала предлагаем использовать комплексный подход, состоящий из функционального и критериального подходов. Сущность подхода заключается в индивидуальной оценке эффективности каждого структурного элемента рынка интеллектуального капитала, а именно: рынка знаний, рынка интеллектуальной собственности и рынка инноваций. Далее рассчитывается интегральный показатель на основе функции взаимосвязи трех переменных. На последнем этапе полученное значение соотносится с критериальной шкалой, на основе которой определяется тот или иной тип эффективности рынка, что позволяет разрабатывать управленческие решения, направленные на повышение эффективности рынка интеллектуального капитала в разрезе его составляющих элементов.

Оценка эффективности структурных составляющих рынка интеллектуального капитала предлагается рассчитывать с помощью частного от деления эффекта i-го рынка на инвестиции, направленные на развитие i-го рынка.

Оценить эффективность рынка интеллектуального капитала предлагается по формуле определения длины вектора в трехмерном пространстве. Далее, на основе полученного результата данный показатель следует соотнести с критериальной шкалой, отражающей особенности развития рынка интеллектуального капитала, где критерием неэффективного рынка является граница от $-\infty$ до 0,6 включительно, низкого уровня эффективности – от 0,6 до 1,7 включительно, среднего уровня эффективности – от 1,7 до 3,5 включительно, эффективного рынка – от 3,5 до $+\infty$.

Таким образом, по результатам проведенных расчетов согласно критериальной шкале оценки эффективности странового рынка интеллектуального капитала к высокоэффективным рынкам можно отнести рынок интеллектуального капитала Люксембурга и Нидерландов, к среднеэффективным – рынок интеллектуального капитала Швейцарии, Швеции и Финляндии, к низкоэффективным – рынок интеллектуального капитала Германии, Норвегии, Эстонии, Испании, Австрии, Великобритании, Дании, Венгрии, Бельгии. В группу стран с неэффективным рынком интеллектуального капитала вошли: Российская Федерация, Франция, Япония, Словения, США, Греция, Италия, Португалия, Словакия, Чешская Республика, Польша.

Литература

1. Батракова Л.Г. Оценка эффективности рынка интеллектуальной собственности в России // Экономическая система современной России: пути и цели развития: монография [Электронный ресурс]. URL:http://www.econ.msu.ru/ext/lib/Category/x48/x91/18577/file/Razdel%205.pdf

2. Баширова Н.Н. Развитие рынка интеллектуальной собственности в условиях инновационного развития экономики: автореф. дис. … маг. Уфа, 2013. 15 с.

3. Валинурова Л.С., Исхакова Э.И., Кузьминых Н.А., Мазур Н.З. Принципы и условия функционирования и развития рынка интеллектуальной собственности // Инновации и инвестиции. 2014. № 12. С. 220–223.

4. Дворецкая А.Е. Рынок капитала в системе финансирования экономического роста в Российской Федерации: автореф. дис. … д-ра экон. наук. М., 2007. 39 с.

5. Думов В.К. Эффективность фондового рынка России // Портал «Финансовые науки» [Электронный ресурс]. URL: http://www.mirkin.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1459&Itemid=46

6. Ерчак А.И. Системный подход к оценке эффективности управления потребительским рынком // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2016. № 10. [Электронный ресурс]. URL: http://www.uecs.ru

7. Исхакова Э.И. Системный подход к управлению интеллектуальной собственностью на предприятии // Инновации и инвестиции. 2011. № 3. С. 164–168.

8. Казакова О.Б., Исхакова Э.И., Кузьминых Н.А. Интеллектуальный капитал: понятие, сущность, структура // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2014. № 5. С. 68–72.

9. Машкина Д.И. Анализ подходов к оценке эффективности рынка интеллектуального капитала // Экономика и предпринимательство. 2017. № 9 (ч. 3). С. 1174–1177.

10. Машкина Д.И. Современная модель рынка интеллектуального капитала // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 6. С.42–47.

11. Огурцов С.В., Пилипенко П.П. Базовые критерии эффективности функционирования рынка инноваций // Инновации и инвестиции: научно-практический журнал. 2011. № 3. С. 148–152.

12. Петрунина О.Е. Методика оценки эффективности функционирования регионального рынка труда // Вестник ИКИАТ. 2010. № 2. С. 46–50.

13. Розе Н.Ш. Структурно-функциональная модель интеллектуального капитала на микро-, мезо- и макроуровнях // Российские регионы в фокусе перемен: сб. докладов XII Междунар. конф. (16–18 ноября 2017 года). Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2018. С. 31–46.

Факторы качества статистической отчетности с диверсификацией уровней воздействия

Quality Factors in Statistical Reporting with Diversification of Exposure Levels

О. НЕНКИНА

Ненкина Ольга Николаевна, аспирант Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: onenkina@yandex.ru

Экономическая политика государства выстраивается, в том числе опираясь на данные, сформированные и предоставленные Росстатом Российской Федерации органам государственного управления. Сформированные Росстатом данные включает в себя, среди прочего, учетную информацию, собранную из статистических форм наблюдения, предоставленных респондентами (субъектами предпринимательства). В некоторых случаях формы статистического наблюдения и невозможны к заполнению достоверной учетной информацией. В статье рассмотрены формы статистического наблюдения и выделены факторы, влияющие на качество статистической отчетной информации, предоставляемой респондентами. Выявленные факторы были сгруппированы и распределены по уровням воздействия на качество статистической отчетной информации, с целью дальнейшего поиска путей решения по улучшению качества статистической отчетности.

***Ключевые слова**: система национальных счетов, формы статистического наблюдения, качество учетной информации.*

The economic policy of the state is built, including based on data generated and provided by the Federal State Statistics Service of the Russian Federation to government bodies. The data generated by Rosstat includes, among other things, accounting information collected from statistical observation forms provided by respondents (business entities). In some cases, statistical observation forms are impossible to fill with reliable accounting information. In the article considered the forms of statistical observation, highlighted factors affecting the quality of statistical reporting information provided by respondents. The identified factors were grouped and distributed by levels of impact on the quality of statistical reporting information, with the aim of finding ways to improve the quality of statistical reporting.

***Key words**: system of national accounts, forms of statistical observation, quality of accounting information.*

Существующая система государственной статистики функционирует как система, целью которой является сбор информации о состоянии социально-экономических процессов в стране. А на основе сводной агрегированной статистической информации формируются показатели системы национальных счетов. Показатели системы национальных счетов используются для описания и анализа макроэкономических процессов в стране, оценки эффективности развития экономики, что в свою очередь влияет на организацию экономической политики государства [8, *15*].

Часть массива официальной статистической информации формируется по данным, предоставленным респондентами, – такая обязанность закреплена за субъектами предпринимательства на законодательном уровне: «организации обязаны предоставлять субъектам официального статистического учета первичные статистические данные и административные данные, необходимые для формирования официальной статистической информации» (п. 1 ст. 8 Федерального закона от 29.11.2007 № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации»).

Качество данных, предоставляемых экономическими субъектами-респондентами (юридическими лицами и гражданами, осуществляющими предпринимательскую деятельность без образования юридического лица на территории Российской Федерации) в государственные органы статистического наблюдения, оказывает несомненное влияние на формирование показателей системы национальных счетов и на оценку экономики страны в целом [10, *27*]. Движение учетной информации в системах бухгалтерского и статистического видов учета упрощенно можно представить виде следующей блок-схемы (рис. 1).

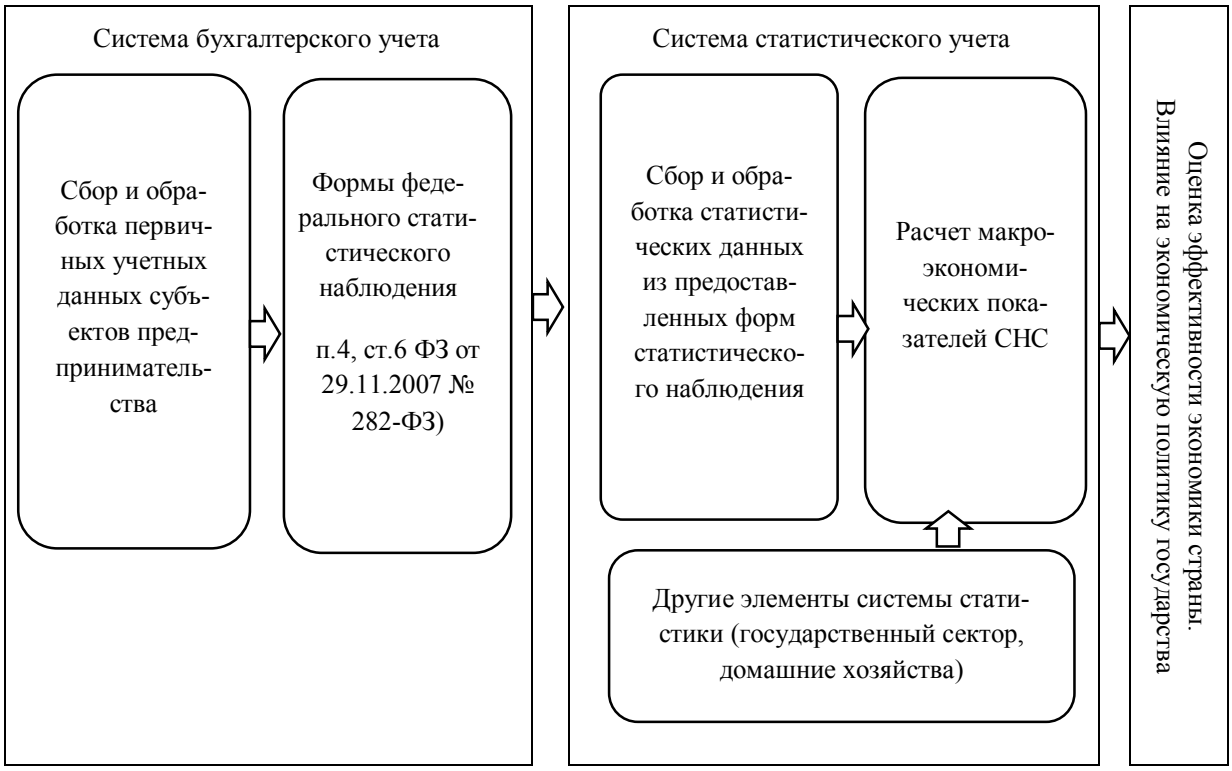


Рис. 1. Движение учетной информации в системах бухгалтерского и статистического видов учета

Так, в соответствии с законодательством и исторически сложившейся практикой за последние два десятилетия сформировалась система взаимодействия между субъектами предпринимательства и органами государственной статистики, предполагающая передачу учетной информации из одной системы в другую посредством официальных форм статистического наблюдения [12, *590*].

Наряду с обязанностью предоставлять формы статистического наблюдения, существуют и ответственность за непредставление первичных статистических данных. Это штрафные санкции до 70 тыс. рублей. Санкции предусмотрены как для юридических лиц, так и для лиц, ответственных за предоставление форм статистического наблюдения [4].

В сложившихся условиях содержание и качество учетной информации, содержащейся в этих формах статистического наблюдения, находится под пристальным вниманием ученых и практиков [14, *201*].

Вопросами качества учетной информации задавались многие современные ученые: С.Я. Березчук, А.В. Глущенко, Н.А. Казаков, Е.А. Федченко. Так, Н.А. Казаков, Е.А. Федченко в своей статье отмечают: «Достоверность и транспарентность учетной информации непосредственно связаны с качеством учетных процедур и методологией их проведения, поэтому достоверность и транспарентность можно считать важнейшими составляющими качества и аналитических возможностей учетной информации, позволяющими на ее основе принимать решения, управлять бизнесом и государством» [3, *10*].

С.Я. Березчук отмечает в своей статье, что «… первым этапом решения проблем, касающихся качественных характеристик информации, является определение факторов, непосредственно влияющих на качество учетной информации» [1, *202*].

Если обратиться к общей формулировке, то следует отметить, что «качество информации – это совокупность свойств, отражающих степень пригодности конкретной информации об объектах и их взаимосвязях для достижения целей, стоящих перед пользователями».

Как видно из определения, качество информации – это набор и совокупность свойств. Такими основными свойствами качественной информации являются:

1. Достоверность.
2. Объективность.
3. Полнота.
4. Адекватность.

Исходя из вышеприведенного определения и перечисленных основных свойств, присущих качественной информации, становится ясно, что следует понимать под качественной статистической учетной информацией.

Так, проанализировав содержание форм статистического наблюдения, предоставляемых респондентами, можно выделить факторы, влияющие на формирование качественной статистической информации [13, *142*]. Условно такие факторы предлагается разделить на три группы:

1. Группа факторов, влияющих на качество статистической отчетности и зависящих от содержания предложенных форм статистического наблюдения.

В этом случае в формах статистического наблюдения присутствуют разные критерии и способы оценки и признания объектов учета в системах бухгалтерского и статистического учета [5, *100*]. Кроме того, в качестве показателей для заполнения в формах статистического наблюдения значатся объекты, отсутствующие в системе бухгалтерского учета (табл. 1).

2. Группа социальных факторов, влияющих на качество и транспарентность отчетной статистической информации [11, *579*]. В их числе незаинтересованность респондентов в представлении качественной отчетной статистической информации и невозможность органов государственной статистики проверить достоверность предоставленных данных; наличие теневой экономики и процессов, не находящих своего отражения в официальных учетных системах [9, *365*].

Таблица 1

Показатели статистических форм наблюдения, по которым отсутствуют соответствующие объекты учета в системе бухгалтерского учета

Название показателя в форме статистического наблюдения	Название формы статистического наблюдения	Объект учета в системе бухгалтерского учета
Маркетинговые инновации	Форма 2-МП инновация. «Сведения о технологических инновациях малого предприятия»	В бухгалтерском учете объект учета отсутствует
Организационные инновации		
Технологические инновации		
Маркетинговые исследования		
Затраты по типам технологических инноваций: Продуктовые инновации	Форма 4-инновация. Сведения об инновационной деятельности организации	
Затраты по типам технологических инноваций: Процессные инновации		
Маркетинговые активы	Форма 11-НА. Сведения о наличии, движении и составе контрактов, договоров аренды, лицензий, маркетинговых активов и гудвилла (деловой репутации организации)	

3. Группа технологических и методологически-организационных факторов:

– различие понятийного аппарата в системах статистического и бухгалтерского учета. Данная проблема рассматривается в статье М.А. Вахрушиной, заключающей, что «отсутствие единой терминологии, разнонаправленное толкование понятийного аппарата в бухгалтерском учете и статистике отрицательно сказывается на качестве информации последней» [2];

– отсутствие технологической возможности в современных учетных информационных системах автоматически формировать формы статистического наблюдения в требуемом объеме и качестве;

– создание новых форм статического наблюдения и указаний по их заполнению без увязки с российским законодательством в области бухгалтерского учета [7, *204*] (табл. 2).

Таблица 2

Показатели форм статистического наблюдения без отсылок на правила учета в российском законодательстве

№ п/п	Название формы статистического наблюдения	Показатель формы статического наблюдения	Отсылка в указаниях по заполнению форм, осуществляется на:
1.	Форма 11-НА. Сведения о наличии, движении и составе контрактов, договоров аренды, лицензий, маркетинговых активов и гудвилла	Договоры операционного лизинга (Операционная аренда)	(IAS) 16 «Аренда»
2.	Форма 2-МП инновация, «Сведения о технологических инновациях малого предприятия»	Маркетинговые инновации, технологические инновации	Отсутствуют ссылки на законодательство по признанию объектов указанных в качестве показателей к заполнению

Оценивая влияние выделенных факторов на качество статистической отчетной информации, предлагаем выделить три таких уровня:

– уровень государственного воздействия;

– уровень воздействия индивидуумов;

– информационно-технический уровень воздействия (табл. 3).

Таблица 3

Факторы, влияющие на качество статистических отчетных форм, предоставляемых хозяйствующим субъектом

	Уровни воздействия	Факторы, влияющие на качество статистической отчетной информации
Качество статистической отчетной информации	Уровень государственного воздействия	1. Разные критерии и оценки признания объектов учета в системах бухгалтерского и статистического учета
		2. Отсутствуют объекты учета в системе бухгалтерского учета, но указаны в качестве показателей для заполнения в формах статистического наблюдения
		3. Различие понятийного аппарата в системах статистического и бухгалтерского учета
		4. Формы статического наблюдения и указания по их заполнению без отсылок к российскому законодательству по учету таких объектов, переформированные из международных разработок, и неадаптация их органами государственной статистики к отечественным реалиям ведения учета
	Уровень воздействия индивидуумов	5. Незаинтересованность со стороны респондентов в качестве отчетной статистической информации и невозможность органов государственной статистики проверить достоверность предоставленных данных
		6. Наличие теневой экономики и процессов, не находящих своего отражения в официальном учете
	Информационно-технический уровень воздействия	7. Отсутствие технологической возможности в современных учетных информационных системах автоматически формировать формы статистического наблюдения в требуемом объеме и качестве

Как видно из таблицы, на качество форм статистической отчетности оказывается разноуровневое влияние. Из этого следует, что ответственность за качество формируемых статистических данных нельзя возлагать на одного из субъектов систем бухгалтерского или статистического учета.

К вопросу решения задач по улучшению качеству статистической отчетности необходимо подходить одновременно и комплексно и индивидуально, учитывая фактор, который оказывает влияние на качественное содержание формы статистического наблюдения.

Предложенный подход позволит повысить качество статистической отчетности, что, в свою очередь, окажет позитивное влияние на экономическую политику государства в целом.

Литература

1. Безручук С.Л. Факторы, влияющие на качество учетной информации // Международный бухгалтерский учет. 2016. № 6. С. 201–208.

2. Вахрушина М.А. К вопросу о связи бухгалтерского и статистического видов учета // Вестник Финансового университета. 2017. № 1.

3. Казакова Н.А., Федченко Е.А. Институциональные аналитические аспекты и проблемы достоверности учетной информации о развитии бизнеса // Международный бухгалтерский учет. 2012. № 35. С. 2–12.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.08.2018) ст. 13.19 КоАП «Непредставление первичных статистических данных».

5. Ненкина О.Н. К вопросу о несоответствии критериев признания и оценки объектов учета в системах бухгалтерского и статистического учета // Современные системы финансового и управленческого учета: от теории к практике: сб. ст. по результатам VIII Междунар. студ. науч. конгресса, секция Департамента учета, анализа и аудита (Финуниверситет, 11-13 апреля 2017 г.) / Под ред. М.И. Сидоровой. М.: Издательство «Научные технологии», 2017. С. 96–102.

6. Федеральный закон от 29.11.2007 № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации».

7. Dryver E., Hux J.E. Reporting of numerical and statistical differences in abstracts // Journal of General Internal Medicine. 2002. № 17 (3). Pp. 203–206.

8. Flottorp G. Standards in audiological and in statistical reports // Surgery and Pathology of the Middle Ear: Proceedings of the International Conference on «The Postoperative Evaluation in Middle Ear Surgery» held in Antwerp on June 14–16, 1984. 1985. Pp. 270–271.

9. Gibert C., Marti-Recober M. A System for Production and Analysis of Statistical Reports // Computational Statistics. 1992. Pp. 363–368.

10. Jafari P., Azuaje F. An assessment of recently published gene expression data analyses: reporting experimental design and statistical factors // BMC Medical Informatics and Decision Making, 2006. № 6.

11. Mazumdar M., Banerjee S., Van Epps H.L. Improved Reporting of Statistical Design and Analysis: Guidelines, Education, and Editorial Policies // Statistical Methods in Molecular Biology. 2010. Pp. 563–598.

12. Pirracchio R., Resche-Rigon M., Chevret S., Journois D. Simple screening statistical tools to detect reporting bias: when should we ask for raw data? // Critical Care. 2013. № 17 (3).

13. Schanzenberger A., Lawrence D.R. Automated Supervision of Data Production – Managing the Creation of Statistical Reports on Periodic Data // On the Move to Meaningful Internet Systems 2004: CoopIS, DOA, and ODBASE (Pp. 194–208).

14. Slattery J., Alvarez Y., Hidalgo A. Choosing Thresholds for Statistical Signal Detection with the Proportional Reporting Ratio // Drug Safety. 2013. № 36 (8). Pp. 687–692.

Проблемы инновационного развития регионов России

Problems of Innovative Development of Russian Regions

Л. ВАЛИНУРОВА, Р. ШИРИЯЗДАНОВА

Валинурова Лилия Сабиховна, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой инновационной экономики Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: valinurovalilia@mail.ru
Ширияздановa Розалия Ахатовна, аспирант ИНЭФБ БашГУ. E-mail: 89273062836@mail.ru

Основной тенденцией общественного развития XX века является инновационное обновление экономик мировых держав, переход к «новой экономике, основанной на знаниях». Для обеспечения конкурентоспособности российской экономики необходима технологическая модернизации. Целью исследования является систематизация проблем инновационного развития регионов России, сдерживающих развитие взаимодействия участников инновационной деятельности и определяющих снижение возможностей научно-технического и инновационного развития. В ходе исследования использовались методы синтеза и анализа.
***Ключевые слова**: инновации, инновационная экономика, региональная экономика, проблемы инновационного развития.*

The main trend of social development of the XX century is the innovative renewal of the economy of the world powers, the transition to a «new economy based on knowledge». Technological modernization is necessary to ensure the competitiveness of the Russian economy. The aim of the study is to systematize the problems of innovative development of the Russian regions, hindering the development of interaction between the participants of innovative activity and determining the reduction of opportunities for scientific, technical and innovative development. Methods of synthesis and analysis were used in the study.
***Key words**: innovation, innovative economy, regional economy, problems of innovative development.*

Становление мировой экономики доказывает, что источником экономического роста являются инновации. В этой связи большинство ведущих стран мира осуществляют переход к инновационному пути развития. Под инновационным развитием рассматривается «процесс социально-экономического развития, который базируется на знаниях и инновациях, обеспечивает устойчивый экономический рост, повышение качества и уровня жизни населения, гармонизируя интересы его участников в едином информационном пространстве» [6].

В управлении инновационным развитием экономик регионов России в последнее время отмечаются положительные сдвиги. Но нельзя не отметить ряд существующих проблем, тормозящих инновационное обновление.

1. Недостаточная проработанность нормативно-правовой основы. Так, остается открытым вопрос о венчурном финансировании, защите интеллектуальной собственности, защите авторских прав.

Необходимо разработать и принять нормативный акт, нацеленный на «формирование условий для создания интеллектуальной собственности, обеспечения ее охраны, поддержания и защиты прав на нее; формирование механизма вовлечения в хозяйственный оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности; инфраструктурное обеспечение процесса коммерциализации правами на результаты интеллектуальной деятельности: организационными, экономическими, кадровыми, нормативно-правовыми и т. д.» [7].

В качестве примера такого инструмента может выступать целевая программа, принятая в Республике Татарстан на 2013–2014 годы «Развитие рынка интеллектуальной собственности» [7].

Усугубляет эту проблему отсутствие согласованности в области проработки приоритетных направлений научно-технического и инновационного развития и отсутствие единого понятийного (категориального) аппарата, которое приводит к нестабильности правового механизма.

К примеру, в Законе Удмуртской Республики «Об инновационной деятельности в Удмуртской Республике» приводится следующее определение понятия «субъект инновационной

деятельности» – «физические и юридические лица, осуществляющие инновационную деятельность на территории Удмуртской Республики, физические и юридические лица, осуществляющие инвестиции в реализацию инновационных проектов на территории Удмуртской Республики, организации, относящиеся к инновационной инфраструктуре, расположенные на территории Удмуртской Республики»[4].

В Законе Ульяновской области дается следующая трактовка понятия «субъект инновационной деятельности» – «физические и юридические лица, осуществляющие инновационную деятельность и содействующие ее осуществлению» [5].

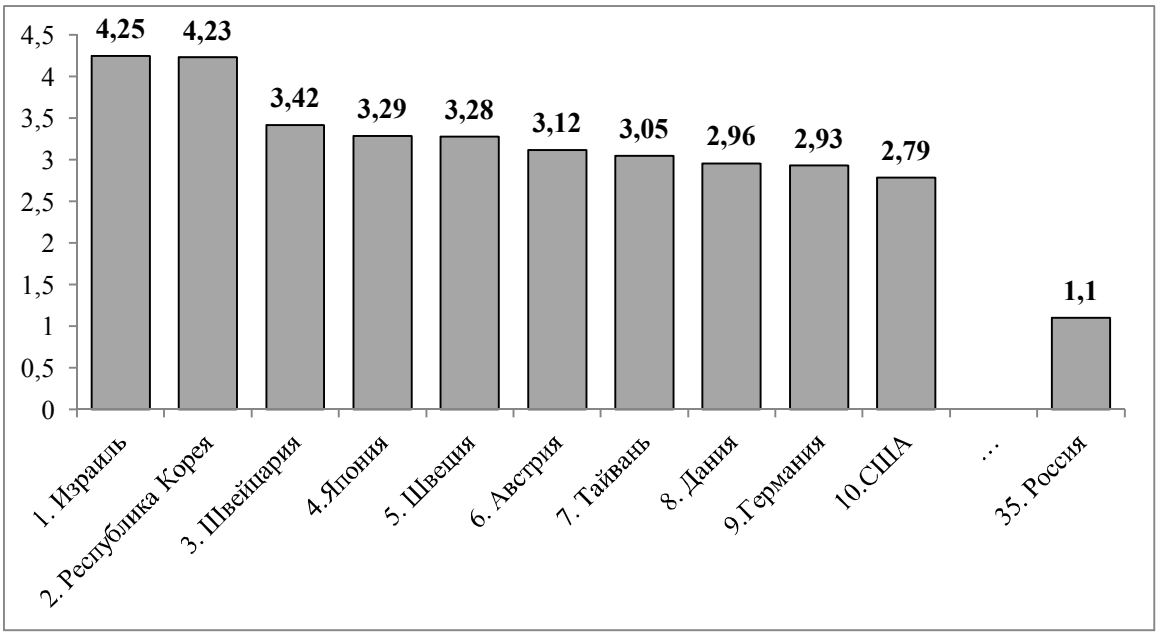
Что примечательно, в нормативных документах части регионов России к субъектам инновационной деятельности относят исключительно юридические и физические лица региона. В конечном итоге, в Российской Федерации инновационная деятельность реализуется не только российскими и региональными юридическими и физическими лицами, но и иностранными индивидуальными предпринимателями, юридическими и физическими лицами, их объединениями. Таким образом, сужение на законодательном уровне состава субъектов инновационной деятельности является барьером для ее осуществления [3].

Соответственно, первостепенной задачей, стоящей перед государством, является адекватная систематизация законодательства, регламентирующая инновационную деятельность.

2. Недостаточное инвестирование инновационной деятельности. Как крупные российские, так и иностранные инвесторы предпочитают вложение средств в сырьевые отрасли, которые характеризуются высокой доходностью и низкими рисками [1].

Отмечается низкий объем вложений (в частности иностранного) в несырьевые отрасли экономики (приборостроение, машиностроение, перерабатывающие отрасли промышленности), именно в те отрасли, которые характеризуют уровень экономико-технологического развития страны. Такая тенденция во многом определяется недостаточной степенью благоприятности инвестиционного климата, так как на фоне политических событий значительная доля инвесторов «ушла» с рынка в связи со значительными инвестиционными рисками.

Наряду с этим, показатели финансирования науки развитых стран резко отличаются от уровня финансирования отечественной науки (см. рис.).



Внутренние затраты на исследования и разработки,
в % к ВВП по странам (2016 г.)

Инвестирование в фундаментальные научные исследования и разработка на их базе прорывных наукоемких технологий производства услуг и товаров должны быть одним из основных направлений инвестиций [1].

3. Существенной проблемой остается недостаточная корреляция различных форм: географической, организационной, институциональной, социальной, функциональной, когнитивной.

Исследования, проведенные несколькими учеными [8; 9; 10; 11], доказали, что география важна для инновационной деятельности и что концентрация выгодна для регионального развития и экономического роста. Исследования показали важность близости участников инновационной деятельности, о чем свидетельствует концентрация рабочих мест, фирм и ресурсов на важнейших направлениях экономического развития в регионе TTR-ELAt [8].

Так, под географической близостью понимается расстояние между участниками инновационной деятельности, как в абсолютном, так и в относительном значении. Небольшие расстояния буквально объединяют их, поддерживают информационные контакты и облегчают обмен неявными знаниями. Чем больше расстояние между участниками, тем меньше интенсивность положительных внешних эффектов и тем сложнее становится передача неявных знаний [8].

С учетом географических масштабов России актуальной является разработка инструментов, которые будут учитывать особенности географии и в ближайшие сроки с высокой результативностью использовать в производстве научно-технический и интеллектуальный потенциал регионов с наименьшим пространственным распадом.

Когнитивная близость нужна участникам с точки зрения общей базы знаний, для того чтобы успешно общаться, понимать, обрабатывать новую информацию. Так, слишком большая когнитивная дистанция затрудняет взаимодействие и приводит к недопониманию и ограниченным возможностям для инновационной деятельности. Таким образом, это требует системы научно-технической информации, которая должна обеспечить когнитивную близость, открывая участникам доступ к патентной информации, знаниям о достижениях науки и технологий [9].

4. Низкая вовлеченность частного и образовательного сектора в инновационную деятельность. Наблюдаются низкие позиции образовательного и частного секторов России в распределении внутренних затрат на инновации по секторам науки, в то время как позиция государственного сектора достаточно высока по сравнению с экономически развитыми научными державами (см. табл.).

На основании таблицы можно сделать вывод, что на государственный сектор России приходится 30,5 %, что в 2,5 раза выше по сравнению со средним значением, приходящимся на ведущие страны (кроме Индии). При этом на сектор высшего образования приходится 9,8 %, что в 1,5 раза меньше по сравнению со средним значением, приходящимся на ведущие страны.

Распределение внутренних затрат на исследования и разработки по секторам науки в 2016 г.

Страна	Сектор НКО	Сектор высшего образования	Бизнес-сектор	Государственный сектор
США	4,1	14,2	70,6	11,2
Китай	…	6,9	77,3	15,8
Япония	1,3	13,5	76,1	9,2
Германия	...	17,7	67,5	14,8
Республика Корея	1,5	9	78,2	11,2
Франция	1,5	20,6	64,8	13,1
Индия	...	4,1	35,5	60,5
Великобритания	1,7	26,1	64,4	7,8
Россия	0,1	9,8	59,6	30,5

Следует отметить, что на сектор некоммерческих организаций в России приходится менее 1 %, что соответствует мировой тенденции и свидетельствует о том, что сектор некоммерческих организаций не вовлечен в инновационный процесс. При этом на сектор некоммерческих организаций США приходится 4,1 %, что почти на 3 % выше по сравнению со средним значением, приходящимся на показатели рассматриваемых стран. Это свидетельствует о значимой роли НКО в системе США, что обусловлено тем, что инновационная система США развивается под парадигмой «государство–бизнес–образование» и университеты США активно вовлечены в инновационный процесс.

Значит, российские образовательные и частные секторы менее активны в инновационной деятельности по сравнению с развитыми государствами. Это связано с их ограниченным взаимодействием как между собой, так и с государством.

Кроме того, в России мы наблюдаем ситуацию, когда потенциал малого бизнеса недостаточно реализуется в инновационном секторе. Так, доля инновационного сектора в малом предпринимательстве составляет около 4,5 %.

Таким образом, приоритетная роль государства в поддержке сферы научных исследований и разработок не обеспечивает необходимую динамику инновационного роста экономики. Это обусловливает необходимость активного участия бизнеса и образования в НИОКР.

5. Дифференциация инновационной инфраструктуры. К особенностям социально-экономического развития регионов Российской Федерации относят высокую степень дифференциации их развития.

Например, экономика регионов ПФО значительно различается по отраслевой структуре, специализации и уровню развития. Наиболее развитые районы насыщены инновационной инфраструктурой, а наименее развитые районы характеризуются фрагментарностью инновационной инфраструктуры. Ситуацию ухудшает наличие моноструктурных территорий в составе регионов ПФО. Моногорода особенно чувствительны к изменениям экономической обстановки, и выход из критического состояния требует крупных финансовых ресурсов, что оказывает негативное влияние на социально-экономическое развитие региона. Так, на долю ПФО приходится около 79 моногородов (около 25 %).

6. Несовершенная система распределения человеческого капитала в области инновации. В России сохраняется нехватка высококвалифицированных специалистов в инновационном секторе, фрагментарность инфраструктуры подготовки и переподготовки кадров, недостаток мотивации преподавателей, научных работников, аспирантов и студентов к инновационной деятельности [2].

Проведенный анализ позволяет отметить, что существующие проблемы оказывают отрицательное влияние на научно-техническое и инновационное развитие регионов России. Решение выявленных проблем предусматривает дальнейшее исследование основных параметров, направлений и закономерностей инновационных процессов. Для каждого региона характерны свои особенности инновационного развития, традиции и возможности. Это обусловливает необходимость формирования современного механизма активизации инновационной деятельности на региональном уровне, который определяется спецификой экономического, научно-технического, культурного развития каждого региона.

Литература

1. Валинурова Л.С. Инновационное развитие регионов: методологические основы и перспективные направления: монография. М.: «Палеотип», 2011. 200 с.

2. Видяев И.Г., Краковецкая И.В., Чистякова Н.О., Воробьева Е.С. Основные проблемы обеспечения инновационной деятельности в Томской области // Известия ТПУ. 2010. № 6.

3. Друева А.А. Правовое положение участников инновационной деятельности: автореф. дис... канд. юр. наук. М.: Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина, 2014. 24 с.

4. Закон Удмуртской Республики от 26 июня 2017 г. № 55-РЗ «Об инновационной деятельности в Удмуртской Республике» // ПСС «Техэксперт» [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/450254782

5. Закон Ульяновской области от 28 декабря 2015 г. № 217-ЗО «О развитии инновационной деятельности на территории Ульяновской области» // ПСС «Техэксперт») [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/ 463712627

6. Кузьминых Н.А. Интенсивность и экстенсивность инновационного развития // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2014. № 3.

7. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 15 октября 2011 г. № 857 «Об утверждении Концепции долгосрочной целевой программы “Развитие рынка интеллектуальной собственности в Республике Татарстан на 2012–2020 годы”» // ПСС «Техэксперт» [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/917046236

8. Nauwelaers C., Maguire K., Ajmone Marsan G. The Case of the Top Technology Region/Eindhoven-LeuvenAachen Triangle (TTR-ELAt) // Regions and Innovation: Collaborating Across Borders. 2013. Pp. 219–229.

9. Overman Henry G., Diego Puga. Labor pooling as a source of agglomeration: An empirical investigation. In Edward L. Glaeser (ed.). Cambridge (mass.): National Bureau of Economic Research, 2010. Pp. 133–150.

10. Rosenthal, Stuart S. and William C. Strange. The Geography of Entrepreneurship in the New York Metropolitan Area // FRBNY Economic Policy Review. 2005. Pp. 29–53.

11. Rosenthal, Stuart S. and William C. Strange, Geography, Industrial Organization, and Agglomeration. Center for Policy Research Working Papers, 2003. Pp. 377–393.

О некоторых аспектах определения специализации экономики Республики Башкортостан

Some Aspects of Determining the Specialization of the Economy of the Republic of Bashkortostan

А. БИКМАЕВА

Бикмаева Алия Динмухаматовна, канд. экон. наук, старший преподаватель кафедры макроэкономического развития и государственного управления Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: rakhmatullinaad@gmail.com

В статье рассмотрена производственная концепция определения специализации региона на примере Республики Башкортостан. Автором рассчитаны коэффициенты локализации и душевого производства видов экономической деятельности региона, а также представлена их динамика за ряд лет.

***Ключевые слова**: регион, специализация, вид экономической деятельности, отрасль, коэффициент локализации, коэффициент душевого производства.*

The article describes the production concept of determining the specialization of a region on the example of the Republic of Bashkortostan. The author calculated the coefficient of localization and the coefficient of per capita production of the types of economic activity in the region, and also presented their dynamics over a number of years.

***Key words**: region, specialization, type of economic activity, industry, coefficient of localization, coefficient of per capita production.*

На сегодняшний день экономику Республики Башкортостан можно охарактеризовать как многоотраслевую, с достаточно высокими показателями уровня диверсификации и комплексного развития. Как известно, цель современного экономического курса республики – это его направленность на эффективное использование имеющегося потенциала региона, инновационный путь

развития, обеспечивающий ускоренные темпы экономического роста, производство товаров и услуг с высокой добавленной стоимостью, способных конкурировать на международном рынке, качественные социально-экономические сдвиги в народнохозяйственном комплексе, позволяющие достичь высокого уровня жизни и благосостояния населения. В данном контексте, безусловно, особую актуальность приобретает проблема выявления потенциальных «точек роста» развития экономики республики, определения ее приоритетных направлений для вложения новых научных идей и технологий, для культивирования эффективного инвестиционного климата в тех отраслях, которые позволяют региональной экономике максимально задействовать ее конкурентные преимущества. В связи с тем, что прогнозирование модели оптимальной экономической структуры и предупреждение возможных последствий (негативных или позитивных) структурной динамики экономической системы республики невозможны без качественного и глубокого анализа наиболее эффективных отраслей специализации, заключающих в себе наибольший экономический и социальный эффект, вопрос их определения становится принципиальным для эффективного и сбалансированного развития народнохозяйственного комплекса в целом. Анализ экономического пространства Республики Башкортостан в условиях современной (и мировой, и национальной) хозяйственной парадигмы, на наш взгляд, предполагает прежде всего определение ключевых и реальных направлений дальнейшего экономического роста на основе выявления потенциала отраслей специализации, «работающих» на создание эффективной, конкурентоспособной, динамично развивающейся, инновационной региональной экономики, направленной на решение социальных проблем.

В существующей исследовательской литературе представлены многочисленные научно-методологические подходы к определению специализации региона, характеризующиеся многоплановостью и неоднозначностью концептуальных позиций. Интересны в этом плане две концепции – вывозная и производственная, где в качестве ключевого фактора, определяющего специализацию региона, выступает либо вывоз продукции, либо производство продукции в регионе [2].

Для количественной характеристики уровня региональной специализации применяются разные методики, критерии и показатели. Наиболее содержательным и корректным в этом плане представляется коэффициент локализации отрасли в экономическом пространстве региона. Данный показатель определяется в результате сопоставления отраслевой структуры регионального народнохозяйственного комплекса с соответствующей структурой национальной экономики. Также важно иметь в виду коэффициент душевого производства, который рассчитывается на основе выявления отношения удельного веса вида экономической деятельности региона в структуре вида экономической деятельности национальной экономики к удельному весу населения, проживающего на территории региона, в численности населения в масштабах страны.

Коэффициент локализации вида экономической деятельности отражает степень сосредоточения данного вида экономической деятельности в данном регионе. Если значение коэффициента локализации больше 1, то данный вид экономической деятельности можно отнести к отрасли специализации.

Коэффициент локализации вида экономической деятельности рассчитывается по следующей формуле:

$$K_{LOK} = \frac{\dfrac{GVAR_{nr}}{GVAR_r}}{\dfrac{GVAN_n}{GVAN}}, \qquad (1)$$

где K_{LOK} – коэффициент локализации вида экономической деятельности, в долях единицы; n – номер вида экономической деятельности; r – номер региона; $GVAR_{nr}$ (Gross Value Added of the Region) – валовая добавленная стоимость в r-м регионе n-го вида экономической деятельности, руб.; $GVAR_r$ (Gross Value Added of the Region) – совокупная валовая добавленная стоимость в r-м регионе, руб.; $GVAN_n$ (Gross Value Added National) – валовая добавленная стоимость по

национальной экономике в целом *n*-го вида экономической деятельности, руб.; *GVAN* (Gross Value Added National) – совокупная валовая добавленная стоимость по национальной экономике, руб. [1].

Таблица 1

Коэффициент локализации видов экономической деятельности Республики Башкортостан

Вид экономической деятельности		Годы			
		2004	2008	2012	2016
Раздел A	Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	1,9	1,8	1,3	1,5
Раздел B	Рыболовство, рыбоводство	0,0	0,0	0,0	0,0
Раздел C	Добыча полезных ископаемых	1,1	1,2	0,3	0,3
Раздел D	Обрабатывающие производства	1,5	1,5	2,2	1,6
Раздел E	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,9	0,9	0,7	0,9
Раздел F	Строительство	1,0	1,0	1,0	1,4
Раздел G	Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	0,5	0,7	0,8	0,9
Раздел H	Гостиницы и рестораны	1,2	1,0	1,0	1,2
Раздел I	Транспорт и связь	0,9	0,9	0,8	0,8
Раздел J	Финансовая деятельность	0,2	0,3	0,5	0,6
Раздел K	Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	0,6	0,5	0,6	0,7
Раздел L	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	0,8	0,7	0,7	0,8
Раздел M	Образование	1,2	1,2	1,2	1,4
Раздел N	Здравоохранение и предоставление социальных услуг	1,0	0,9	0,9	1,2
Раздел O	Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	0,8	0,6	0,6	0,8
Раздел P	Деятельность домашних хозяйств				

Как видно из данных, представленных в таблице, по состоянию на 2016 г. в регионе в наибольшей степени сконцентрированы сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, обрабатывающие производства, строительство, гостиницы и рестораны, образование и здравоохранение, а также предоставление социальных услуг. За 2004–2016 гг. концентрация добычи полезных ископаемых значительно сократилась и вышла из числа отраслей специализации. Очевидно, что наблюдается рост концентрации финансовой деятельности и операций с недвижимым имуществом, аренды и предоставления услуг.

Коэффициент душевого производства следует рассчитывать по формуле:

$$K_{DP} = \frac{\frac{GVAR_{nr}}{P_r}}{\frac{GVAN_n}{P}}, \qquad (2)$$

где K_{DP} – коэффициент душевого производства вида экономической деятельности, в долях единицы; n – номер вида экономической деятельности; r – номер региона; $GVAR_{nr}$ (Gross Value Added of the Region) – валовая добавленная стоимость в r-м регионе n-го вида экономической деятельности, руб.; $GVAN_n$ (Gross Value Added National) – валовая добавленная стоимость по национальной экономике в целом n-го вида экономической деятельности, руб.; P_r – численность населения r-го региона, человек; P – численность населения страны в целом, человек.

Коэффициент душевого производства вида экономической деятельности позволяет дать характеристику развитости отрасли в регионе по отношению к стране, а также определить долю населения региона по отношению к населению всей страны. Если значение коэффициента душевого производства больше 1, то данный вид экономической деятельности сконцентрирован в регионе больше, чем в среднем по стране. Соответственно уровень концентрации вида экономической деятельности на территории региона считается высоким, чем больше значение коэффициента [1].

Таблица 2

Коэффициент душевого производства видов экономической деятельности Республики Башкортостан

Вид экономической деятельности		2004	2008	2012	2016
Раздел A	Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	1,5	1,4	1,1	1,1
Раздел B	Рыболовство, рыбоводство	0,0	0,0	0,0	0,0
Раздел C	Добыча полезных ископаемых	0,8	0,9	0,2	0,2
Раздел D	Обрабатывающие производства	1,1	1,1	1,8	1,8
Раздел E	Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,7	0,7	0,6	0,6
Раздел F	Строительство	0,8	0,7	0,8	0,8
Раздел G	Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	0,4	0,6	0,7	0,7
Раздел H	Гостиницы и рестораны	0,9	0,8	0,8	0,8
Раздел I	Транспорт и связь	0,7	0,7	0,7	0,7
Раздел J	Финансовая деятельность	0,1	0,2	0,4	0,4
Раздел K	Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	0,5	0,4	0,5	0,5
Раздел L	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	0,6	0,6	0,5	0,5
Раздел M	Образование	1,0	0,9	1,0	1,0
Раздел N	Здравоохранение и предоставление социальных услуг	0,8	0,7	0,7	0,7
Раздел O	Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	0,6	0,4	0,5	0,5
Раздел P	Деятельность домашних хозяйств				

Согласно полученным данным, к отраслям специализации экономики региона можно отнести сельское хозяйство, охоту и лесное хозяйство, обрабатывающие производства и образование.

В наименьшей степени в регионе сконцентрированы добыча полезных ископаемых и финансовая деятельность.

Данные, полученные при расчете коэффициента душевого производства, частично совпадают со значениями коэффициента локализации.

Таким образом, применяя производственную концепцию при определении специализации региона по двум показателям (коэффициент локализации и коэффициент душевого производства), следует отметить, что в республике сконцентрированы следующие виды экономической деятельности: сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, обрабатывающие производства, образование; концентрация добычи полезных ископаемых в регионе существенно уменьшилась. Также низкая концентрация характерна для таких видов экономической деятельности, как рыболовство, рыбоводство, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг, государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное страхование, предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг, финансовая деятельность.

Данные, полученные при расчете коэффициентов локализации и душевого производства, позволяют говорить о том, что обрабатывающие производства и сельское хозяйство претендуют на ключевые позиции в специализации республики. Однако исследование показателей вывоза продукции за пределы региона позволило бы иметь более полное представление об отраслевой специализации региона. Также большое значение, на наш взгляд, имеет качественная характеристика видов экономической деятельности народнохозяйственного комплекса республики, нацеленных на создание конечной конкурентоспособной продукции с использованием инновационных технологий для глубокой и эффективной переработки сырья.

Литература

1. Рахматуллина А.Д., Юсупов К.Н. Оценка структурных изменений в экономике регионов: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. 160 с.

2. Юсупов К.Н. Автономная республика в системе общественного воспроизводства. М.: Изд-во «Наука», 1980. 189 с.

Институциональные и динамические характеристики развития современного ипотечного кредитования в регионе

Institutional and Dynamic Characteristics of the Development of Modern Mortgage Lending in the Region

Т. ЧИНАЕВ

Чинаев Тимур Винерович, канд. экон. наук, доцент кафедры региональной экономики и управления Института экономики и сервиса Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: Chinaev81@mail.ru

Статья посвящена исследованию современного состояния развития ипотечного жилищного кредитования в аспекте его институциональных и динамических характеристик. В работе изучены изменения 2018 года в институциональной системе отечественного ипотечного кредитования на федеральном и региональном уровнях, позволившие определить ее новые основные элементы и их связи, а также место в инфраструктуре ипотечной системы. Для определения динамических характеристик использовался экономико-статистический анализ, который позволил установить рост его ключевых показателей в Республике Башкортостан. С учетом всего этого автором делается вывод о том, что сегодня ипотека выходит из кризисного состояния 2014–2015 годов и, соответственно, стабилизируется ситуация на рынке жилой недвижимости.

***Ключевые слова**: институт, динамика, ипотечное кредитование, финансирование региона.*

The article is devoted to the study of the current state of development of mortgage lending in terms of its institutional and dynamic characteristics. The paper studies the changes of 2018 in the institutional system of domestic mortgage lending at the federal and regional levels, which allowed determining its new basic elements and their connections, as well as the place in the infrastructure of the mortgage system. To determine the dynamic characteristics used economic and statistical analysis, which allowed establishing the growth of its key indicators in the Republic of Bashkortostan. Taking into account all this, the author concludes that today the mortgage is coming out of the crisis of 2014–2015 and, accordingly, the situation in the residential real estate market is stabilizing.
***Key words**: institute, dynamics, mortgage lending, region financing.*

Кризисы 2008 и 2014 годов продемонстрировали уязвимость финансовой системы Российской Федерации. Основная негативная тенденция была отмечена в сфере ипотечного жилищного кредитования (далее – ИЖК) в стране, когда процентные ставки по ипотеке после достижения исторических минимумов начали расти (рис. 1) [1].

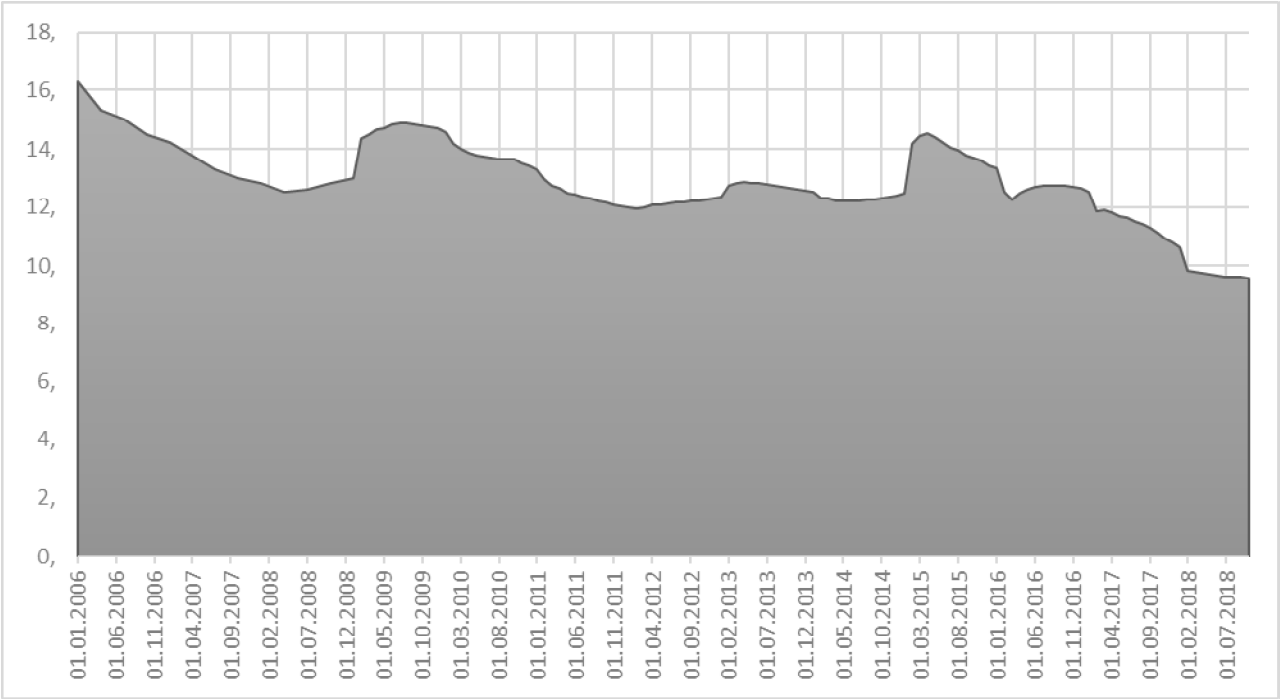


Рис. 1. Динамика средневзвешенной ставки за 2006–2018 гг., %
(по выданным с начала года жилищным кредитам)

Тем не менее, уже сегодня основным механизмом реализации конституционного права граждан на жилье в РФ становится ИЖК, так как больше 50 % сделок по покупке жилья происходит с его использованием [3]. В связи с этим следует более внимательно рассмотреть институциональную структуру и основные показатели развития этого вида кредита с целью предотвращения отрицательных последствий периодически возникающих кризисов.

Институциональные основы системы ипотечного кредитования в регионе. Эксперты к ключевым участникам ипотечных отношений относят: государство, заемщиков, кредиторов, застройщиков, инвесторов, а также такие элементы инфраструктуры, как страховые компании, риэлторы, ипотечные брокеры, бюро кредитных историй и т.д. [4].

Современная отечественная система ипотечного кредитования состоит из двух основных институтов первичного и вторичного рынка (ипотечных кредитов и ипотечных ценных бумаг), которые имеют собственную инфраструктуру. Их взаимодействие совершается на первичном рынке между кредитором и заемщиком посредством получения ИЖК, где присутствуют оценщики, страховщики и т.п., а уже на вторичном рынке происходит процесс финансирования этих сделок заинтересованными инвесторами посредством продажи ценных бумаг, обеспеченных

закладными. Действующую в России систему ипотечного кредитования можно представить в следующем виде (рис. 2).

Здесь следует уточнить, что до марта 2018 г. основным оператором ипотечного кредитования в РФ было АИЖК, которое вошло в состав созданного единого института развития жилищной сферы ДОМ.РФ. Еще раньше АИЖК прекратило финансировать региональных операторов, в том числе их работу по контролю пулов закладных. Эти функции были переданы банкам «ВТБ» и «Российский капитал». Поэтому в субъектах РФ региональные операторы ипотеки стали диверсифицировать свою деятельность. К примеру, в Республике Башкортостан региональному оператору УГАИК органы власти, являющиеся его основным учредителем, разрешили выполнять функции застройщика. Таким образом, можно сделать вывод о том, что институциональная структура системы ИЖК в РФ сформирована, кроме того, она не отличается статичностью, а является динамичной системой, которая реагирует на внешние изменения.

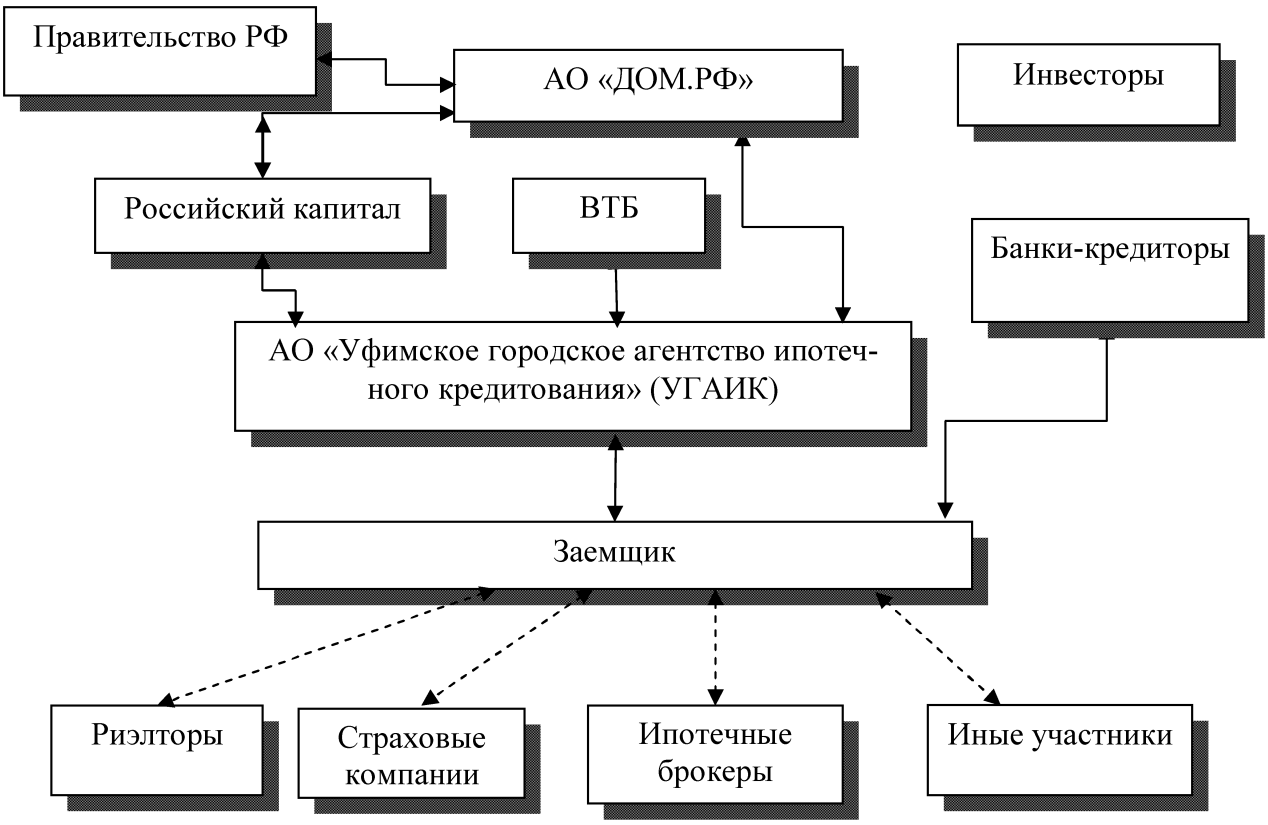


Рис. 2. Институциональная структура системы ипотечного кредитования

Динамические характеристики развития ипотечного кредитования в Республике Башкортостан. За период 01.01.2013–01.01.2018 г. количество выданных ИЖК в регионе выросло с 23 335 до 38 887, то есть отмечен рост за 5 лет на 60,5 % (рис. 3) [2].

Если сравнивать с посткризисным годом, то необходимо отметить, что падение составило около 3 %, так, к началу 2016 г. было выдано 22 752 кредита.

На рисунке 4 [2] представлен результат анализа динамики объема выданных средств физическим лицам посредством ИЖК, который показывает увеличение на 40 % с 2013 по 2018 г. исследуемого показателя. В целом эти результаты говорят о существенном росте активности и темпах развития ИЖК в Республике Башкортостан.

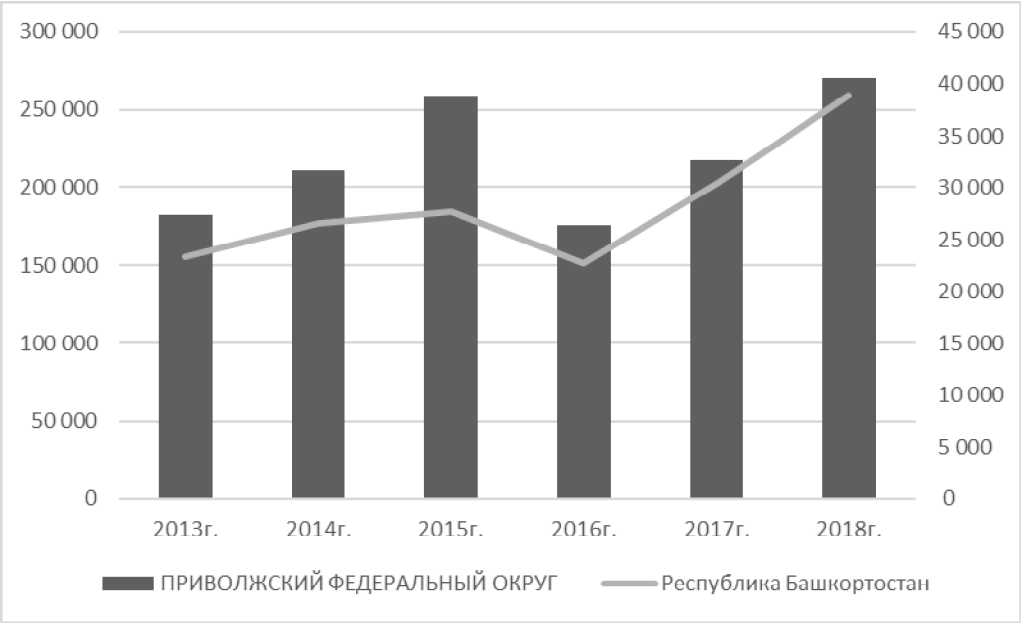


Рис. 3. Динамика выданных ИЖК в Республике Башкортостан за 01.01.2013–01.0.1.2018 г., ед.

Рассматривая средневзвешенную ставку по ИЖК в республике, можно отметить ее корреляцию с ключевой ставкой ЦБ РФ:

– 01.01.2013 г. – 12,68 %;

– 01.01.2015 г. – 13,25 %;

– 01.01.2018 г. – 9,73 % [2].

В вышеприведенных графиках сравнение с показателями ПФО позволило определить их взаимообусловленное развитие. Причина этого состоит в том, что если рассматривать структуру в разрезе субъектов, входящих в ПФО, то необходимо отметить, что Республика Башкортостан занимает второе место по объему выдаваемых ИЖК [1].

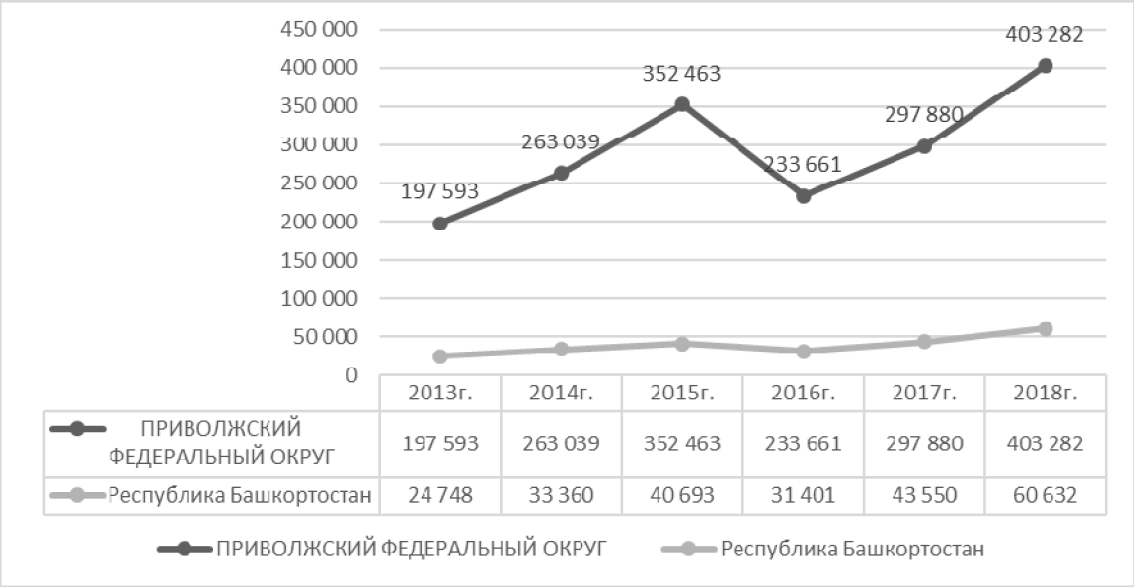


Рис. 4. Динамика объема выданных ИЖК в Республике Башкортостан за 01.01.2013–01.01.2018 г., млн руб.

Интересным представляется анализ показателей динамики изменения количества кредитных организаций, предоставляющих ИЖК и привлекающих рефинансирование на вторичном рынке ИЖК, в период с 01.01.2013 г. по 01.01.2018 г. в республике (см. табл.) [1].

Динамика изменения количества кредитных организаций, предоставляющих ИЖК и привлекающих рефинансирование на вторичном рынке ИЖК, с 01.01.2013 г. по 01.01.2018 г.

Показатель	01.01.2013 г.	01.01.2014 г.	01.01.2015 г.	01.01.2016 г.	01.01.2017 г.	01.01.2018 г.
Количество кредитных организаций, предоставляющих ипотечные жилищные кредиты	10	9	9	5	5	4
Количество кредитных организаций, привлекающих рефинансирование на вторичном рынке ипотечного кредитования	6	5	4	2	1	0

По данным таблицы видно, что число кредитных учреждений сокращается по всем позициям. Эти показатели соответствуют общей картине изменений в стране, так, «в 2017 году ипотеку выдавали на регулярной основе около 90 банков, где 70 % рынка занимают Сбербанк и группа ВТБ» [3]. Для сравнения авторы отчета представляют следующие данные: «…в США ипотеку выдают 1 400 банков, доля пяти крупнейших банков – 20 % от общего объема выдачи кредитными организациями» [3]. Следует отметить, что это является проявлением активной политики ЦБ РФ, сопровождающей в последние годы и устанавливающей векторы развития современной отечественной банковской системы. Помимо этого, дополнительно может быть актуализирована известная проблема существенной зависимости отечественных кредитных учреждений от возможности доступа к иностранному капиталу.

В результате анализа исследуемых показателей в работе были установлены рост объема и увеличение количества выдаваемых ИЖК. Сложившийся тренд связан отчасти с общеэкономической ситуацией в Российской Федерации. В целом же эти данные говорят о постепенном преодолении кризиса 2014–2015 гг., а также о стабилизации рынка жилья и повышении спроса на жилую недвижимость. Однако в системе ИЖК могут возникнуть определенные проблемы, так как количественный анализ выявил существенное снижение количества кредиторов и инвесторов. В изучаемом регионе – Республике Башкортостан – в 2,5 раза уменьшилось количество кредиторов и к началу 2018 года отсутствуют кредитные организации, привлекающие рефинансирование на вторичном рынке ипотечного кредитования. Это говорит о непривлекательности данного рынка для инвестора. Одной из причин создавшейся ситуации с конкуренцией на рынке ИЖК может являться ограничение доступа банков к долгосрочному иностранному фондированию, и работа ЦБ РФ по снижению количества кредитных учреждений. По мнению автора, главное, чтобы эти проблемы не повлияли на дальнейшие темпы развития и доступность ИЖК в стране, так как больше половины сделок на отечественном рынке жилья происходит через ипотеку.

Литература

1. Жилищные кредиты, предоставленные физическим лицам-резидентам в рублях [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/statistics/UDStat.aspx? TblID=4-1&pid=ipoteka&sid=ITM

2. Показатели рынка жилищного (ипотечного жилищного) кредитования [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=ipoteka

3. Развитие рынков ипотеки и жилищного строительства в 2000–2017 годах [Электронный ресурс]. URL: https://xn--d1aqf.xn--p1ai/upload/iblock/ade/ adef7ad5205f63ee745f17a763a04fe3.pdf

4. Luca Bertalot. A Review of Europe's Mortgage and Housing Markets. Europe Mortgage Federation, Hypostat, 2016. 132 p.

Разработка рейтинга муниципальных районов Республики Башкортостан по эффективности развития инициативного бюджетирования

Development of Rating of Municipal Districts of the Republic of Bashkortostan on the Effectiveness of the Development of Initiative Budgeting

Э. НУРТДИНОВ, Н. РОЗЕ

Нуртдинов Эльдар Расихович, руководитель Центра изучения гражданских инициатив Института стратегических исследований Республики Башкортостан (ИСИ РБ). E-mail: nurtdinover@isirb.ru
Розе Нелли Шамилевна, младший научный сотрудник Центра изучения гражданских инициатив ИСИ РБ. E-mail: rozens@isirb.ru

Данная статья посвящена оценке эффективности реализации процессов инициативного бюджетирования в муниципальных районах Республики Башкортостан. В качестве методов научного исследования применялись методы математической обработки данных, метод вторичного анализа данных, полученных другими исследовательскими коллективами, методы статистической обработки информации, контент-анализа. Результатом исследования являются разработка модели и критериев оценки социально-экономических эффектов использования инициативного бюджетирования как инструмента бюджетной и социальной политики, апробация разработанной методики и формирование комплекса рекомендаций и предложений.
***Ключевые слова**: инициативное бюджетирование, социально-экономические эффекты инициативного бюджетирования, местные инициативы, партисипаторное бюджетирование.*

This article is devoted to the evaluation of the effectiveness of the implementation of the processes of initiative budgeting in the municipal districts of the Republic of Bashkortostan. The methods of mathematical data processing, the method of secondary analysis of data obtained by other research teams, methods of statistical information processing, content analysis were used as methods of scientific research. The result of the study is the development of a model and criteria for assessing the socio-economic effects of the use of initiative budgeting as an instrument of budget and social policy, testing the developed methodology and the formation of a set of recommendations and proposals.
***Key words**: initiative budgeting, social and economic effects of initiative budgeting, local initiatives, participatory budgeting.*

На данный момент более 45 регионов России реализуют разнообразные и партисипаторные практики и практики инициативного бюджетирования. К числу подобных практик относятся такие проекты, как «Народный бюджет» в Тульской и Ульяновской областях и Республике Коми, проекты партисипаторного бюджетирования, реализуемые Центром «Res Publica» Европейского университета в Санкт-Петербурге, проекты поддержки местных инициатив по технологии Всемирного банка, которые реализуются Ставропольским краем, Хабаровским краем, Тверской областью, Кировской областью, Нижегородской областью, Еврейской автономной областью, Республикой Северная Осетия-Алания, губернаторский проект инициативного бюджетирования «Решаем вместе» в Ярославской области и др.[3].

Но как показывает практика, в настоящее время отсутствует единая методология оценки эффектов, возникающих в процессе использования механизмов финансирования общественной инфраструктуры, основанных на принципах инициативного или партисипаторного бюджетирования на региональном уровне, что обусловливает необходимость разработки данного инструментария.

* Исследование выполнено в рамках государственного задания Центра изучения гражданских инициатив ГАНУ «Институт стратегических исследований» за 2018 год.

В соответствии с целями Стратегии социально-экономического развития инициативного бюджетирования в Республике Башкортостан на период до 2030 года и проекта Приоритетной региональной программы развития инициативного бюджетирования практически все муниципальные образования региона будут вовлечены в процессы инициативного бюджетирования посредством участия либо в региональных, либо в муниципальных программах [7].

Среднесрочность горизонта планирования и масштабы внедрения определяют потребность в идентификации и оценке эффектов, возникающих в результате активизации данных процессов.

Для оценки социально-экономических эффектов необходимо учитывать не только цели, которыми руководствуются органы власти, внедряя механизмы инициативного бюджетирования, но и цели социально-экономического развития региона или муниципалитета, дизайн и параметры практик инициативного бюджетирования, а также эффективность непосредственных участников проектов, которыми, как правило, выступают муниципалитеты.

Таким образом, целесообразно определить показатели, характеризующие достижение выявленных социально-экономических эффектов, и построить модель оценки социально-экономических эффектов использования механизмов инициативного бюджетирования в Республике Башкортостан исходя из учета следующих факторов и принципов:

1. Включение проекта «Инициативное бюджетирование» в число стратегических в рамках реализации стратегической инициативы «Активизация инвестиционной деятельности» по Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года. Цель проекта состоит в повышении эффективности существующих источников финансирования общественной инфраструктуры при непосредственном участии граждан и бизнеса в выборе, софинансировании, реализации проектов и контроле. Целевыми показателями выступают:

1) доля расходов консолидированного бюджета РБ через механизмы инициативного бюджетирования (10 % к 2030 году);

2) доля населения, вовлеченного в реализацию проектов инициативного бюджетирования (10 % к 2030 году) [7].

2. Реализация на протяжении последних четырех лет конкурсного отбора проектов развития общественной инфраструктуры, основанных на местных инициативах. С 2016 года конкурсный отбор реализуется на всей территории региона, участниками являются все 54 муниципальных района и 9 городских округов республики [2], что дает возможность использования первичных данных, материалов и результатов данной практики для построения модели оценки социально-экономических эффектов использования инициативного бюджетирования.

3. Использование принципа минимальной существенной достаточности, согласно которому количество компонентов модели оценки должно быть минимальным, но достаточным для реализации поставленных целей.

4. Использование принципа информационной доступности, согласно которому модель оценки строится на основе данных, доступных широкому кругу заинтересованных лиц.

С учетом вышеназванных аспектов модель оценки социально-экономических эффектов инициативного бюджетирования в Республике Башкортостан предлагается в формате списка порядковых показателей, муниципальных образований региона, ранжированных по степени эффективности развития инициативного бюджетирования. Предполагается, что в рейтинг по развитию инициативного бюджетирования в Республике Башкортостан, построенный на основе данных конкурсного отбора проектов развития общественной инфраструктуры, основанных на местных инициативах, войдут 54 муниципальных района республики.

Использование материалов данной практики инициативного бюджетирования в качестве базы для формирования структурных компонентов модели и источника первичных данных для оценки муниципальных образований целесообразно по нескольким причинам.

Во-первых, данная практика является стандартной программой инициативного бюджетирования в России. Во-вторых, в Башкортостане на данный момент эта практика является единственной реализующейся в полном непилотном масштабе на территории всего региона в течение нескольких лет, что дает базу для сравнения, определения тенденций и разработки рекомендаций

по повышению эффективности ее реализации. В-третьих, данная практика включает в себя наиболее полный набор критериев для определения победителей и наиболее разработанную нормативно-правовую, техническую и организационно-методическую основы реализации. Это дает возможность для оперативной разработки модификаций методики построения рейтинга, не нарушающих системообразующие основы и принципы в случае необходимости включения в методику данных по другим реализующимся в республике практикам инициативного бюджетирования.

Рассмотрим компоненты, которые предлагается включить в модель.

Во-первых, показатели, отражающие степень активности и результативности участия муниципальных образований в проектах инициативного бюджетирования, рассчитываемые по формулам 1 и 2. Данные показатели характеризуют уровень бюджетной и финансовой грамотности населения и уровень профессиональных компетенций органов местного самоуправления за счет вовлечения представителей органов местного самоуправления в процессы проектного управления и участия в обучающих мероприятиях, посвященных вопросам участия в проектах инициативного бюджетирования для представителей муниципалитетов и местного населения, а также степень использования возможностей улучшения состояния общественной инфраструктуры, в частности, в сельской местности, что способствует повышению качества предоставления социальных услуг населению.

$$IB_a = \frac{N_p}{N}, \quad (1)$$

где IB_a – показатель активности муниципального района, N_p – количество поселений муниципального района, принявших участие в конкурсном отборе проектов развития общественной инфраструктуры, основанных на местных инициативах, N – количество поселений, входящих в состав муниципального района.

Расчетное значение данного показателя варьируется в пределах от 0 до 1, поскольку на данный момент в конкурсном отборе от одного поселения возможно подать одну конкурсную заявку, то есть число участников от одного муниципального района не может превышать количество поселений, входящих в состав муниципального района. Формула расчета показателя результативности участия муниципальных районов республики представлена ниже.

$$IB_r = \frac{N_w}{N_p}, \quad (2)$$

где IB_r – показатель результативности участия муниципального района, N_w – количество поселений, победивших в конкурсном отборе проектов развития общественной инфраструктуры, основанных на сметных инициативах, N_p – количество поселений муниципального района, принявших участие в конкурсном отборе проектов развития общественной инфраструктуры, основанных на местных инициативах.

Минимальное значение данного показателя равно 0, максимальное значение равно 1.

Во-вторых, показатель вовлечения местного населения в процессы инициативного бюджетирования, который отражает степень охвата населения при решении вопросов местного значения и распределения части бюджетных средств, а также характеризует степень достижения цели, заявленной в Стратегии СЭР РБ до 2030 года как повышение доли населения, вовлеченного в реализацию проектов инициативного бюджетирования до 10 % к 2030 году. Расчет показателя предлагается производить по формуле (3).

$$IB_i = \frac{P_i}{P}, \quad (3)$$

где IB_i – показатель вовлечения населения муниципального района в процессы инициативного бюджетирования, P_i – численность населения муниципального района, вовлеченного в процессы инициативного бюджетирования в рамках участия в мероприятиях по предварительной идентификации проблем и итоговых собрания населения, P – численность населения муниципального района на 1 января текущего года.

Теоретически расчетное значение данного показателя находится в интервале от 0 до 1. Однако практически граничное нижнее значение возможно, если ни одно поселение муниципального района не приняло участие в конкурсном отборе, а граничное верхнее при вовлечении всего населения муниципального района в процессы инициативного бюджетирования. И то, и другое маловероятно в силу объективных причин, а вовлечение более 65 % жителей муниципального образования в процессы принятия бюджетных решений по принципам партисипаторности на данный момент можно определить как максимальный результат. Поэтому целесообразно установить условные границы для данного показателя в следующем интервале: $0 \leq IB_i \leq 0{,}7$.

В-третьих, показатель привлечения внебюджетных средств в реализацию проектов, инициированных населением, что отражает уровень доверия местного населения к деятельности органов местного самоуправления и региональных органов власти. Расчет данного показателя предлагается производить по формуле (4).

$$IB_{cf} = \frac{F}{C}, \quad (4)$$

где IB_{cf} – показатель привлечения внебюджетных средств в реализацию проектов развития общественной инфраструктуры, основанных на местных инициативах, F – общая сумма внебюджетных средств, привлеченных в реализацию проектов развития общественной инфраструктуры, основанных на местных инициативах, в муниципальном районе, C – общая стоимость проектов развития проектов развития общественной инфраструктуры, основанных на местных инициативах муниципального района, получивших софинансирование.

Аналогично предыдущему, математически расчетное значение показателя находится в промежутке от 0 до 1. Однако принципы инициативного бюджетирования в целом и основанные на них критерии конкурсного отбора проектов не дают возможности наличия граничных значений на практике. Так, основной целью конкурса является получение республиканского, то есть бюджетного софинансирования проектов, а минимальная доля внебюджетного вклада со стороны населения не может быть менее трех процентов от суммы запрашиваемой субсидии. По этой причине целесообразно установить условные границы для данного показателя в следующем интервале: $0 \leq IB_{cf} \leq 0{,}5$.

Стоит отметить, что введение условных критериальных границ показателей необходимо для аналитической интерпретации подрейтингов развития инициативного бюджетирования.

Сведение всех показателей рейтинга развития инициативного бюджетирования в муниципальных районах Республики Башкортостан производится по следующей формуле, поскольку все расчетные значения являются однородными и одномерными (5):

$$IB = \frac{\sum_{q=1}^{m} IB_q \times \beta_{IB_q}}{4}, \quad (5)$$

где IB – показатель развития инициативного бюджетирования в муниципальном районе, IB_q – расчетное значение q-го показателя развития инициативного бюджетирования, m – число показателей развития инициативного бюджетирования, β_{IBq} – вес q-го показателя.

Весовые коэффициенты распределяются по каждому показателю в соответствии с целями Стратегии социально-экономического развития РБ до 2030 года в области развития инициативного бюджетирования, целями практики инициативного бюджетирования и принципами сбалансированности и адекватности оценки (табл. 1).

Таблица 1

Распределение весовых коэффициентов

Показатель	Весовой коэффициент
Активность участия	0,25
Результативность участия	0,2
Вовлечение населения	0,3
Привлечение внебюджетных средств	0,25
Итого	1

Таким образом, на основе проведенного анализа предложена методика оценки социально-экономических эффектов использования механизмов инициативного бюджетирования в Республике Башкортостан, основанная на целевых приоритетах региона в области развития инициативного бюджетирования (ИБ) и смежных областей социально-экономического развития. Методика оценки, позволяющая сформировать рейтинг муниципальных районов региона по развитию ИБ, строится на основе ряда показателей, имеющих свои критериальные шкалы и ограничения. Апробация разработанной методики включает в себя расчет рейтинговых оценок для 54 муниципальных районов на основе первичной информации, полученной из информационной системы управления конкурсным отбором проектов развития общественной инфраструктуры, основанных на местных инициативах, а также данных Росстата за 2016 и 2017 годы.

В 2016 году впервые на всей территории Республики Башкортостан стартовал конкурсный отбор проектов развития общественной инфраструктуры, основанных на местных инициативах. В конкурсе приняли участие поселения всех 54 муниципальных районов республики, в результате чего на конкурс поступило 625 конкурсных заявок, 458 из которых победили.

Для построения рейтинга муниципальных районов по развитию инициативного бюджетирования в 2016 году будем использовать данные конкурсных заявок из информационной системы управления конкурсом [4] и данные Росстата о численности населения в муниципальных районах региона на 1 января 2016 года [5]. Расчеты произведены в программном пакете MC Excel.

Два подрейтинга – «Активность участия» и «Результативность участия» – показывают, что первое место разделяют 16 и 15 муниципальных районов соответственно. Таким образом, в первую десятку по активности участия входят 33 муниципальных района, а в первую десятку по подрейтингу «Результативность участия» – 28 районов.

По итогам 2016 года Миякинский и Стерлибашевский районы возглавляют подрейтинги «Вовлечение населения» и «Привлечение внебюджетных средств» соответственно.

Итоговый рейтинг муниципальных образований по результатам 2016 года представлен в таблице 2.

Таблица 2

Итоговый рейтинг муниципальных районов Республики Башкортостан по развитию инициативного бюджетирования за 2016 г.

Место	Муниципальный район	Итоговая оценка	Группировка
1	Давлекановский	0,14998	Сильные лидеры
2	Илишевский	0,14942	
3	Миякинский	0,14739	
4	Зилаирский	0,14410	
5	Аургазинский	0,14154	
6	Кигинский	0,13832	Средние
7	Нуримановский	0,13759	
8	Хайбуллинский	0,13518	
9	Уфимский	0,13515	
10	Салаватский	0,13492	
11	Чишминский	0,13384	
12	Краснокамский	0,13179	
13	Балтачевский	0,12880	
14	Чекмагушевский	0,12683	
15	Караидельский	0,12527	
16	Мечетлинский	0,12369	
17	Бураевский	0,12276	
18	Бирский	0,12081	
19	Калтасинский	0,11931	
20	Абзелиловский	0,11780	
21	Ишимбайский	0,11689	
22	Мелеузовский	0,11508	
23	Стерлибашевский	0,11493	

Продолжение таблицы 2

24	Дуванский	0,11109	Средние
25	Аскинский	0,11041	
26	Бурзянский	0,10942	
27	Архангельский	0,10929	
28	Белебеевский	0,10785	
29	Кармаскалинский	0,10145	Средне-слабые
30	Альшеевский	0,10064	
31	Дюртюлинский	0,09991	
32	Шаранский	0,09750	
33	Янаульский	0,09674	
34	Гафурийский	0,09663	
35	Стерлитамакский	0,09514	
36	Белокатайский	0,09438	
37	Учалинский	0,09220	
38	Зианчуринский	0,09195	
39	Ермекеевский	0,08960	
40	Бижбулякский	0,08689	
41	Федоровский	0,08677	
42	Бакалинский	0,08666	
43	Куюргазинский	0,08453	
44	Благовещенский	0,08375	
45	Буздякский	0,08218	
46	Иглинский	0,08041	
47	Белорецкий	0,07662	
48	Татышлинский	0,07307	
49	Туймазинский	0,06935	Слабые
50	Кугарчинский	0,06082	
51	Мишкинский	0,05920	
52	Кушнаренковский	0,05099	
53	Баймакский	0,03857	Аутсайдеры
54	Благоварский	0,00948	

По итогам 2016 года лидером по развитию инициативного бюджетирования в Республике Башкортостан стал Давлекановский район, второе и третье места заняли Илишевский и Миякинский муниципальные районы соответственно. В первую пятерку сильных лидеров также вошли Зилаирский и Аургазинский муниципальные районы.

Разделение муниципальных районов по группировкам произведено в соответствии с учетом максимально возможных прямых и условных границ расчетных показателей с шагом в 0,035 единицы, что позволило определить группы, представленные на рисунке 1.

Таким образом, структура распределения районов по группам по итогам реализации практики инициативного бюджетирования в виде конкурсного отбора проектов развития общественной инфраструктуры в 2016 году согласно рейтингу муниципальных районов Республики Башкортостан по развитию инициативного бюджетирования приведена на рисунке 1.

В 2017 году в конкурсном отборе приняли участие 676 поселений, проекты 386 из них вошли в число победителей [4]. Для расчета показателей рейтинга по развитию инициативного бюджетирования в 2017 году были использованы данные информационной системы управления конкурсом и данные Росстата по численности населения муниципальных районов Республики Башкортостан на 1 января 2017 года.

В подрейтингах «Активность участия» и «Результативность участия» первые места разделяют 17 и 6 муниципальных районов соответственно. В 2016 году количество лидеров в данных подрейтингах составляло 16 и 15 районов.

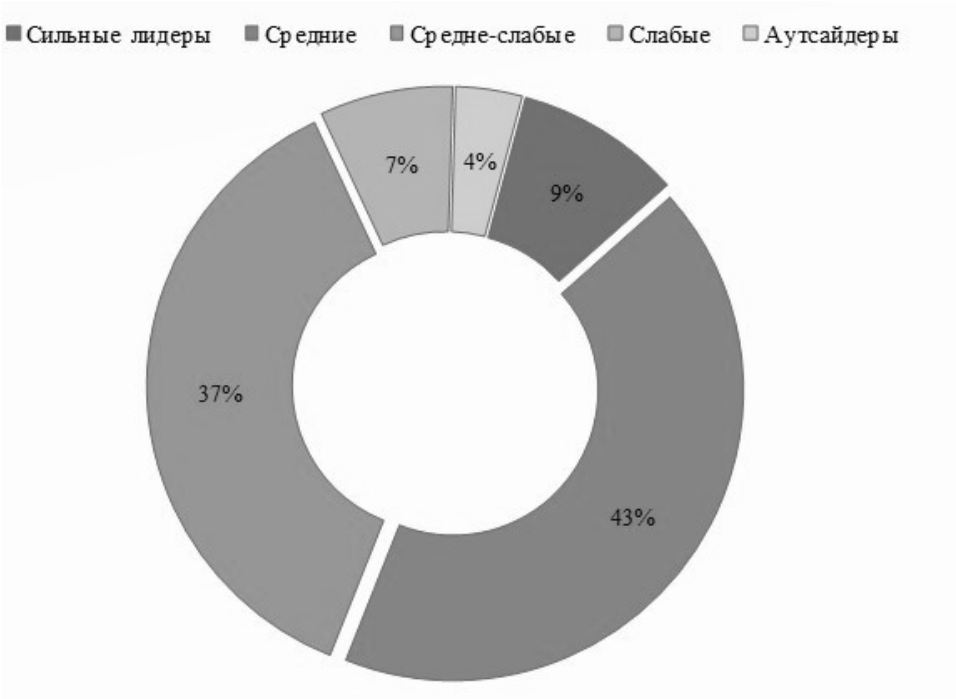


Рис. 1. Распределение муниципальных районов по группам (2016)

Изменения произошли в подрейтинге «Вовлечение населения»: первое место занял Нуримановский район, а лидер прошлого года Миякинский район опустился на 9 место. Кроме того, в первую десятку в 2017 году вошли Аургазинский, Бакалинский, Илишевский, Мишкинский, Зилаирский, Дюртюлинский, Татышлинский, Гафурийский районы, причем Миякинский, Зилаирский, Нуримановский, Илишевский и Аургазинский муниципальные районы входят в первую десятку второй год подряд. Первая десятка в подрейтинге «Привлечение внебюджетных средств» полностью изменилась, в нее вошли следующие районы: Стерлитамакский, Кушнаренковский, Белорецкий, Чекмагушевский, Федоровский, Учалинский, Краснокамский, Архангельский, Абзелиловский, Альшеевский.

Таким образом, рассчитанный на основе подрейтингов итоговый рейтинг муниципальных районов по развитию инициативного бюджетирования выглядит следующим образом (табл. 3).

По итогам 2017 года лидером по развитию инициативного бюджетирования, согласно рейтингу, стал Аургазинский район, в первую десятку вошли Бакалинский, Илишевский, Миякинский, Куюргазинский, Краснокамский, Давлекановский, Абзелиловский, Татышлинский и Мечетлинский районы, причем Аургазинский, Илишевский, Миякинский и Давлекановский районы входят в число сильных лидеров второй год.

Самый большой рост в 2017 году, согласно рейтингу, продемонстрировали Бакалинский район (рост на 40 позиций), Татышлинский район (рост на 39 позиций), Куюргазинский район (рост на 38 позиций). Салаватский, Кигинский, Хайбуллинский районы в рейтинге 2017 года потеряли 43, 32 и 31 позицию соответственно, показав самое большое падение.

Количество муниципальных районов, переместившихся в рейтинге вверх, составляет 24, вниз – 29. Туймазинский район, занимавший 49 место в рейтинге 2016 года, сохранил свою позицию. Разделение муниципальных районов по группировкам произведено в соответствии с учетом максимально возможных прямых и условных границ расчетных показателей с шагом в 0,035 единицы.

Структура распределения районов по группам по итогам реализации практики инициативного бюджетирования в виде конкурсного отбора проектов развития общественной инфраструктуры в 2017 году, согласно рейтингу муниципальных районов Республики Башкортостан по развитию инициативного бюджетирования, приведена на рисунке 2.

Таблица 3

Итоговый рейтинг муниципальных районов Республики Башкортостан по развитию инициативного бюджетирования за 2017 г.

Место	Муниципальный район	Итоговая оценка	Динамика	Группировка
1	Аургазинский	0,1599	↑4	Сильные
2	Бакалинский	0,1597	↑40	
3	Илишевский	0,1575	↓1	
4	Миякинский	0,1544	↓1	
5	Куюргазинский	0,1528	↑38	
6	Краснокамский	0,1512	↑6	
7	Давлекановский	0,1452	↓6	
8	Абзелиловский	0,1425	↑12	
9	Татышлинский	0,1407	↑39	
10	Мечетлинский	0,1405	↑10	
11	Зилаирский	0,1353	↓7	Средние
12	Нуримановский	0,1336	↓5	
13	Дюртюлинский	0,1302	↑18	
14	Федоровский	0,1274	↑27	
15	Учалинский	0,1249	↑22	
16	Калтасинский	0,1208	↑3	
17	Ишимбайский	0,1204	↑4	
18	Стерлитамакский	0,1202	↑17	
19	Уфимский	0,1194	↓10	
20	Чишминский	0,1191	↓9	
21	Баймакский	0,1188	↑32	
22	Кармаскалинский	0,1165	↑7	
23	Мишкинский	0,1128	↑28	
24	Белебеевский	0,1109	↑4	
25	Караидельский	0,1097	↓10	
26	Гафурийский	0,1094	↑8	
27	Аскинский	0,1091	↓2	
28	Мелеузовский	0,1062	↓6	
29	Чекмагушевский	0,1055	↓15	Средне-слабые
30	Дуванский	0,1049	↓6	
31	Бураевский	0,1046	↓14	
32	Стерлибашевский	0,1040	↓9	
33	Ермекеевский	0,1038	↑6	
34	Кугарчинский	0,1025	↑16	
35	Архангельский	0,1020	↓8	
36	Альшеевский	0,1013	↓6	
37	Балтачевский	0,1012	↓24	
38	Кигинский	0,0978	↓32	
39	Хайбуллинский	0,0944	↓31	
40	Бурзянский	0,0909	↓14	
41	Янаульский	0,0880	↓8	
42	Шаранский	0,0874	↓10	
43	Иглинский	0,0852	↑3	
44	Кушнаренковский	0,0817	↑8	
45	Белорецкий	0,0816	↑2	
46	Благоварский	0,0778	↑8	
47	Бирский	0,0732	↓29	
48	Бижбулякский	0,0720	↓8	
49	Туймазинский	0,0680		Слабые
50	Зианчуринский	0,0573	↓12	
51	Благовещенский	0,0443	↓7	
52	Белокатайский	0,0227	↓16	Аутсайдеры
53	Салаватский	0,0087	↓43	
54	Буздякский	0,0057	↓9	

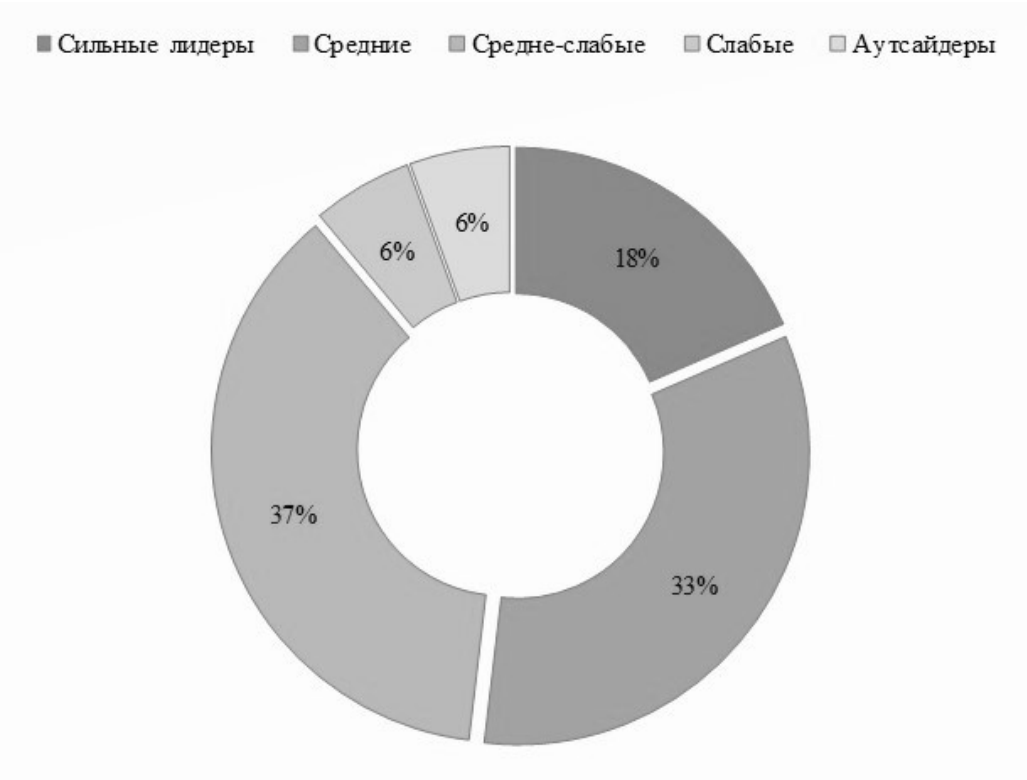


Рис. 2. Распределение муниципальных районов по группам (2017)

В 2017 году структуры выделенных групп претерпели существенные изменения не только в количественном выражении. Увеличение числа сильных лидеров и аутсайдеров, уменьшение количества районов, вошедших в группу средних, объясняется организационными изменениями, а также изменениями общей конкурентной ситуации. Рассмотрим подробнее характеристики первых трех групп муниципальных районов по степени развития инициативного бюджетирования в разрезе значений показателей по каждому подрейтингу (рис. 3).

Из рисунка 3 видно, что для группы сильных лидеров характерно достижение максимальных значений по показателям подрейтингов «Активность участия» и «Результативность участия». Средний показатель подрейтинга «Вовлечение населения» у сильных лидеров составляет 0,39, то есть районы, входящие в эту группу, привлекают в среднем не менее 39 % от численности населения муниципального района. По подрейтингу «Привлечение внебюджетных средств» сильные лидеры в среднем придерживается планки в 0,2, то есть более 20 % софинансирования проектов сильных лидеров обеспечивают население и спонсоры.

Лепестковая диаграмма группы средних районов по развитию инициативного бюджетирования по сравнению с диаграммой сильных лидеров менее равномерна, в частности, можно наблюдать резкие скачки по подрейтингам «Результативность участия» и «Вовлечение населения». Большинство районов в этой группе имеют максимальные оценки по подрейтингу «Активность участия», однако результативность участия в среднем по группе составляет около 60–70 %.

Для группы средних районов характерно вовлечение около 30 % населения в процессы инициативного бюджетирования, что эквивалентно в среднем 19 % софинансирования со стороны внебюджетных источников.

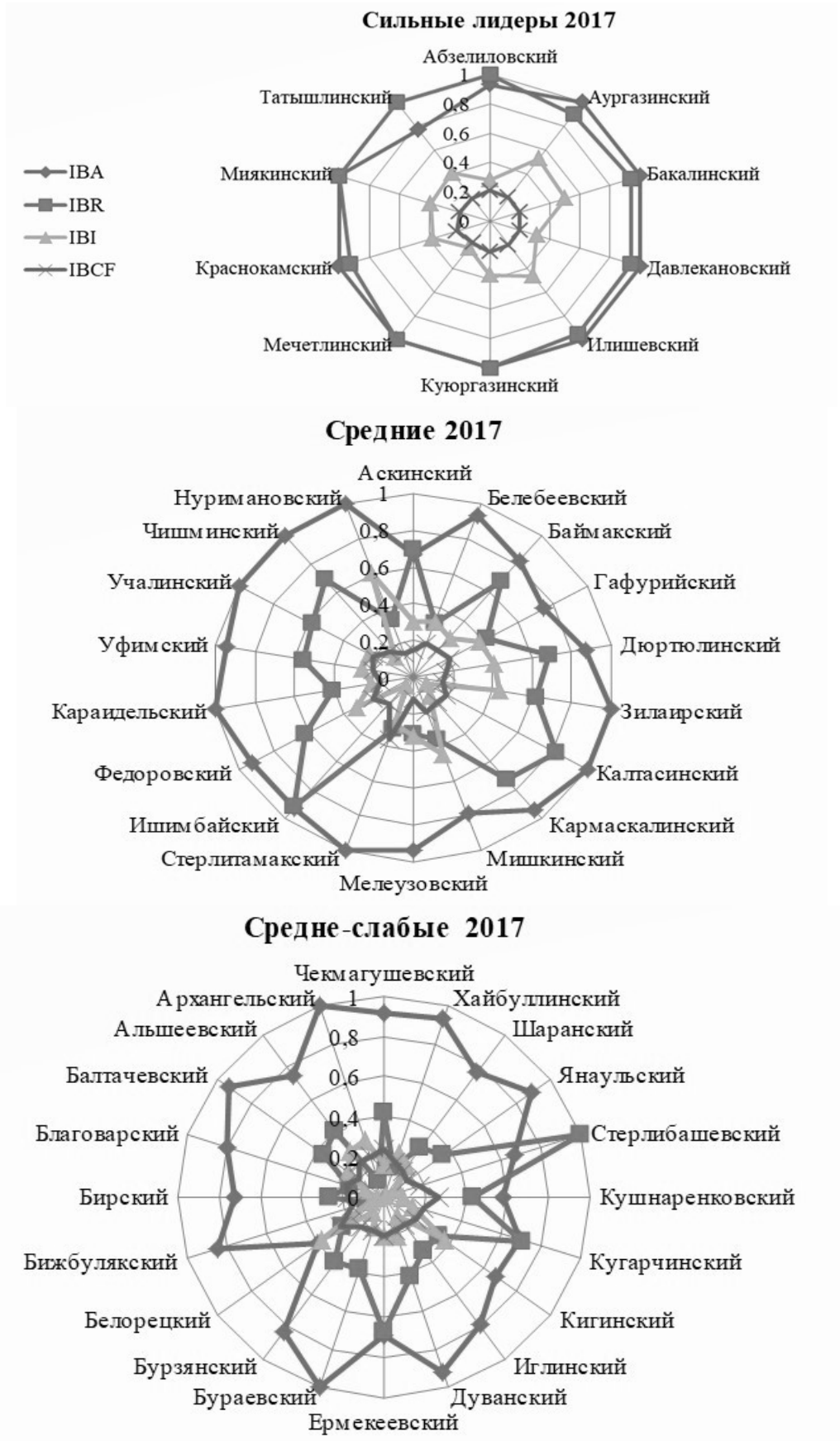


Рис. 3. Распределение групп муниципальных районов по подрейтингам за 2017 г.

Иная ситуация складывается в группе средне-слабых районов по развитию инициативного бюджетирования. Здесь распределение по показателям рейтинга еще более неравномерно и скачкообразно. Районы, входящие в данную группу, реже всего оказываются в лидерах по подрейтингам. В среднем около 80 % поселений районов данной группы принимают участие в процессах инициативного бюджетирования со средней результативностью в 38 %. В среднем средне-слабые по развитию инициативного бюджетирования районы привлекают к финансовому участию менее 20 % от численности своего населения, однако средний процент софинансирования, как правило, сравним с аналогичным показателем группы средних районов.

Что касается группы слабых районов, то можно отметить, что для них характерно участие менее 40 % поселений со средней результативностью 39 %, вовлечение около 3 % населения в данные процессы и обеспечение внебюджетного софинансирования в среднем до 18 % от суммы проектов.

Группа аутсайдеров, как правило, включает в себя районы, чьи заявки не смогли пройти конкурсный отбор, для них отличительными признаками являются участие в конкурсном отборе менее 20 % поселений и вовлечение в эти процессы около 2 % от численности населения района.

Если сравнивать распределение муниципальных районов по подрейтингам за 2016 и 2017 годы, то можно определить динамику изменений показателей. Так, в 2017 году по сравнению с 2016 годом равномернее стало распределение по подрейтингу «Активность участия», распределение по подрейтингу «Результативность участия» резко сжалось и демонстрирует высокую дисперсию показателей, что связано с усилением конкурентности в данной области. Кроме того, значительные изменения заметны в подрейтинге «Вовлечение населения», связанные с существенным повышением среднего показателя и ростом числа вовлеченного населения в процессы инициативного бюджетирования. Примечательно, что средние показатели по подрейтингу «Привлечение внебюджетных средств» по сравнению с 2016 годом претерпели несущественные изменения.

Таким образом, в результате апробации разработанной методики оценки социально-экономических эффектов использования механизмов инициативного бюджетирования были построены рейтинги муниципальных районов Республики Башкортостан по развитию инициативного бюджетирования за 2016 и 2017 годы, выделены группы районов по степени развития инициативного бюджетирования, а также выявлены характерные особенности каждой группы в разрезе значений показателей каждого подрейтинга.

Литература

1. Доклад о лучшей практике развития «Бюджета для граждан» в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях: официальный сайт Министерства финансов российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://goo.gl/CaLc4Y

2. Документы ППМИ: официальный сайт Программы поддержки местных инициатив Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: https://ppmi.bashkortostan.ru/Home

3. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 8 июня 2016 г. № 230 «О реализации на территории Республики Башкортостан проектов развития общественной инфраструктуры, основанных на местных инициативах» // СПС ГАРАНТ.

4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. М., 2015. 1266 с.

5. Розе Н.Ш. Анализ организации конкурса проектов инициативного бюджетирования в Республике Башкортостан в 2016 году // Дискуссия. № 10. С. 29–37.

6. Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года: монография / Д.В. Котов, Д.А. Гамилова, И.В. Буренина, Р.Р. Ахунов, А.В. Янгиров, Н.М. Лавренюк, Д.В. Попов, И.Ю. Карелин, В.А. Ковшов, О.Б. Утяшева, С.Х. Кадыров, А.М. Аблеева, Г.А. Хабиров. Уфа: АЭТЕРНА, 2016. 160 с.

7. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС ГАРАНТ.

Башкирская энциклопедия как свод объектов и субъект брендинга современного Башкортостана

Bashkir Encyclopedia as a Set Objects and Subject of Branding of Modern Bashkortostan

У. САИТОВ

Саитов Уильдан Гильманович, канд. филос. наук, директор государственного автономного учреждения науки РБ «Башкирская энциклопедия». E-mail: encyclopedia@bashenc.ru

В статье автор делится своими размышлениями об объектах брендинга, которые при определенных условиях могли бы стать брендами современного Башкортостана. Он утверждает, что сведения о возможных брендах региона можно получить в многотомной «Башкирской энциклопедии». По его мнению, бренды региона должны быть связаны с его территорией и коренным населением, создать его привлекательный образ для жителей, посетителей и инвесторов, помочь выжить в эпоху глобализации, укреплять социально-экономический потенциал республики, улучшить жизнь людей, сохранить свою уникальность и самобытную культуру.

***Ключевые слова**: бренд, брендинг, логотип, объект брендинга, субъект брендинга, энциклопедия.*

In the article the author shares his thoughts about the objects of branding, which under certain conditions could become brands of modern Bashkortostan. He claims that information about possible brands of the region can be obtained in the multi-volume «Bashkir encyclopedia». In his opinion, the brands of the region should be connected with its territory and indigenous population, create an attractive image for residents, visitors and investors, help to survive in the era of globalization, strengthen the socio-economic potential of the republic, improve people's lives, preserve their uniqueness and original culture.

***Key words**: brand, branding, logo, object of branding, subject of branding, encyclopedia.*

В последнее время в республике часто обсуждается вопрос о том, что может быть брендом Башкортостана. В начале 2018 года курай зарегистрирован Роспатентом в качестве территориального бренда республики, в конце апреля состоялась презентация туристического бренда Республики Башкортостан. Однако в обществе еще не сложилось единого мнения о системе брендирования республики. Хотелось бы поделиться своими размышлениями о возможных объектах брендинга современного Башкортостана, которые имеют потенциальные возможности стать настоящими брендами республики, ее территории, продукции и услуг, посредством которых сформировались бы яркие, запоминающиеся образы и, как следствие, устойчивые положительные впечатления о нашем регионе в мировом общественном сознании.

Энциклопедические издания Башкортостана, подготовленные коллективом государственного автономного учреждения науки Республики Башкортостан «Башкирская энциклопедия» в постсоветский период, играют большую роль в общественной жизни, выполняют ряд важных функций. Пожалуй, самое главное то, что они распространяют в мировом информационном пространстве всесторонние знания о прошлом и настоящем Башкортостана. Они содержат не весь объем знаний о своем объекте, а лишь основные сведения и, что очень важно, достоверную информацию, подготовленную учеными и специалистами, многократно проверенную научными рецензентами и редакторами в соответствии с последними достижениями науки и практики. Эти издания удобны для пользования, за небольшой промежуток времени из них можно получить краткую информацию, изложенную доступным языком, понятным для любого читателя, их материалы легко запоминаются, создают у читателя целостный образ нашего региона.

Благодаря наличию вышеперечисленных качеств мировые энциклопедии «Британника» (англо-американская), «Брокгауз» (немецкая), «Большая российская (советская) энциклопедия», «Ларусс» (французская) и «Эспаса» (испанская) стали не только субъектами брендинга, но и брендами выпускающих их стран. Можно предположить, что при соответствующем отношении

власти и общества Башкортостана многотомная «Башкирская энциклопедия» вполне может стать одним из брендов РБ [1]. Она имеет не только бумажную, но и электронную версию, размещенную в сети Интернет, благодаря которой доступна пользователям электронного ресурса, владеющим русским языком – одним из мировых языков. Ежедневно русскоязычную версию электронной «Башкирской энциклопедии» посещают около 1 тысячи пользователей Интернета. В перспективе планируется осуществить перевод текста электронной версии энциклопедии на английский и, возможно, на другие иностранные языки. В этом случае доступность «Башкирской энциклопедии» мировому сообществу увеличится многократно, соответственно и известность Республики Башкортостан в мире станет шире, что приведет к повышению ее узнаваемости и имиджа, формированию в мировом общественном сознании ее устойчивого привлекательного образа.

Допустим, что «Башкирская энциклопедия» не станет брендом региона, тем не менее, как субъект брендинга она вносит свою лепту в брендирование республики, так как является сводом объектов брендинга нашего региона, содержит в себе информацию об объектах, которые могли бы стать самостоятельными брендами современного Башкортостана.

Брендами многих стран и их национальных регионов становятся образы, связанные с его территорией и коренным населением. Например, Испания и испанцы, ее часть – Каталония и каталонцы, Великобритания и британцы, ее часть – Шотландия и шотландцы и т.д. В нашей стране утвердившийся в общественном сознании обобщенный образ «советский народ» не спас от развала Советский Союз, и современные попытки средств массовой информации по внедрению в сознание масс понятия «российский народ» еще неизвестно к чему приведут. Иностранцы всех жителей России называют русскими. Едва ли принесет пользу нашей республике ее идентификация «Башкортостан и его многонациональный народ», так как все национальные российские регионы многонациональны. Да и в мире теперь мононациональных стран становится все меньше и меньше, в большинстве случаев и мы, как и другие иностранцы, не видим национального разнообразия многих стран. В силу вышеуказанных причин, по нашему мнению, брендами национальных субъектов Российской Федерации могут быть устойчивые образы, связанные с его территорией и ее коренным народом. Ибо местонахождение территории на карте мира – это первый ориентир для каждого любознательного человека, а коренное население национального региона России является главной его отличительной чертой, и именно оно вызывает наибольший интерес у жителей других регионов и стран мира. И это логически объяснимо. У человека, впервые услышавшего о регионе, возникают вопросы: где он находится и почему так называется? Ведь не случайно без какой-либо подсказки, а по объективным причинам все национально-региональные энциклопедии России посвящены двум главным темам: объектам, связанным с территорией, и коренным народам региона.

Башкирские энциклопедии не являются исключением, они посвящены объектам и предметам, имевшим и имеющим место, событиям и явлениям, происходящим на территории исторического и современного Башкортостана, и связанным с именем его коренного народа – башкирами. Среди всех энциклопедий мира только в башкирских энциклопедиях дается наиболее полная характеристика территории республики и ее коренному населению, ни в каких других энциклопедиях невозможно найти такого объема справочной информации о Башкортостане и башкирском народе. Остальные темы башкирских энциклопедий являются производными от вышеназванных главных тем. Поэтому, по нашему мнению, главными брендами нашей республики должны стать названия территории и ее коренного народа.

Привлекательный образ региона для воспитания патриотических чувств у жителей, привлечения посетителей и инвесторов невозможно создать только его главными брендами, он формируется на основе нескольких, а позднее и многих брендов [2]. Для формирования настоящих брендов нужно отобрать объекты для брендинга территории. Для нашей республики такими объектами непременно должны быть ее государственные символы: герб, флаг и гимн; могли бы стать некоторые товары и продукты Башкортостана, например, уфимские авиационные двигатели и кумертауские вертолеты, башкирские юрты и украшения, мед, кумыс и конина; из природных достопримечательностей – Шульган-таш и Тратау; из здравниц – санаторий «Янгантау»; из

туристических маршрутов – сплав по р. Белой и святые места Башкортостана, объекты религиозно-культового и даже политического характера (дом-музей В.И. Ленина в Уфе и места, связанные с нахождением в Башкортостане Коминтерна, для приверженцев коммунистической идеологии); из башкирского литературного и музыкального наследия – эпос «Урал-батыр», духовой инструмент курай, протяжная песня «узун-кюй»; ведущие башкирские фольклорные коллективы и спортивные команды по различным видам спорта; имена таких выдающихся личностей Башкортостана, как С. Юлаев, С. Аксаков, М. Нестеров, М. Карим, Р. Нуреев, Ю. Шевчук, З. Рамазанова, И. Абдразаков и др.

Перечень объектов брендинга нашей республики, перечисленных выше, кому-то может показаться большим. Но мировой опыт показывает, чем больше брендов у страны или региона, тем больше и лучше люди знают о территории и ее образ привлекательнее. Примеры, приведенные нами выше, не говорят о том, что у названных территорий нет больше брендов, например, о брендах Японии можно было бы сколько угодно говорить и писать, перечисление названий только ее автомобильных фирм многое говорит о «стране восходящего солнца».

Одним из популярных средств в брендировании территории являются образные неофициальные названия регионов. Например, неплохо было бы использовать в качестве бренда неофициальное название республики, указывающее ее место на карте России. В настоящее время у нашей республики такого названия нет. Свердловскую область называют «Уралом», а г. Екатеринбург – «столицей Урала», Челябинскую область – «Южным Уралом». У нас бытует мнение, что челябинцы несправедливо присвоили себе термин «Южный Урал», который был бы подходящим для нашей республики. А между тем, имеется термин «Башкирский (Южный) Урал», получивший признание мирового научного сообщества, используемый в научных трудах, вошедший во все башкирские энциклопедии, но не применяемый на практике. Республика Башкортостан территориально расположена на части Южного Урала площадью около 36 тысяч квадратных километров, где сформировалась башкирская нация. Она и в настоящее время является единственным в мире местом компактного проживания башкир, и названа она по этнониму, обозначающему ее коренной народ. В связи с вышеизложенным имеются все основания называть нашу республику вторым именем «Башкирский Урал», опустив слово «южный», указанной в скобках в вышеназванном общепринятом научном термине, что указывало бы ее место на земном шаре.

В брендинге территорий в целях привлечения внимания мирового сообщества часто используются в качестве бренда красивые и образные, привлекательные слоганы. В советский период нашу республику частенько называли «Солнечная Башкирия», «Башкирия – вторая Швейцария!». В настоящее время употребляются только ее официальные названия «Республика Башкортостан» и «Башкортостан», и его неофициальная русская версия «Башкирия». Сегодня можно было бы, например, применять слоган «Башкирский Урал – жемчужина Евразии!», в котором содержится оценка региону и указывается, что он расположен на стыке Европы и Азии и является связующим звеном двух крупных частей самого большого материка.

В практике брендинга территорий слоганы применяются и в целях формирования патриотических чувств и сплочения населения региона. В советский период их было много, везде назойливо пестрели лозунги и плакаты, призывающие любить Родину, и большую, и малую, быть преданными идеям коммунизма и делу Коммунистической партии и т.д. В постсоветский период некоторое время население российских регионов в определенной степени воодушевлял слоган «Сильные регионы – сильная Россия!», который исчез из поля зрения в период борьбы центра с суверенизацией регионов. Общественности Башкортостана стоило бы подумать, какие слоганы целесообразно использовать на данном этапе общественного развития. Они могут со временем изменяться с учетом новых реалий общественного развития. В настоящее время, например, можно было бы в лозунгах и плакатах использовать слоганы «За процветающий и комфортный Башкортостан!», «Башкортостан – наш родной дом!», «Сделаем Башкортостан комфортным для жизни!», в том числе и с применением термина «Башкирия», и т.д.

В качестве брендирования территории наряду с государственными символами активно используются логотипы, различные эмблемы и знаки предприятий, товаров, продуктов и услуг.

На наш взгляд, является удачной практика маркировки товаров и продукции, производимых в республике, торговой маркой «Сделано в Башкортостане» и «Продукт Башкортостана», вызывают уважение предпринимаемые попытки брендирования туристических услуг республики. Насколько удачными оказались название туристического бренда «Terra Bashkiria» и его слогана «Душа Урала. Сердце Евразии», покажет время.

Брендирование территории, как и любое другое дело, начинается с малого. Вышеперечисленные объекты брендинга еще не стали брендами современного Башкортостана, для этого еще нужно очень много работать. Прежде всего, следовало бы выработать государственную стратегию брендирования республики [3]. Для этого необходимо окончательно определить объекты брендинга из различных отраслей. Затем нужно определиться с инструментами, то есть техническими способами и средствами брендинга. В брендировании территорий самую активную роль должны играть средства массовой информации, интернет-сайты и социальные сети, рекламные ролики и видеоклипы, лозунги и плакаты, кинофильмы, книги и энциклопедии и многое другое. Объекты брендинга территории и сформировавшиеся бренды должны постоянно находиться в поле зрения людей, создавая привлекательный образ региона, его условий, товаров и услуг, вызывающие положительные эмоции и обеспечивающие его узнаваемость.

Все это будет служить воспитанию патриотических чувств у жителей республики, привлечению в Башкортостан туристов и инвесторов, поможет выжить в эпоху глобализации, для которой характерно триумфальное шествие по миру глобальных корпораций и их брендов; укрепить социально-экономический потенциал региона, улучшить жизнь людей, сохранить собственный неповторимый образ и самобытную культуру.

Литература

1. Башкирская энциклопедия. В 7 тт. Т. 1–7 / гл. ред. М.А. Ильгамов. Уфа: Башк. энцикл., 2005–2011.

2. Кошелюк М. Бренд региона [Электронный ресурс]. URL: http//www.principr.ru/pub/branding.htm.

3. Файзуллаев А. Страна как бренд [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.uz/ru/2017/04/19/country – branding/

Анализ развития строительной отрасли в Республике Дагестан

Analysis of the Development of the Construction Industry in the Republic of Dagestan

З. МУРАДОВА, Ж. КАЗИЕВА, С. ЧЕРКАСОВА

Мурадова Зарема Рамазановна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и управления на предприятии Дагестанского государственного технического университета. E-mail: zaremamuradova @mail.ru
Казиева Жаклин Наримановна, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления на предприятии Дагестанского государственного технического университета
Черкасова Светлана Андреевна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и управления на предприятии Дагестанского государственного технического университета

В статье проанализировано развитие строительной отрасли в Республике Дагестан за 2015–2017 гг. Проведено исследование объемов строительства в натуральных и стоимостных показателях, доли строительства в региональном валовом продукте. Авторы статьи рассмотрели наиболее распространенные организационно-правовые формы предпринимательства в сфере строительства, а также распределение организаций по формам собственности. На основе проведенного анализа даны рекомендации по дальнейшему развитию строительной отрасли в рамках действующего законодательства.
***Ключевые слова**: строительство, Республика Дагестан, саморегулируемые организации, доля строительства, формы собственности, организационно-правовые формы.*

The article analyzes the development of the construction industry in the Republic of Dagestan for 2015–2017. The study of the volume of construction in natural and value indicators, the share of construction in the regional gross product is conducted. The authors of the article reviewed the most common organizational and legal forms of entrepreneurship in the construction industry, as well as the distribution of organizations by ownership forms. Based on the analysis, recommendations were given on the further development of the construction industry within the framework of current legislation.
***Key words**: construction, Republic of Dagestan, self-regulating organizations, share of construction, forms of ownership, organizational and legal forms.*

Строительство – это самостоятельная отрасль национальной экономики, предназначенная для ввода в действие новых, а также реконструкции, расширения, модернизации, технического перевооружения и капитального ремонта действующих объектов производственного и непроизводственного назначения [5].

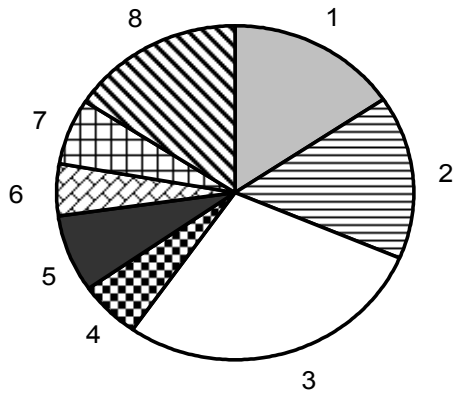
В 2015 году доля строительства в отраслевой структуре ВВП РФ составляла 5,32 %, 4277 трлн руб. Для Республики Дагестан аналогичный показатель, то есть доля строительства в валовом региональном продукте, значительно превышает российский и составил в 2015 году 19,1 %, в 2016 году – 15,8 (табл. 1).

Таблица 1

Доля строительства в валовом региональном продукте Республики Дагестан, %

Вид экономической деятельности	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Строительство	12,6	15,8	17,0	19,7	20,1	19,4	18,5	17,0	17,5	19,1	15,8

В 2016 году доля строительства в структуре валового регионального продукта составила 15,8 %, что представлено на рис. 1. По сравнению с 2015 годом доля строительства в структуре ВРП возросла на 0,67 %.



1 – Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство (15,5 %)
2 – Строительство (15,8 %)
3 – Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (28,5 %)
4 – Гостиницы и рестораны (5,5 %)
5 – Транспорт и связь (7,5 %)
6 – Образование (5,1 %)
7 – Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование (6,4 %)
8 – Прочие виды деятельности (15,7 %)

Структура валового регионального продукта по видам деятельности (в текущих основных ценах) [3]

В настоящее время Республика Дагестан занимает лидирующие позиции в стране по строительству жилья, и в 2017 году в жилой оборот было введено почти 1 млн 939 тыс. кв. м жилья, что на 7 % больше, чем в 2016 году, а объем выполненных строительных работ составил 148 млрд рублей, что соответственно на 4,2 % и 4,5 % больше уровня 2016 года.

Важным показателем, характеризующим состояние отрасли, является оборот организаций данной отрасли. Оборот организаций строительства в действующих ценах в Республике Дагестан в 2017 году представлен в таблице 2.

Таблица 2

Оборот организаций строительства в действующих ценах в Республике Дагестан

Вид экономической деятельности	Январь-декабрь 2017 г., млн рублей	Январь-декабрь 2017 г., в % к январю-декабрю 2016 г.	Декабрь 2017 г., млн рублей	В % к декабрю 2016 г.	В % к ноябрю 2017 г.
Строительство:	134626,3	110,9	30501,4	109,1	111,5
строительство зданий	128006,2	111,1	28287,1	106,5	104,6
строительство инженерных сооружений	6063,5	100,8	2214,1	158,9	в 7,4 р.
работы строительные специализированные	556,6	в 2,6 р.	0,2	2,3	4,6

Источник: [1].

Из таблицы 2 видно, что общий оборот организаций строительства в действующих ценах в Республике Дагестан составил за январь-декабрь 2017 г. 134626,3 млн рублей, что на 10,9 % выше, чем за аналогичный период 2016 года. Наибольший удельный вес из этого оборота составляет

строительство зданий – 128006,2 млн рублей (95 %), на строительство инженерных сооружений приходится 6063,5 млн рублей (4,5 %), а на работы строительные специализированные – 556,6 млн рублей (0,4 %).

В таблице 3 представлено распределение организаций строительства в Республике Дагестан по формам собственности на 1.08.2017 г.

Таблица 3

Распределение организаций по формам собственности на 1.08.2017 г.

Наименование вида экономической деятельности по ОКВЭД	Количество организаций, единиц	Из них российская собственность					
		государственная собственность		муниципальная собственность		частная собственность	
		единиц	в % к общему кол-ву организаций	единиц	в % к общему кол-ву организаций	единиц	в % к общему кол-ву организаций
Всего	33849	2364	7,0	5708	16,9	23167	68,4
Строительство	4462	88	2,0	95	2,1	4220	94,6

Источник: [1].

Из таблицы 3 видно, что количество организаций в сфере строительства составляет 4462, или 13,2 % от общего количества организаций в Республике Дагестан. Наибольшее количество организаций в строительной сфере являются частными – 94,6 %.

Наиболее распространенной организационно-правовой формой строительных кампаний в Республике Дагестан является общество с ограниченной ответственностью, которое создается и действует для получения материальной выгоды его учредителями. Акционерные общества были распространены в период приватизации. В настоящее время количество регистраций акционерных обществ снижается.

Работы в строительной отрасли выполняют только члены саморегулируемых организаций[1], если договор заключается с физическим или юридическим лицом, имеющим документ о разрешении использовать для этих целей государственные и муниципальные земельные владения; техническим заказчиком, застройщиком, предприятиями, отвечающими за использование, уход зданий и сооружений.

К ним относятся компании, имеющие на балансе дома, технические постройки, линии электропередач; региональные операторы – юридические лица, оказывающие услуги в области жилищно-коммунального хозяйства, отвечающие за проведение капитального ремонта.

Технический заказчик – новое определение, введенное законом № 372-ФЗ. Назначается застройщиком и является его представителем на основании доверенности, выполняя следующие функции:

– разработка заданий;
– заключение соглашений;
– заверение документации;
– контроль качества, сроков выполнения;
– оформление необходимых разрешений;
– выполнение иных функций согласно предоставленным полномочиям, определенных Градостроительным законодательством.

[1] Для осуществления профессиональной деятельности, оказывающей влияние на безопасность капитального строительства, в области подготовки проектной документации, осуществления строительства и изысканий с 1 января 2010 года необходимо получить свидетельство саморегулируемой организации о допуске к работам. Допуск саморегулируемой организации – это разрешение на проведение соответствующих работ.

Статус застройщика приобретает гражданин, индивидуальный предприниматель или предприятие, если является собственником участка или уполномочен организовывать строительство государственными органами [4].

Строительная организация, легально работающая на рынке, должна быть членом саморегулируемой организации и иметь допуски, выданные СРО на ведение определенного вида деятельности по выполнению строительных работ.

Информация о количестве саморегулируемых организаций в Республике Дагестан представлена в таблице 4.

Таблица 4

Саморегулируемые организации в Республике Дагестан

Вид деятельности	Название СРО	Количество членов	Размер компенсационного фонда, тыс. руб.	Общая стоимость вступления, тыс. руб.
Строительство	Ассоциация Саморегулируемая организация Межрегиональное отраслевое объединение работодателей «Гильдия строителей Северо-Кавказского федерального округа»	628	240383	135
	Саморегулируемая организация Союз «Строители Республики Дагестан»	446	202211	145
Проектирование	Некоммерческое партнерство Саморегулируемая организация «Северо-Кавказская ассоциация проектных организаций»	92	19825	73
Изыскания	–	–	–	–

Источник: [4].

Учитывая общее количество организаций в сфере строительства в Республике Дагестан – 4462 (на 1.08.2017 г.), можно сделать вывод, что количество членов саморегулируемых организаций – 1166, составляет 26 % от общего числа организаций. Это свидетельствует о том, что большая часть строительных организаций в Республике Дагестан нелегально работают на этом рынке, что приводит к проблеме налоговой отдачи от сферы строительства.

Несмотря на высокий удельный вес строительной отрасли в валовом региональном продукте Республики Дагестан, налоговая отдача от этой отрасли значительно отстает от среднероссийских показателей. Так, удельный вес уплаченных налогов в объеме выполненных работ составляет по Республике Дагестан 1,3 %, в то время как по Северо-Кавказскому федеральному округу этот показатель составляет 2,6 %, а по Российской Федерации – в среднем 10,9 %. Эти данные свидетельствуют о значительной доле теневого бизнеса в этой сфере.

Основные показатели, характеризующие сферу строительства в Республике Дагестан за период с 2005 по 2016 г., представлены в таблице 5.

Из таблицы 5 видно, что количество действующих строительных организаций в Республике Дагестан неуклонно повышается с 2005 года. В 2005 году их число составляло 1230, а в 2016 году – 4624, то есть за 11 лет увеличилось в 3,76 раз.

Соответственно этому увеличился объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство» (в фактически действующих ценах): с 14079,7 млн руб. в 2005 году до 133440,4 млн руб. в 2016 году, или в 9,4 раза.

Индекс физического объема работ, выполненных по виду деятельности «Строительство», в процентах к предыдущему году, за период 2005–2016 гг. каждый год составлял более 100 % и в 2016 году составил 104 %.

Таблица 5

Основные показатели сферы строительства в Республике Дагестан за 2005-2016 гг.

Показатели	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Число действующих строительных организаций	1230	1868	1840	1563	1619	1367	2228	4624
Объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство» (в фактически действовавших ценах), млн руб.	14079,7	60223,5	68358,3	75717,3	88405,3	105998,7	123921,0	133440,4
Индекс физического объема работ, выполненных по виду деятельности «Строительство», в % к предыдущему году	133,1	109,6	106,5	108,2	108,6	109,1	106,6	104,0
Ввод в действие жилых домов, тыс. м^2 общей площади, жилых помещений	628	1124	1212	1436	1536	1648	1810	1862
Удельный вес жилых домов, построенных населением за счет собственных и привлеченных средств, в общем вводе жилья, %	80,4	89,1	84,3	81,8	84,5	84,1	77,6	85,7

Источник: [1].

Более наглядным показателем, характеризующим конечный результат сферы строительства, является ввод в действие жилых домов, в тыс. м^2 общей площади жилых помещений. Этот показатель увеличился с 688 тыс. м^2 в 2005 году до 1862 тыс. м^2 в 2016 году, или в 2,7 раз.

Удельный вес жилых домов, построенных населением за счет собственных и привлеченных средств, в общем вводе жилья, составил в 2005 году 80,4 %, а в 2016 году – 87,7 %, или на 7,3 %.

Анализ развития строительной отрасли в Республике Дагестан позволил сформулировать рекомендации, которые будут способствовать созданию динамично развивающейся отрасли, соответствующей требованиям законодательства и вносящей достойный вклад в доходную часть бюджета Республики Дагестан:

– легализовать деятельность всех фактически действующих строительных организаций;

– усилить надзор за соблюдением строительными организациями законодательства в области градостроительства;

– способствовать привлечению инвесторов для развития инженерной и социальной инфраструктуры жилых застроек;

– запретить стихийные застройки в населенных пунктах;

– использовать в сфере жилищно-коммунального хозяйства механизм государственно-частного партнерства.

Литература

1. Статистика строительства [Электронный ресурс]. URL: http://dagstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/dagstat/ru/statistics/organizations/

2. Кому необходимо вступать в СРО с 1 июля 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://sro-ec.ru/stati/komu-neobhodimo-vstupat-v-sro-s-1-07-2017/

3. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14s/Main.htm

4. Реестр СРО в изысканиях [Электронный ресурс]. URL: www.reestr-sro.ru/sro-v-izyskaniyah/

5. Экономика отрасли (строительство): Уч. / В.В.Акимов - 2 изд. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2018. 300 с.

Компетентностный подход в подготовке современных руководителей: проблемы и перспективы

Competence-based Approach in the Training of Modern Leaders: Problems and Prospects

И. РЫСАЕВ

Рысаев Ильшат Шавалиевич, канд. филос. наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: rish.rum@inbox.ru

В статье рассматриваются проблемы реализации компетентностного подхода в подготовке современных руководителей. Проводится анализ понятий «компетенция» и «компетентность». Выявлены основные причины появления компетентностного подхода в теории и практике управления, этапы его развития, преимущества и недостатки. Определены основные проблемы, противоречия и перспективы внедрения компетентностного подхода в подготовке менеджеров в системе высшего образования в современной России.

***Ключевые слова**: компетентность, компетенция, управленческая парадигма, преимущества и недостатки компетентностного подхода.*

The article deals with the problems of implementing the competence-based approach in the training of modern leaders. The concepts of «competence» and «competency» are analyzed. The main reasons for the emergence of the competence-based approach in the theory and practice of management, the stages of its development, advantages and disadvantages are identified. The main problems, contradictions and prospects for the implementation of the competence-based approach in training managers in higher education in modern Russia are identified.

***Key words**: competency, competence, managerial paradigm, advantages and disadvantages of the competence-based approach.*

Вопрос о формировании и развитии управленческих компетенций является одним из важнейших не только с теоретической, но и с практической точек зрения. Ведь в конечном счете от компетентности руководителя любого уровня зависит качество управленческих решений и эффективность управления в целом. Ясное и четкое представление об управленческой компетентности является отправной точкой для определения содержания обучающих программ и основных методов подготовки современных руководителей во всех образовательных организациях. В управленческом портрете руководителя структура и перечень этих компетенций являются главными составляющими, определяющими основные требования к любому руководителю. Компетентностный подход, или ключевые компетенции, – это базовый элемент всех современных профессиональных стандартов, должностных регламентов, функциональных обязанностей и квалификационных требований к замещению должности руководителя.

Компетентностный подход как один из элементов новой парадигмы образования в настоящее время является лидирующим в теории и практике европейского высшего образования и нацелен на повышение качества, овладение практиконаправленными профессиональными способностями и эффективное трудоустройство.

Компетентность (от латинского слова *competens* – подходящий, способный, надлежащий) – это набор качеств, свойств личности, который дает ей возможности и способности к осуществлению той или иной деятельности. Иными словами, это степень подготовленности человека к выполнению трудовых операций, профессиональных обязанностей, да и любой формы социальной активности. Компетентность – это обладание определенными компетенциями, то есть знаниями, умениями, навыками и опытом, необходимыми для эффективного выполнения какой-либо деятельности.

Для нас очень важно ответить на вопрос не только о том, что влияет и что лежит в основе формирования ключевых требований к содержанию и структуре управленческой компетентности, но и как успешно ее формировать и развивать.

Многие исследователи пытаются найти определенные различия между понятиями «компетенция» и «компетентность» как между потенциалом человека, его готовностью к выполнению деятельности и реализацией этой потенциальной готовности. Мы считаем, что значительной разницы между этими понятиями не существует. Компетенция – это набор качеств, свойств, требований, а компетентность показывает, насколько и на каком уровне человек обладает этими качествами, демонстрирует степень их сформированности и способности человека их использовать на практике. Другими словами, если у человека есть необходимые для выполнения той или иной деятельности компетенции (знания, умения, навыки), то можно говорить о том, что он обладает и соответствующей компетентностью. Конечно, для эффективности работы только наличия этих компетенций еще недостаточно. Необходимы еще и мотивация, заинтересованность, ценности, убеждения и т.д. Если компетенции и компетентность больше связаны с такими структурными элементами личности, как «знаю» и «могу», то другие ее свойства влияют на потребностно-мотивационный блок «хочу». Между этими структурами не существует непреодолимых границ: от «знаю» и «могу» зависит «хочу» и наоборот.

В постулатах классического менеджмента в начале 60-х гг. XX в. Л. Питером был обоснован принцип о том, что в иерархической системе каждый специалист со временем достигает предела своей компетентности или уровня своей некомпетентности. Это означает, что каждый работник рано или поздно в своем карьерном росте окажется в должности, с которой он не сможет хорошо справиться и, соответственно, выполнять эффективно свои должностные обязанности.

Польский философ Станислав Лец вслед за Л. Питером отмечал, что в большинстве организаций сверхкомпетентность является большим злом, чем некомпетентность, так как человек переоценивает себя, свою компетентность и перестает учиться, развиваться. К большому сожалению, многие российские руководители высокого ранга, особенно в системе государственного управления, в отличие от их западных коллег, редко учатся, повышают свою квалификацию. Некоторые из них считают, что вместе с портфелем руководителя они автоматически приобрели все необходимые компетенции и им незачем дальше учиться. А некоторые попросту стесняются учиться, думая, что учиться – значит показывать свою некомпетентность и слабость как руководителя. А коучинг как система индивидуальных тренингов на рабочем месте пока мало используется в практике дополнительного профессионального образования руководителей высшего звена.

Основы компетентностного подхода в управлении и в бизнесе были заложены в начале 60-х гг. американским профессором психологии Дэвидом Макклелландом. Изначально ставилась задача приведения в соответствие требований работы и качеств человека, а также постоянного мониторинга этого соответствия или несоответствия на основе определенных критериев. Так, за 20–30 лет в США была создана база данных для многих моделей профессиональных компетенций и разработаны стандартные процедуры их оценки. Американские исследователи считают, что понятие «умения» более односторонне и узко отражает профессиональную деятельность человека преимущественно со стороны его физических и технических навыков, нежели понятие «компетентность», в котором большое внимание уделяется роли и значению личностных качеств, социально-психологических и поведенческих составляющих.

В 1979 году американская ассоциация менеджмента выделила 5 групп компетенций эффективных менеджеров (19 наиболее общих компетенций руководителя). В 1982 году американский психолог Ричард Бояцис в книге «Компетентный менеджер: модель эффективной деятельности» предложил интегративную модель менеджерских компетенций, связанных с эффективностью их работы. С 1989 года под руководством Л. и С. Спенсеров коллектив из более 100 ученых на протяжении 20 лет вел исследования в области развития компетентностного подхода и разработал 286 моделей компетенций для эффективной работы.

Постепенно компетентностный подход становился общепризнанным и в странах Западной Европы. Лидерами в теории и практике использования компетентностного подхода становятся

Франция, Германия и Австрия. Европейская ассоциация занятости разработала контрольные уровни независимой оценки профессиональной компетентности. В соответствующих докладах ЮНЕСКО по развитию системы европейского образования постоянно обращается внимание на необходимость широкого использования компетентностного подхода в системе подготовки и повышения квалификации кадров. В этом смысле и принятие Болонской декларации в 1999 году было связано с необходимостью создания единого Европейского пространства высшего образования с целью повышения его качества и конкурентоспособности. В Болонской декларации отмечалось, что компетентностный подход – это один из эффективных методов опережающей адаптации высшего образования к меняющимся потребностям экономики. В ноябре 2002 года на очередной конференции министров образования европейских стран в Копенгагене была принята Декларация по развитию дальнейшего сотрудничества в области профессионального образования и обучения, в которой еще раз была подчеркнута необходимость установления единых требований к уровню квалификации в профессиональном образовании и введения общей системы оценки качества и уровня сформированности соответствующих компетенций.

Национальная профессиональная квалификационная ассоциация Великобритании предложила распространить опыт компетентностного подхода и в системе отбора, подготовки и оценки государственных служащих. Все больше профессиональные стандарты, квалификационные требования к работникам и учебно-образовательные программы обращают внимание не столько на предмет работы, технические способности, сколько на личностно-поведенческие аспекты работы и социально-культурные компетенции. В результате в теории и практике управления сложилась целая система понятий, в числе которых: «общие компетенции», «личные компетенции», «переменные компетенции», «специфические компетенции», «уровни формирования компетенций», «компетенции, приобретаемые в ходе обучения», «компетенции, трудно поддающиеся развитию» и т.д.

Таким образом, на Западе произошел сдвиг в образовательной парадигме от предметно-дисциплинарной, знаниевой ориентации к компетентностной, где основное внимание уделяется формированию готовности человека к эффективной жизнедеятельности в целом и профессиональной деятельности в частности. Какие же преимущества имеет компетентностный подход? При реализации этого подхода достигаются: возможность формализации и стандартизации личностно-профессиональных качеств. На этой основе легче достигается измерение их уровня сформированности; гибкость в оценке и развитии персонала; соединение личностных и профессиональных качеств; совмещение профессионального образования и профессионального обучения; повышение мобильности трудовых ресурсов по вертикали (карьерное развитие) и по горизонтали (ротация между секторами); гармоничное соединение рынка образовательных услуг с потребностями рынка труда; усиление практикоориентированности в подготовке кадров.

Однако несмотря на общепризнанность и эффективность компетентностной парадигмы пока еще нет общепринятого подхода в теории и практике управления к типологизации и структурированию компетенций по основным видам профессиональной деятельности руководителей.

Особую сложность представляет определение ключевых компетенций руководителей с учетом особенностей сложившейся управленческой парадигмы и требований формирования ее будущей модели в той или иной стране, выполнения управленческих функций с точки зрения занимаемой должности в «пирамиде» управления, типа организационно-управленческой структуры, сферы профессиональной деятельности руководителя и стратегии социально-экономического развития страны. Например, при господстве классической (веберовской) управленческой парадигмы идет запрос на одни ключевые компетенции, а при реализации неоклассической парадигмы – на другие. Основные черты классической управленческой парадигмы связаны с такими свойствами управления и соответствующими личностно-психологическими, социальными и профессиональными качествами руководителя, как авторитарный манипулятивный стиль управления, децентрализация принятия решений, монополия руководителя на информацию, принудительная мотивация персонала, ориентир прежде всего на материальное стимулирование, почти полное игнорирование необходимости исследования и развития организационной культуры, оперативно-тактическое планирование от затрат и издержек, поддержка стабильности в организации,

а изменения рассматриваются как вынужденное явление, вынужденная лояльность сотрудников в их организационном поведении, процессно-ориентированное и функциональное управление с преобладанием контрольных функций менеджмента и др. Очевидно, что в условиях реализации такой управленческой парадигмы и система подготовки, переподготовки и повышения квалификации направлена в целом на формирование соответствующего типа руководителей с таким же набором управленческих компетенций.

В условиях реализации неоклассической (дебюрократизированной, децентрализованной и демократической) управленческой парадигмы появляется запрос на другой тип руководителей и перечень управленческих компетенций. К ним относятся: гибкость, инновационность, готовность и умение проводить постоянные изменения в организациях, глобальное и стратегическое мышление, лидерские качества, харизматичность, демократичность, умение управлять в условиях развития team-менеджмента, проектные способности, готовность к самообразованию, аутентичность руководителя, нацеленность менеджеров на достижение результата, умение формировать соответствующую организационную культуру, развитие самомотивации и самоконтроля персонала, поддержка открытости и прозрачности в организациях, формирование самообучающейся организации и др. При этом востребованность тех или иных качеств и компетенций руководителя, естественно, зависит и от уровня занимаемой им должности в управленческой «пирамиде» организаций. Если, например, для топ-менеджеров стратегическое мышление и лидерские качества, умение вести переговоры являются архиважными, то для среднего и младшего звена руководителей приоритетнее организаторские и исполнительские качества и умение принимать прежде всего оперативно-тактические решения.

Поэтому очень важно при разработке программ обучения руководителей и мероприятий по развитию их управленческой компетентности учитывать эти факторы, влияющие на особенности формирования, развития и реализации управленческих компетенций. Необходимо при этом менять не только содержание образования, но и формы и методы обучения, а также систему оценок и диагностических процедур.

В системе высшего образования несколько лет тому назад произошел переход к реализации государственных образовательных стандартов нового поколения 3+ с целью реализации компетентностного подхода. Если посмотреть ФГОС по направлениям подготовки «Менеджмент» и «Государственное и муниципальное управление» (бакалавриат и магистратура), то мы увидим, что, во-первых, все компетенции очень «размыты», неконкретны и трудно поддаются измерению и оценке, а во-вторых, не совсем ясно, на подготовку какого типа и уровня руководителей они ориентированы. Поэтому вузы и преподаватели «сочиняют» по уровню своего понимания и представления перечень учебных дисциплин в соответствующих учебных планах подготовки, «подгоняя» при этом указанные компетенции под эти предметы, а потом определяют перечень фондов оценочных заданий для оценки сформированности этих компетенций. В то же время в оценке компетенций преобладают традиционные зачеты и экзамены, направленные, прежде всего, на оценку объема и качества усвоенных знаний, а не умений и навыков. Квалификация многих преподавателей вузов, как и система оценки эффективности их работы, на сегодняшний день не соответствует целям и задачам реализации компетентностного подхода. Большинство привлеченных к учебному процессу работодателей слабо ориентируются в этих компетенциях и механизмах их формирования, а на государственных аттестациях при выпуске студентов практически не осуществляются обоснованные оценки их сформированности.

Таким образом, переход в системе высшего образования к реализации компетентностного подхода в российских условиях, к сожалению, осуществляется достаточно формально и неэффективно. До сих пор не разработаны профессиональные стандарты для многих сфер профессиональной деятельности, в том числе для менеджеров. На сегодняшний день утверждены всего около тысячи профессиональных стандартов из 7 тысяч профессий. Мы считаем, что только практикующие менеджеры должны получать управленческое образование. Необходимо отменить прием студентов в российские вузы по направлениям подготовки «Менеджмент» и «Государственное и муниципальное управление» после школьной скамьи.

Таким образом, высшее профессиональное образование в России все еще остается оторванным от реальных социально-экономических потребностей развития общества. Соответствие качества и содержания образования запросам потребителей, компетентностный подход в обучении, сбалансированность рынка труда и рынка образовательных услуг, трудоустройство выпускников по специальности до сих пор не являются основными критериями оценки эффективности высшего образования [3]. Все пока сводится к попыткам скрыть старые проблемы под новой «одеждой».

Итак, обобщая все вышесказанное, можно сформулировать следующие выводы.

1. Компетентностный подход в высшем образовании появился как запрос вузам со стороны рынка труда с целью повышения социальной и экономической эффективности профессионального образования. Сегодня во многих странах экономические изменения происходят быстрее, чем развитие системы подготовки кадров высшей квалификации. Поэтому возникла экономическая необходимость в развитых странах Запада готовить специалистов быстрее, эффективнее и практикоориетированно, чтобы не тратить лишние средства на их переучивание на производстве.

2. Теоретически компетентностный подход больше связан с позитивизмом, прагматизмом и тестологией, чем с традициями фундаментального, классического, академического, университетского образования. Российская система образования всегда была объектноцентрична, то есть ориентирована на изучение и познание объектов и явлений. На Западе и, прежде всего, в США образование на первый план выдвигает действия, операциональность с объектом. Отсюда его практикоориентированность и прагматизм. В этом и заключается методологическая разница в системах образования.

3. Аксиомой является то, что компетентность не формируется «впрок», а только в результате соответствующей профессиональной деятельности. Профессиональная компетентность интегрирована органически в профессиональную деятельность. Поэтому в школах реализация компетентностного подхода как основного не только невозможна и бессмысленна, но и вредна, так как нет профессиональной деятельности как таковой. В вузах также отсутствует профессиональная деятельность, а производственные практики студентов в этом смысле мало что дают, так как они организованы формально, неэффективно, и нет особой заинтересованности работодателей в них. Если российское высшее образование ставит основной целью формирование профессиональной компетентности, то необходимо изменить всю систему высшего образования. Необходимо при этом определиться со всеми важнейшими элементами цепочки подготовки кадров: основные виды профессиональной деятельности – квалификационные характеристики – профессиональные стандарты – компетенции – образовательные стандарты – образовательный процесс. На сегодняшний день образовательный процесс, формы и методы обучения, планирование учебной нагрузки преподавателей, система оценивания студентов остались прежними, предметными. Только на основе изучения тех или иных учебных дисциплин в аудиториях сформировать профессиональные компетенции практически невозможно. Как видно из образовательных стандартов, виды профессиональной деятельности и, соответственно, перечень компетенций определяет вуз совместно с обучающимися, научно-педагогическими работниками и объединениями работодателей. Обучающиеся еще не знают, какими конкретными видами профессиональной деятельности им придется в будущем заниматься. Профориентационная работа в школах и вузах практически отсутствует. С другой стороны, мир профессий и содержание профессиональной деятельности сегодня меняются с такой скоростью, что «рецептурная» модель подготовки специалистов становится неэффективной. Кстати, от нее сегодня отходят все передовые западные центры подготовки менеджеров, в том числе Гарвардская школа бизнеса [1; 2]. Сегодня необходимо готовить специалистов, способных к саморазвитию, самообразованию и творчеству. Ставку надо делать не только и не столько на подготовку к профессиональной деятельности, сколько на формирование и развитие нового типа личности с соответствующими социально-культурными компетенциями (качествами), способной работать в условиях современной и будущей глобальной социально-экономической среды. «Рецептурная» подготовка специалистов, даже если она и основана на использовании самых современных кейсов, – это всегда запаздывание с ответами на современные вызовы цивилизации.

Таким образом, настало время серьезно задуматься о том, насколько качественно и эффективно осуществляется подготовка управленческих кадров в современной России и как совершенствовать систему образования с учетом преимуществ и недостатков компетентностного подхода. Компетентностный подход как основа стандартного обучения может быть только базой, первым этапом «покорения» управленческого ремесла и искусства. Формирование современных инновационно мыслящих менеджеров, способных осуществлять непрерывные изменения в организациях, возможно только на основе высокоинновационных и исследовательских программ обучения.

Литература

1. Минцберг Г. Требуются управленцы, а не выпускники MBA. Жесткий взгляд на мягкую практику управления и систему подготовки менеджеров. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2010. 544 с.

2. Питер Л. Новый взгляд на управленческое образование: задачи руководителей. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2004. 400 с.

3. Рысаев И. Болонский процесс: первые итоги, противоречия и перспективы // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2014. № 1. С. 16–23.

Развитие информационного общества и открытое государственное управление: российский и зарубежный опыт

Development of the Information Society and Open Public Administration: Russian and Foreign Experience

Г. КАМАЛОВА

Камалова Гульдар Рашитовна, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии, социологии и философии Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: guldar@mail.ru

В статье рассматривается развитие информационного общества и функционирование открытого государственного управления в зарубежных странах мира; проводится сравнительный анализ развития ситуации в области публикации открытых данных в различных странах мира.

***Ключевые слова**: информационное общество, открытое государственное управление, открытые государственные данные, открытое правительство.*

The article deals with the development of the information society and the functioning of open government in foreign countries; a comparative analysis of the development of the situation in the field of publication of open data in different countries of the world is conducted.

***Key words**: information society, open public administration, open government data, open government.*

Система «Открытое правительство» в Российской Федерации официально начала функционировать в 2012 году. За последние годы произошли значительные изменения. Был проанализирован опыт зарубежных стран мира и рассмотрена возможность реализации альтернативной системы открытого правительства, в функционирование которой включено гражданское общество, построены коммуникационные модели с непосредственными реципиентами информации и услуг.

Открытое государственное управление рассматривается нами как новая парадигма формирования информационного общества в Российской Федерации. Открытость государственных органов позволяет построить полноценную коммуникацию государства с обществом. Коллективные усилия по формированию новой системы взаимодействия субъекта и объекта управления позволяют успешно реализовывать намеченные цели по реновации государственного управления.

Мировой банк начиная с 1996 года, базируясь на различных данных международных организаций, некоммерческих организаций, компаний частного сектора, консалтинговых агентств, экспертных опросов, сформировал рейтинг открытости государственных органов различных стран мира – «Мировые индикаторы государственного управления» («Worldwide Governance Indicators») [2; 8]. Этот набор данных позволяет получить информацию о качестве управления и включает в себя шесть аспектов: «голос и подотчетность», «политическая стабильность и отсутствие насилия и терроризма», «эффективность работы правительства», «качество регулирования», «соблюдение законности», «борьба с коррупцией». В исследуемое поле были включены более 200 стран мира. Критерий «голос и подотчетность» отражает восприятие того, в какой степени граждане конкретной страны могут участвовать в выборе своего правительства, а также свободу выражения мнений и свободу СМИ. В позиции «политическая стабильность и отсутствие насилия и терроризма» выявляется восприятие информантами вероятной политической нестабильности в конкретной стране мира, начиная от протестных акций и беспорядков вплоть до назревания военных действий, гражданской войны, а также возможные риски, связанные с террористической угрозой от любых негосударственных вооруженных групп или отдельного лица, которые могут причинить физическое насилие и ущерб имущества. «Эффективность правительства» отражает представления о качестве государственных услуг, качестве работы государственных служащих, степень их независимости от политического давления, качество разработки и осуществления политики доверия к правительству, приверженность такой политике. В данных представлены отдельные переменные из каждого источника данных, используемые для построения этой меры во всем мире. Критерий «качество регулирования» отражает восприятие информантами способности правительства формулировать и осуществлять рациональную политику и правила, которые разрешают и поощряют развитие частного сектора. Позиция «соблюдение законности» отражает представление о том, в какой степени соблюдается закон и порядок, в том числе имущественные права, оперативность и справедливость судебного процесса, защита прав интеллектуальной собственности, доверие к полиции и к судебной системе. Позиция «борьба с коррупцией» отражает представления о том, в какой степени государственные чиновники используют власть для личной выгоды, включая низовую и вершинную формы коррупции, а также «захват» государства элитами и частными интересами. Самые низкие показатели в позиции «эффективность работы правительства» были зафиксированы у следующих стран: Ливия, Чад, Судан, Конго, Центральноафриканская Республика, Йемен, Ирак, Сирия, Венесуэла, Корейская Народно-Демократическая Республика (0–10 %). Наилучшие показатели эффективности работы правительств выявлены у следующих стран мира: Австралия, Канада, Великобритания, США, Швеция, Норвегия, Финляндия, Новая Зеландия, Исландия (90–100 %) [9]. Высокая степень законности выявлена в таких странах, как Норвегия (100 %), Швеция (100 %), Швейцария (99 %), Новая Зеландия (98 %), Дания (98 %), Канада (97 %), Нидерланды (97 %), Сингапур (96 %) и др.

Индекс верховенства права оценивает, в какой степени различные страны мира придерживаются принципа права и законности на практике. Выявляются данные через анализ восьми факторов: ограничения полномочий правительства, отсутствие коррупции, открытое правительство, основные права, порядок и безопасность, нормативное обеспечение, гражданское правосудие и уголовное правосудие. Так, в 2017–2018 гг. первое место из 113 стран мира, вошедших в исследовательское поле, занимает Дания. По такому фактору, как «отсутствие коррупции», Дания также занимает 1 место в глобальном рейтинге. На втором месте в глобальном рейтинге исходя из совокупных показателей находится Норвегия, на третьем – Финляндия, на четвертом – Швеция, на пятом – Нидерланды, на шестом – Германия, на последнем месте – Венесуэла [1].

Как отмечают эксперты, наиболее важными показателями с позиций новой парадигмы открытого государственного управления являются: прозрачность деятельности органов государственной власти и ее служащих, открытость информации о бюджете, прозрачность реализуемой государственной политики, борьба с коррупцией через подотчетность, открытость и прозрачность государственного управления, выявление показателя доверия органам исполнительной, законодательной, судебной ветвей власти.

В сентябре 2018 года международная некоммерческая организация World Wide Web Foundation опубликовала рейтинг реализации государственной политики различных стран мира по публикации открытых данных для широкой общественности [7]. По данным рейтинга, Великобритания, занимавшая ранее первое место, уступила Канаде. Как показало исследование, в число стран-лидеров с наиболее развитой системой открытости государственного управления вошли также Австралия, Франция, Южная Корея, Мексика, Япония и Новая Зеландия. Российская Федерация заняла 13 место. В рейтинге оцениваются страны, успешно реализующие задачу публикации открытых данных и эффективно работающие в этой области. Исследователи учитывают размещение открытых данных по государственным бюджетам, государственным закупкам, регистрационным данным компаний и другим показателям. Ряд стран за последние пять лет сделали значительный рывок в области публикации отрытых данных, набрав более высокие баллы и поднявшись более чем по 20 пунктам (Южная Корея, Колумбия, Япония, Уругвай), а Мексика поднялась более чем по 33 пунктам. Открытые данные обеспечивают большую прозрачность, подотчетность и включенность общественности в процесс контроля. Так, в Уругвае, например, публикация открытых данных помогла журналистам раскрыть правонарушения в финансировании политических партий. А участие граждан в бюджетировании в Южной Корее позволило общественности внимательно следить за государственными расходами, а в Японии граждане теперь могут контролировать правительство по инвестиционным проектам. В Германии общественность может участвовать в вопросах городского планирования и принятия решений по данному вопросу. Публикация открытых данных также позволила, включая широкую общественность, проводить работу по борьбе с загрязнением климата в Китае, устранению последствий изменения климата в Канаде, управлять рисками стихийных бедствий в Филиппинах. Положительный эффект от публикации отрытых данных ощутили уже многие страны. Как отмечают эксперты, открытые данные оказывают влияние на экономический рост в США, в Великобритании повышают возможности бизнес-структур эффективно реализовывать проекты в различных секторах экономики. Около сотни компаний, публикующих открытые данные, процветают в Австралии, Мексике, США, Италии, Южной Кореи, Канаде и по всему миру, создавая новые рыночные возможности и бизнес-модели.

В России успешно запущены порталы открытых данных на различных уровнях. Так, в январе 2013 года в Российской Федерации был запущен портал открытых данных Правительства Москвы [3]. На сегодняшний день на портале опубликовано более 970 тематических наборов данных, в которых раскрыта информация более чем о 1 900 000 объектах городской инфраструктуры. На портале представлены данные по объектам образования, спорта, здравоохранения, культурных и досуговых местах и др. База данных постоянно пополняется, и в первом квартале 2017 года было опубликовано более 830 наборов данных, или на 16 % больше, чем на портале Лондона [4], и на 33 % больше, чем на портале Берлина [5], по состоянию на аналогичный период. В сентябре 2017 года в честь 870-летия города Москвы было раскрыто 12 новых датасетов, общее количество которых составило 870 в честь юбилея столицы. Сравнительный анализ показывает, что количество раскрываемых новых данных пополняется не только на количественном, но и на качественном уровне.

Проектный центр «Инфометр» провел анализ официальных сайтов городов в рамках программы «Умные города России» в целях изучения степени готовности российских городов стать «умными» с точки зрения взаимодействия с гражданами. За основу были взяты международные принципы «Умных городов», составлены критерии, разработан собственный инструментарий [6]. Таким образом, как показал анализ сайтов «Умных городов» России-2018, на первое место вышел официальный сайт Нижнего Тагила (http://www.ntagil.org), который наиболее полно представил информацию о городском хозяйстве, экономике и муниципальных услугах. Сайт города Сочи (https://www.sochi.ru) занял второе место и оказался самым информативным инвестиционным сайтом в рейтинге «Инфометра». Таким образом, открытость муниципалитетов и публикация открытых данных на этом уровне позволило получить необходимую и востребованную информацию для населения. Однако, как показывают мониторинги, не на всех муниципальных,

региональных и федеральных уровнях Российской Федерации публикуются открытые данные в полном объеме.

Таким образом, открытое государственное управление как новая парадигма формирования информационного общества развивается в различных странах мира по-разному, сохраняя свои особенности и демонстрируя проблемные сегменты единой информационной среды, которые планируется решать в ближайшие годы.

Литература

1. Индекс верховенства права WJP [Электронный ресурс]. URL: http://data.world justiceproject.org

2. Камалова Г.Р. Государственная политика в области открытых данных: анализ практик // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2017. № 3. С. 48–51.

3. Портал открытых данных правительства Москвы [Электронный ресурс]. URL: data.mos.ru

4. Портал открытых данных Лондона [Электронный ресурс]. URL: data.london.gov.uk

5. Портал открытых данных Берлина [Электронный ресурс]. URL: daten.berlin.de

6. Проектный центр «Инфометр» [Электронный ресурс]. URL: http://read.infometer.org/ opencity/rating

7. Open data barometer. Leaders edition. September 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://opendatabarometer.org/doc/leadersEdition/ODB-leadersEdition-Report.pdf

8. Worldwide Governance Indicators [Электронный ресурс]. URL: http://info.worldbank. org/governance/wgi/index.aspx#home

9. Worldwide Governance Indicators [Электронный ресурс]. URL: http://info.worldbank. org/governance/wgi/index.aspx#reports.

О взаимосвязи организации и управления в условиях развития сетевого информационного общества

About Interrelation of the Organization and Social Management in the Terms of Network Information Society Development

А. КУЛИНЧЕНКО

Кулинченко Александр Викторович, канд. филос. наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: ku107@rambler.ru

В работе анализируются научные подходы к проблеме взаимосвязи организации и управления, а также воздействие, которое оказывает на нее развивающееся сетевое информационное общество. Исследуются возможные последствия широкомасштабного использования цифровых технологий. Обосновывается положение о новых формах реализации взаимосвязи организации и управления в информационном обществе, которые способствуют более полному воплощению сущности социального управления.

***Ключевые слова**: организация и управление, информационное общество, цифровая экономика, организация общества сетесозидающей властью, социальное управление, социальное управление в информационном обществе.*

Scientific approaches to the problem of organization and management interrelation are being analyzed in the article, as well as the impact of the developing network information society on it. Probable consequences of widespread use of digital technologies are being investigated. The provision about new forms of realization of organization and management interrelation within information society is being justified. The above-mentioned forms contribute to implementation of social management essence.

***Key words**: organization and management, information society, digital economy, social organization by network-making power, social management, social management in information society.*

Глубокие общественно-экономические трансформации, которые переживают в XXI веке наиболее развитые страны мира, связаны с качественно новым уровнем использования информационных технологий, робототехники, развитием цифровой экономики, формированием нового экономического уклада.

Проблема имеет комплексный характер и включает экономические, социальные, политические, культурные аспекты. Но средоточием является, говоря словами К. Маркса, превращение науки непосредственно в производительную силу общества. Человек выходит из процесса материального производства, становится над ним и рядом с ним. Он избавляется от тяжелых, рутинных операций, освобождая время для творчества, производства нововведений, изобретений. Но экономика инноваций предполагает соответствующее развитие самого человека и общественных форм его жизнедеятельности. Востребованы креативные работники, труд которых требует высокого и качественного образования, развития способностей и навыков успешной деятельности в новой информационно-коммуникационной среде, способные производить продукт в его цифровой форме. Творческий труд включает в качестве неотъемлемого компонента свободную игру творческих сил человека и все более индивидуализируется. В таких условиях трансформируются и способы управления коллективной деятельностью. Малые творческие коллективы и крупные корпорации стремятся внедрять гибкие формы управления, избавленные от пороков бюрократизации, чувствительные к инновациям, способные направлять к общей цели многообразные проявления творческой активности людей. Следовательно, управленческая деятельность, управленческий труд сами начинают в большей мере проявлять те качества, которые заложены в них изначально – не просто продуцирование команд, выполнение которых обеспечено властью, а творческую деятельность особого рода – разработку инновационных методов объединения творческой деятельности многих людей и коллективов для достижения единой цели, решения конкретной задачи, обеспечивающих и направляющих развитие.

Управление и организация: проблема взаимосвязи. Выработка отвечающих требованиям времени новых форм управления сама по себе представляет непростую задачу. Но, как часто бывает, увлечение новизной способно возродить, казалось бы, отжившие иллюзии и подходы. Представляется, что и в данном случае творческий характер управления развитием может быть истолкован как новый вариант «всесильного управления», «научного управления», ведущего общество к всеобщему счастью. Как известно, концепции «научного управления обществом», «возрастания роли субъективного фактора» доминировали в нашей стране в период построения коммунистического общества. Цель не была достигнута. Не хотелось бы, чтобы неточности и ошибки прошлого помешали современной России войти в ряд развитых стран с передовой экономикой.

Поэтому целесообразно рассмотреть вопрос о границах творческой управленческой деятельности, за пределами которых она изменяет своему предназначению. Более конкретно он может быть сформулирован следующим образом: способно ли сознательное управленческое воздействие преодолевать все преграды на пути достижения цели, создавая соответствующую организацию деятельности людей, или, напротив, само управление есть лишь форма проявления объективно существующей организации и должно находить направления и способы предпочтительного развития с учетом имеющихся объективных условий и ограничений?

Основания для обращения к этому вопросу имеются. В частности, в работе «Теория организации» автор отмечает: «управление всегда выступает по отношению к организации первичным и определяющим» [11, *78*].

В XXI веке воспроизводится тезис, который был популярен во времена господства марксистско-ленинской идеологии и руководящей роли коммунистической партии, выражавший идею о непобедимости «сознательности и организованности». Однако даже в те далекие времена существовала и иная точка зрения на эту проблему. Г.Х. Попов писал: «Организация – более общая категория, чем управление. Управление входит как важная, но все же только составная часть в организацию» [9, *191*].

И это была не какая-то экзотическая точка зрения верного своему научному долгу исследователя. Еще в 60-х годах XX века работал специальный семинар, посвященный разработке методологических проблем теории организации. Участники семинара пришли к выводу, что управление представляет собой важнейший, но все же только один аспект организации систем среди других ее сторон – структурной, энергетической, информационной [8, *5*].

Управление рассматривали как инструмент сохранения организации, совершенствование которого находится в прямой зависимости от поступательного развития организации в целом. Организация есть одно из фундаментальных свойств материи. Поэтому В.П. Боголепов выступал категорически против признания приоритета управления, основанного на том, что оно якобы создает определенную организацию для достижения цели управления. Даже в процессе социального управления цели людей не выдвигаются управлением непосредственно, а определяются в соответствии с потребностями их внутренней организации. Согласно данному подходу, «управляет не сам по себе аппарат управления, а через этот аппарат, посредством этого аппарата как инструмента сам организм, сама его организация» [1, *19–29*].

Организация понимается и трактуется по-разному. Но ключевым в данном случае является понимание организации как строения, расположения, соотношения частей развивающегося целого, их взаимосвязи: организация как структура в действии, в изменении. Речь идет об организации сложной динамичной системы – как естественно-природной, так и общественной. Соединены воедино структурный (взаимосвязь элементов целого) и функциональный (их действия и взаимодействия) аспекты организации. Организация выступает как органическая целостная система. Она обладает такой целостностью, при которой каждый ее элемент есть причина и одновременно следствие состояния другого элемента. Абсолютно самостоятельное существование элементов невозможно. Организация отражает момент единства элементов, которые действуют целесообразно как ее органы, обладающие определенной функцией относительно всей организации. По определению М.И. Сетрова, организацией является совокупность явлений, свойства которых проявляются как функции сохранения и развития этой совокупности [10, *37*]. Функциональность – наиболее существенная сторона организации, которая наполняет содержанием и объединяет ее другие стороны и аспекты: структурный, динамический, информационный, регуляционный.

Управление здесь выступает как форма регуляции, связанная с преобразованием системы, ее совершенствованием и развитием, при условии сохранения устойчивости самой системы. Иными словами, управление есть одна из функций организации, которые выражает регуляционный аспект организации систем (процесс изменения взаимосвязи между элементами).

Представляется, что это можно принять за общий вывод относительно взаимосвязи организации и управления в сложных динамичных системах различной природы. Общество как целое также принадлежит к этому классу систем.

Однако в обществе существуют сложные системы особого вида – социальные организации, которые сознательно создаются людьми и объединяют их для достижения определенных целей. Организации выступают как целевые общности в различных сферах жизни общества – экономической, социальной, политической, духовной. Акцент смещается на человеческую сознательность и активность в достижении цели. В такой организации управление реализуется как управленческий труд, менеджмент, управленческая деятельность специально подготовленных для этого людей. Важнейшей составной частью этой деятельности по объединению людей для достижения цели становится деятельность по организации, организационная деятельность (создание организационной формы и структуры, установление взаимосвязей и норм взаимоотношений, распределение людей по уровням организации, определение порядка изыскания и использования ресурсов различных типов и видов и др.). Организация рассматривается как функция управленческой деятельности: «организация реализуется в процессе управления как одна из его основных функций» [13, *66*]. Организация выступает как частная функция управления, создающая условия для целедостижения.

Хочется верить, что люди не утратили способность понимать, что достижение цели зависит не только от сознательных усилий, принимаемых решений и действий людей, но и от сложившихся условий, действующих факторов и закономерностей, в том числе законов управления и организации. Однако эту веру способны «подточить» новые силы и возможности человека. Человек и человеческий род в целом являются создателями целого искусственного мира культуры и цивилизации, оказывающих огромное воздействие как на самого человека, так и окружающую его природную среду. Сегодня это воздействие многократно возрастает благодаря использованию информационных технологий. В который раз человек может впасть в соблазн разработки и проведения рискованных общественных экспериментов, забывая о том, что предыдущие попытки часто вели к разрушению организации общества. И управленческая деятельность, реализующая оторванные от жизни цели-прожекты, превращалась в свою противоположность: служила не развитию, а разрушению.

Развитие информационного общества. Чтобы этого не произошло в новой информационно-коммуникационной реальности, важно понять ее ключевые особенности. Внимание общества по понятным причинам, прежде всего, привлекает развитие цифровой экономики как кардинального изменения самих материальных основ общественной жизни в XXI веке. Однако несмотря на всю важность цифровой экономики, ее рассматривают как одну из важнейших составляющих развития информационного общества в целом, в котором информация, ее доступность и масштабы использования кардинально изменяют экономические, социальные, культурные условия жизни и деятельности людей [12].

В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы цифровая экономика определена следующим образом: «цифровая экономика – хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг». Ее развитие предполагает создание соответствующей экосистемы цифровой экономики, понимаемой как партнерство организаций, которое обеспечивает постоянное взаимодействие их технологических платформ, интернет-сервисов и ресурсов, аналитических и информационных систем государственных органов, организаций и граждан [12].

По сути, речь идет о полномасштабной цифровой революции. Как отмечают авторы доклада Всемирного банка, «мы переживаем величайшую информационно-коммуникационную революцию в истории человечества» [3]. Однако эта революция может принести людям не только благо, развитие и процветание, но и новые угрозы, разобщение, новый виток дегуманизации и нравственной деградации. С одной стороны, цифровые технологии становятся движущей силой общественных преобразований. Они помогают компаниям повышать свою производительность, создают для людей новые рабочие места и условия для реализации их творческих способностей, способствуют оказанию гражданам все более качественных государственных услуг и др.

Но, с другой стороны, корыстные интересы предпринимателей, недостатки регулирования и ограниченная конкуренция между цифровыми платформами могут вести к опасной концентрации и монополизму. Отставание в развитии «электронных правительств» повышает риск того, что корпорации и государственные структуры воспользуются цифровыми технологиями не для расширения прав и возможностей граждан, а для тотального контроля за ними. И это в условиях, когда роботизация и автоматизация труда могут привести к опустошению рынков труда и росту нового неравенства [3].

М. Кастельс, обосновавший становление нового информационного и сетевого общества, которое развивается в результате взаимодействия многих социальных групп и отдельных людей, одновременно указывал на разделение людей на «интернет-имущих» и «интернет-неимущих», не способных полноценно использовать современные средства информационных коммуникаций [4].

Для противодействия указанным негативным тенденциям предлагается подкрепить развитие цифровых технологий «аналоговыми дополнениями»: создавая нормативно-правовую базу,

задающую направление использования цифровых технологий для развития конкуренции и инноваций; вырабатывая у людей навыки квалифицированного и эффективного использования цифровых технологий; обеспечивая оперативное реагирование государственных органов на требования со стороны граждан [3]. Иными словами, общество, экономика и политика не мутируют в неведомую виртуальную цифровую реальность или поглощаются ей. Напротив, новые технологии при определенных условиях позволяют обществу развиваться более быстрыми темпами, а людям – в более высокой степени реализовывать свой творческий потенциал.

Реализация сущности социального управления в организации информационного общества. Глобальная трансформация общественной жизни на основе развития информационно-коммуникационных технологий вовсе не ведет автоматически к ее полной виртуализации, безудержному распространению так называемых «киберсимулякров» [2], не освобождает деятельность по управлению от необходимости при достижении целей основываться на объективных связях и отношениях, структурах общественной организации. Иное дело, что коммуникативные сети создают новые связи и структуры, новые правила поведения и формы власти.

Согласно М. Кастельсу, наивысшей формой власти в сетевом обществе располагают те акторы, которые в силу их позиций в социальной структуре обладают сетесозидающей властью. Это программисты и переключатели. Первые создают, программируют и перепрограммируют работу сетей для достижения их целей. Вторые способны соединять и обеспечивать взаимодействие различных сетей на основе объединения ресурсов, формировать стратегическое взаимодействие [5, *63–65*].

Важно подчеркнуть, что, по мнению М. Кастельса, в мире сетей обладатели власти сами являются сетями – это люди, объединяющиеся вокруг своих проектов и интересов, обеспечивающие взаимодействие на основе разделяемых общих целей. В сетевом обществе культура и ее продукты (идеи, концепции, проекты) в наибольшей степени вовлечены в процессы коммуникации [5, *64*].

Следовательно, глобальные трансформации общества в XXI веке не сводятся лишь к технологиям, а представляют собой следствие глубинных изменений в общечеловеческой культуре. В том числе – в культуре управления в новой общественно-экономической и политической реальности. Организация общественной жизни в процессе развития информационно-коммуникационных сетей обнажила те пласты формирования и функционирования власти и управления, которые были скрыты или заслонены своими более актуальными проявлениями в традиционном и индустриальном обществе.

Когда на первый план в социальных взаимодействиях выходит их собственно коммуникативный аспект, власть открыто обнаруживает свою важнейшую характеристику – объединяющую и направляющую силу, которую она черпает из коммуникации между людьми. Власть выступает как управляемая кодом коммуникация (Н. Луман). Это символически генерализированное коммуникативное средство. Коммуникативные средства формируются там, где способ отбора, осуществляемого одним из партнеров, одновременно служит для другого мотивационной структурой. Управляемые этими средствами коммуникативные процессы связывают партнеров и направляют их действия [7, *16–33*].

Возникающие новые связи, отношения, идеи, ценности формируют соответствующие *организационные структуры*, нормы и институты в качестве проявлений новой культуры человеческого общежития. Отражая указанные изменения, проявляется глубинная сущность *социального управления как взаимодействия между людьми* – субъектами сознательной, творческой деятельности. Управление выступает не просто как функция сверхсложной организованной системы (общества в целом, его подсистем, образованных людьми организаций), не только как управленческий труд (деятельность по управлению, организации, координации, контролю и т.д.), но и как результат взаимодействия людей в перспективе общечеловеческой культуры и творчества, как *результат обмена деятельностью* (ее продуктами, результатами, а также ролями в совокупной организованной деятельности).

По сути, социальное управление представляет собой систему, в которой горизонтальные взаимодействия субъектов деятельности сознательно и свободно, на основе общности интересов способны трансформироваться в иерархические отношения субординации субъектов и объектов управления.

Связанные общим интересом субъекты деятельности становятся субъектами и объектами управления, выполняют функцию управления в том случае, когда деятельность одного из них раскрывает перед другим новые возможности для действия, не умаляя его самодеятельности и не отчуждая право на принятие собственных решений. Управление выступает здесь как актуальная информация (информационное воздействие) о возможностях решения новых задач, восхождения к более высоким ступеням индивидуального и общественного развития. Поэтому процесс управления не противостоит исполнению, а выступает как результат продуктивной творческой деятельности. Она выполняет задачу организации совместной деятельности на основе продуцирования ею тех плодотворных идей, ценностей, норм, алгоритмов и образцов поведения, которые, будучи восприняты другими участниками обмена деятельностью, способствуют удовлетворению их потребностей, достижению целей, которые достижимы лишь при условии оптимальной организации общественной системы и эффективного управления обществом [6, *40–45*].

Управление как творчество людей не взрывает общественную организацию именно потому, что оно является средством ее самореализации, самореализации общечеловеческой культуры и человека как ее творца. Управление в новой информационно-коммуникационной реальности не творит мир и не освобождается от пут общественной организации, ибо оно принадлежит ей в качестве необходимого компонента – как управление и организация являются проявлениями единой общечеловеческой культуры.

Однако чтобы это было не мечтой, а действительностью, людям, как всегда, придется побороться, решая отнюдь не только технические проблемы. По меньшей мере, необходимо найти позитивную форму снятия противоположных тенденций, которые способны деформировать базовые структуры организации информационного общества. Речь идет, с одной стороны, о росте интерактивного производства общего разделяемого смысла активной аудиторией в процессе сопоставления поступающей информации с собственным опытом людей. А с другой стороны, – о том, что, по мнению М. Кастельса, «“трубы” галактики Интернета приватизированы и предоставлены “фрагментированному управлению их собственников”» [5, *131, 157*]. Людям придется решать вопросы организации и управления информационным обществом между собой: открыто, в духе сотрудничества, без уловок и манипуляций. В ином случае дивный «цифровой мир» может обернуться «информационным тоталитаризмом» или, напротив, «цифровым хаосом» и анархией.

Литература

1. Боголепов В.П. О месте управления в организационных процессах и структурах // Методологические проблемы теории организации. Л., 1967.

2. Володенков С.В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления: монография. М.: Проспект, 2015.

3. Всемирный банк. 2016 год. Доклад о мировом развитии 2016 «Цифровые дивиденды». Обзор [Электронный ресурс]. URL: https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/23347/210671RuSum.pdf

4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

5. Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие / пер. с англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

6. Кулинченко А.В. Лидерство и управление обществом. Сущность и значение социального управления // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2015. № 3. С. 38–45.

7. Луман Н. Власть / пер. с нем. М.: Праксис, 2001.

8. Методологические проблемы теории организации. Л., 1967.

9. Попов Г.Х. Проблемы теории управления. М., 1970.
10. Сетров М.И. Основы функциональной теории организации. Л., 1972.
11. Теория организации. М., 2007.
12. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/41919
13. Шеметов П.В., С.В. Петухова С.В. Теория организации. М., 2006.

Развитие государственных и муниципальных услуг в цифровой экономике

Development of State and Municipal Services in the Digital Economy

Т. ХАННАНОВА, А. ГАРИФУЛЛИНА

Ханнанова Татьяна Рашитовна, канд. юрид. наук, профессор кафедры государственного управления Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета. E-mail: hannanova1@mail.ru
Гарифуллина Альбина Фатиховна, канд. полит. наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Башкирского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации. E-mail: albinikym.u2014@yandex.ru

В нашем государстве реализуется программа «Цифровая экономика Российской Федерации», призванная содействовать вхождению России в пятерку государств-мировых лидеров. Одним из направлений развития цифровой экономики является совершенствование государственных и муниципальных услуг населению в электронном виде. На основе анализа действующего законодательства, практики оказания и потребления электронных услуг в субъектах Российской Федерации, а также данных социологических исследованиях сделан вывод о взаимосвязи качества жизни населения, электронных услуг государства и развития цифровой экономики, а также необходимости дальнейшего совершенствования деятельности государства и органов местного самоуправления по предоставлению цифровых услуг.
***Ключевые слова**: государственные, муниципальные, цифровые услуги, население, цифровая экономика, электронное правительство, правовое регулирование.*

In our country the program «Digital Economy of the Russian Federation» is implemented, which is designed to facilitate Russia's entry into the top five of the world's leaders-states. One of the areas of the digital economy development is the improvement of state and municipal services for the population in the electronic form. On the basis of the current legislation analysis, the provision and consumption practice of electronic services in the constituent entities of the Russian Federation, as well as a sociological research, it's possible to conclude that there is a connection between the quality of life of the population, the electronic services of the state and the development of the digital economy, as well as the need to further improve the state and local government provision of digital services.
***Key words**: state, municipal, digital services, population, digital economy, e-government, legal regulation.*

Государственные и муниципальные услуги прочно вошли в жизнь населения Российской Федерации. Легальное понятие названых услуг предусмотрено Федеральным законом № 210-ФЗ от 27 июля 2010 года «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Изучение этого определения позволяет сделать вывод, что законодатель рассматривает названные услуги в качестве деятельности по реализации функции государственного органа или органа местного самоуправления [1]. Однако понятие «услуга» по-разному трактуется в науке, действующем законодательстве и практике [2; 4; 6; 7; 8].

Существующие подходы к пониманию природы услуги не учитывают специфики государственных и муниципальных услуг. По нашему мнению, государственные и муниципальные услуги нельзя сводить только к их правовой или экономической природе. Это особый вид услуг,

который по своей сути представляет собой предоставление государством и органами местного самоуправления благ материального и нематериального характера, включая электронные услуги с применением цифровых технологий.

В настоящее время государственные и муниципальные услуги, эффективно развиваясь на протяжении вот уже более 8 лет, вышли на новый этап и стали неотъемлемой составной частью цифровой экономики. Такой вывод основывается на анализе содержания программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации № 1632-р от 28 июля 2017 года, и Указа Президента Российской Федерации № 204 от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [9; 10].

Согласно п. 11 Указа Президента Российской Федерации № 204 от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» Правительству Российской Федерации при реализации совместно с органами государственной власти субъектов РФ национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» предписано обеспечить к 2024 году решение задачи внедрения цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг, в том числе в интересах населения и субъектов малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей.

В свою очередь программа направлена на улучшение доступности и качества государственных услуг для граждан. Несмотря на то, что Российская Федерация добилась существенных достижений в плане развития электронных государственных и муниципальных услуг, тем не менее, стране предстоит преодолеть еще массу объективных и субъективных препятствий на пути развития цифровых государственных и муниципальных услуг.

Как показывает практика, возможности государственных и муниципальных услуг не в полной мере используются населением, в том числе и из-за недостаточно высокого качества их предоставления.

По исследовательским данным, основными причинами неудовлетворенности населения качеством предоставляемых государственных и муниципальных услуг являются:

– долгое ожидание в очереди за получением услуг;

– совпадение графика работы обслуживающих органов с графиком работы организаций, в которых работают потребители услуг;

– длительные сроки ожидания результатов оказываемой услуги;

– необходимость неоднократного обращения по одному и тому же вопросу [11].

К сожалению, в нашей стране отсутствуют специальные направления подготовки специалистов для работы в многофункциональных центрах, что является серьезной проблемой государственной кадровой политики в современной России [4; 5].

Помимо названных недостатков, отрицательно отражающихся на качестве государственных и муниципальных услуг, можно назвать также нестыковку баз данных государственных порталов; недоступность мест оказания государственных и муниципальных услуг для большинства жителей сельских территорий Российской Федерации; отсутствие Интернета на значительной части территории Российской Федерации; недостаточно высокая скорость доступа к Интернету; дороговизна услуг операторов связи; отказ операторов связи в предоставлении услуг связи из-за нерентабельности.

Нельзя не учитывать и тот объективный факт, что люди пожилого возраста, а также население, проживающее в сельской местности, не имеют необходимых навыков для того, чтобы пользоваться электронными услугами, кроме того, у этих категорий населения, как правило, отсутствует надлежащая техническая составляющая, поддерживающая современные форматы цифровых технологий.

Как свидетельствуют результаты опросов городского населения Российской Федерации, менее половины горожан пользуются Интернетом, треть городских жителей вообще никогда не пользовались компьютером; более половины городских жителей оценивают свой уровень

владения компьютерной техникой как весьма средний; четверо из каждых десяти россиян ни разу не пользовались компьютером [5]. Естественно, в такой ситуации напрашивается вывод о необходимости всеохватывающей ликвидации электронной безграмотности населения России.

По нашему мнению, одним из наиболее существенных сдерживающих факторов развития электронных услуг является невысокий уровень жизни россиян. По итогам 9 месяцев 2018 года в России насчитывается 20,3 млн человек, чьи доходы ниже прожиточного минимума. Это 13,8 % от всего населения, сообщает Росстат [12].

В Российской Федерации ведется рейтинг регионов РФ по качеству жизни. Среди показателей рейтинга [13], характеризующих качество жизни населения, отсутствуют индикаторы, свидетельствующие об уровне восприятия населением электронных услуг, цифровых технологий, а ведь в современных условиях использование населением информационных технологий является важным показателем уровня его жизни.

Как следует из Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ, в 2000 году за чертой бедности находились 42 миллиона человек, или почти 30 %. Из-за последствий экономического кризиса показатели бедности вновь увеличились. Сегодня с ней сталкиваются 20 миллионов граждан [14].

Президент РФ поставил задачу снижения уровень бедности к 2024 году как минимум вдвое. Мы полагаем, что если эта задача будет выполнена, то увеличится и число граждан России, для которых электронные услуги станут более доступными.

Таким образом, повышение уровня жизни населения России является основой для успешного выполнения национальных целей и стратегических задач развития Российской Федерации, включая национальный проект (программу) «Цифровая экономика», и, в свою очередь, реализацию этой программы можно рассматривать как инструмент повышения качества жизни российских граждан.

В целях преодоления отмеченных недостатков государство реализует комплекс мероприятий правового, организационного, экономического, технологического и социального характера.

В Российской Федерации в сфере электронных государственных и муниципальных услуг действует информационный портал «Госуслуги», который содержит тематические порталы: Портал госуслуг, Портал открытых данных Российской Федерации, сервисы для государственных и коммерческих партнеров [15].

Утверждена «дорожная карта», которая содержит цели, ключевые вехи и задачи программы «Цифровая экономика».

Интересен в этом отношении опыт субъектов Российской Федерации, в частности, Республики Башкортостан. Республика имеет развитую сеть МФЦ (45 МФЦ), которые осуществляют свою деятельность через 664 окна приема заявителей и 522 офиса в форме территориально обособленных структурных подразделений. Ежегодно МФЦ оказывает 4-5 млн услуг (более 1300 видов государственных и муниципальных услуг). Следует отметить, что сеть МФЦ активно взаимодействует в рамках подписанных соглашений с более чем 120 органами власти и управления и иными организациями – участниками предоставления услуг. В МФЦ отслеживается уровень удовлетворенности граждан качеством предоставления государственных и муниципальных услуг. Так, в 2016 году этот уровень достиг 96 %. Республика Башкортостан вошла в число 39 субъектов Российской Федерации, которые принимают участие в пилотном проекте Министерства экономического развития Российской Федерации по организации деятельности МФЦ, ориентированных на предоставление услуг предпринимателям [16].

Названные министерства регулярно подводят итоги мониторинга качества предоставлении электронных услуг субъектами РФ. Эксперты проанализировали 1310 наиболее приоритетных услуг, которые предоставляются на Едином портале gosuslugi.ru, а также региональных порталах. Мониторинг выявил ряд слабых позиций, в частности, наличие затруднений при подаче электронных заявлений, неполучение уведомлений о результатах, проблемы информирования заявителей, невысокое качество выполнения госуслуг, связанных с оплатой государственной пошлины, формированием запросов, а также получением сведений о ходе выполнения запроса.

Лидерами рейтинга стали Тульская, Липецкая, Архангельская области, города Санкт-Петербург и Москва. Наиболее проблемными регионами оказались по результатом мониторинга Камчатский край, Республика Чечня, Тверская область. Среди проблемных регионов оказалась и Республика Башкортостан, что говорит о необходимости совершенствования качества предоставления электронных услуг в большинстве регионов Российской Федерации [17].

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

2. Единый Портал государственных услуг для партнеров [Электронный ресурс]. URL: https://partners.gosuslugi.ru

3. Король А.Н., Хлынов С.А. Услуги: определение и классификация // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». 2014. Т. 5. № 4. С. 1323–1328 [Электронный ресурс]. URL: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2014/TGU_5_357.pdf

4. Латыпов Р.Ф., Васильев М.И. Модель «30 граней»: проект профиля ключевых компетенций гражданских (муниципальных) служащих Республики Башкортостан // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2017. № 2. С. 9–13.

5. Латыпов Р.Ф. Политологический анализ кадровых процессов: теория и практика: монография. Уфа, 2009.

6. Новостной портал [Электронный ресурс]. URL: http://d-russia.ru/ opublikovan-rejting-regionov-po-kachestvu-predostavleniya-elektronnyh-uslug.html

7. Официальный сайт Фонд Общественное мнение [Электронный ресурс] URL: http://fom.ru

8. Официальный сайт общественной электронной газеты // [Электронный ресурс]. URL: http://www.i-gazeta.com

9. Официальный сайт «Российской газеты» [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2017/12/14/rosstat-nazval-chislo-bednyh-rossiian.html

10. Официальный сайт Правительства РБ [Электронный ресурс]. URL: https://pravitelstvorb.ru/ru/government/20171110-1.php

11. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации № 1632-р от 28 июля 2017 года // СПС КонсультантПлюс.

12. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957

13. Рейтинговое агентство РИА «Рейтинг» [Электронный ресурс]. URL:: https://economy.bashkortostan.ru/upload/iblock/66e/life_2014.pdf

14. Справочно-правовая система КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/law/podborki/ponyatie_uslugi/

15. Софина Т.Н. Сфера услуг: Трансформации в рыночной экономике. СПб., 1999.

16. Сфера сервиса: особенности развития, направления и методы исследования. Коллективная монография / Под общ. ред.: Свириденко Ю.П., Соловьева В.Н., Бабурина В.А. СПб.: Изд-во СПБГИСЭ, 2001.

17. Указ Президента Российской Федерации № 204 от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС КонсультантПлюс.

18. Федеральный закон № 210-ФЗ от 27 июля 2010 года «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // СПС КонсультантПлюс.

Трансформация системы оценки эффективности деятельности региональных органов власти

Transformation of the Performance Evaluation System of Regional Authorities

И. СИНГИЗОВ, Н. СИНГИЗОВА

Сингизов Ильдус Юлаевич, канд. экон. наук, доцент кафедры макроэкономического развития и государственного управления Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: singizov@mail.ru
Сингизова Наркас Байрасовна, старший преподаватель кафедры общей экономической теории ИНЭФБ БашГУ. E-mail: Narkesochka@mail.ru

В статье рассмотрены вопросы разработки и модернизации инструментария для определения и количественного измерения эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Проанализированы изменения в перечне показателей и методике проведения оценки, позволившие выявить особенности современной системы оценки эффективности работы органов исполнительной власти регионов России.
***Ключевые слова**: эффективность, органы власти, регион, система оценки, показатели, методика оценки эффективности.*
The article looks at the issues related to the development and modernization of tools used for determining and quantifying the performance effectiveness of the executive authorities of the Russian Federation constituent members. A number of changes in the indicators and assessment methodology have been analyzed, which allowed identifying certain features of the modern system used to evaluate the effectiveness of the executive authorities of the Russian regions.
***Key words**: effectiveness, authorities, region, evaluation system, indicators, methods of performance evaluation.*

Управленческая деятельность на любом уровне хозяйствования (микро-, мезо-, макроуровне) рассматривается с точки зрения достигаемых при этом результатов. Не является исключением и работа органов государственной власти субъектов Российской Федерации по управлению социально-экономическим развитием регионов страны. Правовую основу данного вопроса составляет введенная Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 258-ФЗ [5] статья 26.3.2 «Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации» Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [6].

Данная статья закона указывает на необходимость утверждения списка индикаторов, предназначенных для определения эффективности работы региональных органов исполнительной власти, представления руководителями регионов докладов о фактически достигнутых и планируемых значениях показателей эффективности, а также предусматривает возможность выделения субъектам Федерации за счет средств федерального бюджета грантов для оказания содействия достижению или же для поощрения достижения ими самых лучших значений показателей. Таким образом, проблеме определения результативности работы региональных органов власти, так же как и органов местного самоуправления, руководство страны стало обращать пристальное внимание со второй половины 2000-х годов [2, *37–38*; 3, *26*].

Практика разработки комплекса мер для оценки производительности работы органов власти регионов нашей страны претерпела существенные изменения, в рамках чего следует выделить три этапа.

На первом этапе для реализации положений статьи 26.3.2 Федерального закона № 184-ФЗ от 6 октября 1999 г. был принят указ Президента России от 28 июня 2007 г. № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».

Этот указ утвердил список показателей, который в редакции указа от 13 мая 2010 г. включал 48 параметров. Кроме того, для практической реализации указа главы государства было издано Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2009 г. № 322 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 июня 2007 г. № 825 “Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации”».

Сложившаяся на первом этапе система оценки эффективности работы региональных органов исполнительной власти в общем виде включала в себя: 1) перечень основных и дополнительных показателей для проведения оценки; 2) методику оценки эффективности; 3) доклады глав регионов о фактических значениях индикаторов для оценки эффективности деятельности за отчетный год и их запланированных значениях на 3 года; 4) предоставление регионам грантов для содействия достижению и (или) поощрения достижения ими самых лучших величин показателей; 5) обобщенный доклад федерального правительства об эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Если список основных показателей состоял из 48 индикаторов, то в список дополнительных показателей были включены уже порядка 115 показателей, а общее количество параметров, использовавшихся при оценке эффективности деятельности, насчитывало более 300 показателей, что свидетельствует о чрезмерном объеме исходных данных для проведения расчетов и сравнительного анализа. Сама методика определения результативности работы региональных органов исполнительной власти была основана на анализе и сравнении индикаторов, отражающих: 1) социально-экономическое развитие региона России, включая степень удовлетворенности населения качеством государственных услуг и работой органов власти субъекта Федерации; 2) итоговые результаты деятельности государственных органов региона; 3) эффективность освоения бюджетных средств в регионе; 4) ход проведения институциональных реформ в субъекте Федерации. При этом оценивалась динамика значений используемых показателей, а также проводилось сопоставление фактических значений показателей по региону с аналогичными среднероссийскими значениями показателей, с установленными нормативами, а в некоторых случаях – со значениями соответствующих показателей других государств. Еще одной особенностью методики был достаточно трудоемкий расчет объема неэффективных расходов в таких сферах, как здравоохранение, образование, жилищно-коммунальное хозяйство, организация государственного и муниципального управления, а также их доли в общем объеме расходов консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации на соответствующие цели.

Рассмотренная выше система оценки результативности работы региональных органов управления действовала до 2012 года. Необходимо отметить, что в действовавшей в тот период нормативно-правовой базе (п. 4 указа Президента Российской Федерации от 28 июня 2007 г. № 825) была заложена возможность корректировки и совершенствования методологии определения эффективности деятельности органов исполнительной власти регионов России. И такие изменения не заставили себя ждать.

Второй этап реализации государственной политики в сфере оценки эффективности управления региональным развитием начался с издания 21 августа 2012 г. указа главы государства № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации», отменившего действие прежнего аналогичного нормативно-правового акта. Новый указ утвердил заметно сократившийся список общих параметров для оценки эффективности деятельности, включавший 12 индикаторов. В перечне были представлены 5 показателей развития экономики, 5 показателей социального развития, 1 показатель, связанный с результатами опросов населения, а также 1 параметр (численность населения) как вспомогательный инструмент для исчисления среднедушевых значений отдельных показателей в целях приведения количественных данных по регионам к сопоставимому виду.

3 ноября 2012 г. было издано постановление федерального правительства № 1142 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 21 августа 2012 г. № 1199 “Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации”», которое утвердило: 1) список индивидуальных показателей, дополняющих определение

эффективности государственных органов; 2) методику оценки результативности деятельности; 3) правила выделения грантов для регионов.

В утвержденный перечень индивидуальных индикаторов включено 44 показателя. Они объединены в 10 разделов, отражающих состояние и развитие экономики, социальной сферы, обеспечение граждан жильем и др. В целом число показателей было сокращено более чем в 2,5 раза по сравнению с количеством дополнительных показателей из прежней системы оценки.

Относительно новой методики оценки эффективности деятельности можно отметить следующие ее отличительные особенности. Во-первых, по сравнению с прежней данная методика более конкретизирована и формализована. Она позволяет провести комплексную оценку эффективности на основе использования индексного метода с учетом состояния (путем расчета средних объемов показателей за 3 года) и динамики (путем исчисления средних темпов роста показателей за трехлетний период) анализируемых параметров, а также разных весовых коэффициентов применительно к этим показателям.

Во-вторых, в расчетах задействованы все 12 общих индикаторов, а также 2 из 44 дополнительных показателей, отобранных для каждого региона экспертной группой Министерства экономического развития России из числа предложенных ранее субъектами Федерации.

В-третьих, определен порядок предоставления грантов регионам, при этом усилена их стимулирующая роль.

На этом модернизация сферы оценки эффективности работы органов управления российских регионов не завершилась. В настоящее время можно говорить о третьем этапе реализации политики в этой области, начавшемся с издания очередного указа главы государства «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» от 14 ноября 2017 г. № 548 [4]. Согласно новому указу перечень показателей для оценки эффективности включает 24 индикатора, причем один из них использовался до 1 августа 2018 г., ряд показателей применяется с 1 августа 2018 г., один индикатор будет использован до конца 2018 г., а применение 6 индикаторов начнется с 1 января 2019 г. В итоге после 1 января 2019 г. в перечне останутся 22 показателя.

В целях реализации указа № 548 было подготовлено Постановление Правительства от 19 апреля 2018 г. № 472 «Об осуществлении мер по реализации государственной политики в сфере оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» [1]. Данный нормативно-правовой акт утвердил:

1) методику оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти регионов страны по повышению уровня социально-экономического развития;

2) методику оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти регионов по достижению высоких темпов наращивания экономического (налогового) потенциала территорий;

3) правила предоставления регионам страны грантов для содействия достижению и (или) поощрения достижения наилучших значений показателей по итогам оценки эффективности деятельности региональных органов власти по достижению высоких темпов наращивания экономического (налогового) потенциала [1].

Необходимо отметить, что в действующей в настоящее время системе оценки эффективности деятельности отсутствуют дополнительные и индивидуальные показатели, что существенным образом отличает ее от предыдущих подходов.

Методика проведения оценки также подверглась трансформации, заключающейся в разделении ее на две методики. Первая из них направлена на определение эффективности работы региональных органов власти по повышению уровня социально-экономического развития, основана на применении индексного метода с учетом средних значений показателей за трехлетний период. На этой методике базируется формирование рейтинга регионов по итогам оценки эффективности деятельности. Вторая методика позволяет оценить эффективность деятельности органов управления субъектов Российской Федерации по наращиванию регионального экономического потенциала, она также использует индексный метод, но уже с учетом динамики рассматриваемых

показателей на основе исчисления их средних темпов роста за 3 года. Данная методика выступает основой для распределения грантов регионам в форме межбюджетных трансфертов.

Таким образом, сравнительный анализ прежних и нынешнего подходов к определению результативности работы региональных органов исполнительной власти позволяет сформулировать конкретные результаты проведенного исследования и выделить особенности сложившейся на сегодняшний день системы оценки эффективности деятельности:

1) за истекший период с 2007 г. рассматриваемая система была дважды трансформирована, что свидетельствует об активной работе руководства страны по модернизации и совершенствованию методологии оценки эффективности деятельности органов государственной власти;

2) разумное сокращение перечня используемых при оценке показателей позволяет повысить объективность получаемых результатов;

3) применение официальной статистической информации (материалов государственной и ведомственной статистики) в качестве исходных данных, а также перевод исходных показателей к сопоставимому виду в соответствии с утвержденной методикой обеспечивают достоверность итоговых результатов оценки эффективности;

4) использование в методике экономических, социальных, демографических, экологических показателей и результатов различных опросов населения позволяет расширить масштаб охвата исследуемых объектов регионального управления;

5) комплексный подход к оценке выражается в учете не только средних уровней применяемых показателей, характеризующих социально-экономическое положение региона, но и среднегодовых темпов роста данных параметров, отражающих динамику регионального развития.

В то же время считаем актуальным более широкое освещение работы по оценке эффективности регионального управления в средствах массовой информации. Недостаточным и несвоевременным является представление сводной информации о результатах оценки эффективности деятельности на официальных сайтах федеральных и региональных органов исполнительной власти, ответственных за работу в этой сфере.

В целом, как отмечено в действующих методиках, Минэкономразвития России по согласованию с другими федеральными государственными органами имеет право вносить предложения по совершенствованию оценки эффективности [1], что свидетельствует о перспективных возможностях дальнейшей модернизации всей системы оценки результативности работы региональных органов власти.

Литература

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 19 апреля 2018 г. № 472 «Об осуществлении мер по реализации государственной политики в сфере оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 18. Ст. 2625.

2. Сингизов И.Ю., Сингизова Н.Б. К вопросу об эффективности деятельности органов государственной власти // Торговля, предпринимательство и право. 2017. № 1. С. 36–41.

3. Сингизов И.Ю., Сингизова Н.Б. Показатели оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления: текущее состояние и пути оптимизации // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2015. № 6. С. 26–32.

4. Указ Президента Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 548 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 47. Ст. 6963.

5. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 258-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 21 (ред. от 13 июля 2015 г.).

6. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 42. Ст. 5005 (ред. от 3 августа 2018 г.).

Методический подход к определению сути и содержания деятельности субъектов социального предпринимательства

Methodical Approach to Definition of the Essence and Content of Activity of Subjects of Social Business

К. ГРИШИН, У. НАЗАРОВА, Е. ТЕРЕЛЕЦКОВА

Гришин Константин Евгеньевич, д-р экон. наук, и.о. директора Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ), профессор кафедры макроэкономического регулирования и государственного управления ИНЭФБ БашГУ. E-mail: grishin2472@yandex.ru
Назарова Ульяна Анатольевна, д-р экон. наук, заведующий кафедрой социологии труда и экономики предпринимательства ИНЭФБ БашГУ. E-mail: nazarovaua@mail.ru
Терелецкова Елена Валентиновна, канд. соц. наук, доцент кафедры социологии труда и экономики предпринимательства ИНЭФБ БашГУ. E-mail: tereletskova@mail.ru

В статье представлены результаты научного обзора зарубежных исследователей о понятии «социальное предпринимательство» и деятельности субъектов социального предпринимательства. Сделаны выводы о необходимости разработки методического инструментария, который позволит определять уровень социальной значимости деятельности хозяйствующих субъектов, то есть степени участия хозяйствующего субъекта в решении наиболее острых социальных проблем общества.
***Ключевые слова**: социальное предпринимательство, социальная значимость, социальная ответственность, инновации, занятость населения, предпринимательство.*

In article conceptual apparatus of the domain of social business is considered, foreign and domestic approaches to treatment of social businessman are analyzed, his main attributing signs emerge. By authors the concepts of social responsibility of business and social business are compared and new methodical approach to definition of social importance of business and his levels, that methodical approach is needed for management of the development of the domain of social business in the conditions of modern economy is developed.
***Key words**: social business, social importance, social responsibility, innovation, employment of the population, business.*

Современный период развития нашей страны продолжает характеризоваться наличием острых социальных проблем, игнорирование которых может обернуться ростом социальной напряженности. Постоянно растущая социальная нагрузка на региональные бюджеты и рост социальных обязательств не позволяет государству направлять необходимый объем финансовых ресурсов на решение острых социальных проблем. В этой связи весьма перспективным инструментом решения широкого спектра социальных проблем видится всемерное развитие социального предпринимательства. Во всем мире институт социального предпринимательства получил самое широкое распространение и активно используется для решения наиболее злободневных социальных проблем общества. Опыт зарубежных стран в этом направлении (несмотря на свою относительно короткую историю), показывает, что на основе использования предпринимательских подходов и технологий удается достаточно эффективно решать острые социальные проблемы. В настоящее время концепция развития института социального предпринимательства остается предметом дискуссий [9], в частности, в научной среде не прекращаются споры относительно того, какую деятельность считать социальным предпринимательством. Так, например, А. Фаулер считает, что социальное предпринимательство – это создание жизнеспособных социально-экономических структур, отношений, институтов, организаций и практики, которые обеспечивают и поддерживают социальные выгоды [7]. По мнению Э. Шоу, социальное предпринимательство – это деятельность общественных организаций и частных фирм, направленная на достижение социальных целей, а не только на получение прибыли [13]. Согласно точке зрения Т. Реис, социальные предприниматели создают социальную ценность посредством инноваций и использования

финансовых ресурсов для социального, экономического и общинного развития [11]. Дж. Майер и И. Марти рассматривают социальное предпринимательство как процесс, состоящий из инновационного использования и сочетания ресурсов для изучения и использования возможностей, направленных на стимулирование социальных изменений путем удовлетворения основных человеческих потребностей [9]. Дж. Остин и его последователи определяют социальное предпринимательство как инновационную, стимулирующую социальную ценность деятельность, которая может реализовываться через некоммерческий, деловой или государственный сектор [5]. Наконец, С. Захра и последователи [15] предполагают, что социальное предпринимательство охватывает действия и процессы, предпринятые для выявления, определения и использования возможностей в целях повышения общественного благосостояния путем создания новых предприятий или управления существующими организациями в инновационной манере. Автор классического определения социального предпринимательства – Дж. Диз считает, что социальные предприниматели – это агенты изменений в социальном секторе, которые достигают своих целей путем: 1) принятия миссии по созданию социальной ценности (а не только экономической ценности); 2) выявления и использования новых возможностей для обслуживания этой миссии; 3) участия в процессе непрерывных инноваций, адаптации и обучения; 4) смелых действий, не ограничивающихся имеющимися в настоящее время ресурсами. Кроме того, по мнению исследователя, социальные предприниматели обладают обостренным чувством ответственности за судьбу социальных групп, для которых они работают, и за результат своей деятельности [6].

Анализ предлагаемых трактовок позволяет заключить, что, несмотря на продолжающиеся споры, в целом есть некоторое общее понимание в отношении ряда ключевых характеристик, очерчивающих деятельность субъектов социального предпринимательства. Первое – все определения социального предпринимательства акцентируют основное внимание на социальных результатах деятельности (создание социальной ценности) хозяйствующих субъектов, имеющих приоритет относительно максимизации прибыли. При этом создание ценности во всех случаях охватывает как социальные, так и экономические аспекты. Однако основное внимание субъектами социального предпринимательства (ССП) уделяется социальной ценности, а создание экономической стоимости рассматривается как необходимое условие для обеспечения финансовой жизнеспособности компании [8].

Вторая особенность, на которую указывают многие авторы, – это применение инновационных подходов при решении социальных проблем на основе использования новых организационных моделей и процессов, посредством новых продуктов и услуг или посредством нового мышления. В этом контексте необходимо отметить, что в последние годы понятие «социальное предпринимательство» рассматривается в неразрывной связи с понятием «социальные инновации». При этом очень важно рассматривать социальные инновации не просто как «новые идеи, которые работают» [14], а как инновационную способность социального предпринимателя, который, мотивируясь гуманизмом, предлагает изменения, которые создают социальную ценность [12]. И наконец, третья особенность социального предпринимательства – это использование рыночных механизмов при решении социальных проблем. Таким образом, основными столпами социального предпринимательства, по мнению большинства авторов, являются социальная ценность, инновации и рыночная ориентация [10]. Из этого можно сделать вывод, что социальное предпринимательство представляет собой деятельность коммерческих и некоммерческих структур, направленную на достижение социальных целей с использованием технологий и практик традиционного (классического) предпринимательства. При этом считаем, что основное различие между предпринимательством в традиционном бизнес-секторе и социальным предпринимательством заключается в относительном приоритете у хозяйствующих субъектов целей создания социального богатства или создания экономического богатства. Таким образом, в традиционном (классическом) предпринимательстве социальное богатство является побочным продуктом создаваемой экономической ценности, в социальном предпринимательстве основное внимание фокусируется на создании социальной ценности [9].

Вместе с тем, наряду с теоретическим осмыслением и обоснованием того, что считать социальным предпринимательством, существует настоятельная потребность в том, что бы была отработана и предложена трактовка понятия «социальное предпринимательство», которая будет закреплена юридически. С учетом специфики деятельности по решению острых социальных проблем, развитие которой во многом определяется институциональными условиями [3], скорейшее правовое закрепление и введение в юридический оборот понятия «социальное предпринимательство» будет способствовать построению эффективной системы государственной поддержки ССП, что самым позитивным образом отразится на практике развития данного института. В этом контексте необходимо отметить, что еще в 2016 году Министерством экономического развития РФ был разработан проект федерального закона[1], в котором представлено видение того, что, по мнению чиновников, считать социальным предпринимательством [1]. Так, в тексте проекта закона говорится, что «социальное предпринимательство – деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства, при осуществлении которой соблюдается одно из следующих условий:

а) субъект малого и среднего предпринимательства обеспечивает занятость инвалидов, одиноких родителей, имеющих детей в возрасте до 7 лет, многодетных родителей, неработающих пенсионеров, выпускников детских домов в возрасте до 21 года, лиц, освобожденных из мест лишения свободы, имеющих неснятую или непогашенную судимость, при условии, что по итогам предыдущего календарного года среднесписочная численность лиц, относящихся к любой из указанных категорий (нескольким или всем указанным категориям), среди работников субъекта малого и среднего предпринимательства составляет не менее 30 процентов, а доля в фонде оплаты труда – не менее 25 процентов;

б) субъект малого и среднего предпринимательства осуществляет предпринимательскую деятельность, направленную на улучшение условий жизнедеятельности граждан и (или) расширение их возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности, в соответствии с перечнем видов указанной деятельности, утвержденным Правительством Российской Федерации, при условии, что доля доходов от осуществления такой деятельности (таких видов деятельности) по итогам предыдущего календарного года составляет не менее 70 процентов в общем объеме доходов субъекта малого и среднего предпринимательства» [2].

На основе предложенной трактовки можно выделить два подхода к определению социального предпринимательства: подход, основанный на специфике социальных категорий населения, привлекаемых в качестве наемных работников, и подход, основанный на специфике хозяйственной деятельности. Подход, основанный на специфике социальных категорий населения, привлекаемых в качестве наемных работников, исходит из того, что социальным предпринимателем считается субъект хозяйственной деятельности, большая часть работников которого относится к социально незащищенным слоям общества. Второй подход, основанный на специфике хозяйственной деятельности, базируется на том, что субъект, относящийся к социальному бизнесу, должен производить товары или оказывать услуги, имеющие социально значимый характер, то есть осуществлять свою деятельность, прежде всего, в социальной сфере: образовании, здравоохранении, культуре и т.д. Специфика предпринимательской деятельности в этих сферах определяется тем, что, во-первых, предприниматель работает в значимой для общества сфере, во-вторых, ему приходится конкурировать с государством, которое предоставляет ряд услуг бесплатно, в-третьих, некоторая доля потребителей (малоимущие инвалиды, одинокие пожилые люди, малоимущие матери, безработные) характеризуется низким уровнем платежеспособности.

Исходя из анализа предлагаемой трактовки представляется обоснованным введение в научный оборот понятия социальной значимости экономической деятельности субъекта предпринимательства, то есть степени участия хозяйствующего субъекта в решении наиболее острых социальных проблем общества. В этом контексте весьма уместно упомянуть о таком родственном понятии, как социальная ответственность бизнеса. В международном понимании социальная

[1] До настоящего времени проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части закрепления понятия «социальное предпринимательство»)» все еще не принят.

ответственность бизнеса трактуется как добровольный вклад бизнеса в развитие общества в социальной, экономической и экологической сферах, связанный напрямую с основной деятельностью компании и выходящий за рамки определенного законом минимума [4].

В классическом понимании социальная ответственность включает в себя: добросовестную деловую практику; развитие персонала предприятия; охрану здоровья и безопасные условия труда; охрану окружающей среды и использование ресурсосберегающих технологий; развитие местного сообщества.

При этом социальная ответственность бизнеса, заключающая в себе социальные программы для сотрудников и/или стейкхолдеров и благотворительность, хоть и является типологически схожим явлением, все же представляет собой несколько иной институт. Социальное предпринимательство, на наш взгляд, характеризует специфику самой предпринимательской деятельности, а также ее кадровой составляющей, а социальная ответственность бизнеса – характер социально-трудовых отношений и характер отношений бизнеса и общества.

Для более четкого и системного представления о социальном аспекте экономической деятельности хозяйствующих субъектов, на наш взгляд, необходимо разработать методический инструментарий, который позволит определять уровень социальной значимости деятельности хозяйствующих субъектов. Необходимо отметить, что для оценки степени социальной ответственности бизнеса такой инструментарий уже разработан – это социальный аудит, который как раз и позволяет определить, насколько компания социально ответственна. А вот для определения уровня социальной значимости экономической деятельности хозяйствующих субъектов инструментария пока не разработано.

С учетом вышеизложенного представляется целесообразным предложить методический инструментарий оценки степени социальной значимости деятельности хозяйствующего субъекта, что позволит разработать новый научный подход к классификации субъектов социального предпринимательства. По нашему мнению, социальное предпринимательство в целом можно классифицировать по пяти уровням социальной значимости:

1. Предпринимательство первого уровня социальной значимости – это оказание услуг в значимых для общества отраслях: образовании, здравоохранении, культуре, клиент которых по большей части платежеспособен. При этом необходимо понимать, что представленные отрасли не являются абсолютно идентичными, поскольку здравоохранение – отрасль скорее не эластичная, а образование и культура – эластичные. Это значит, например, что частная стоматологическая клиника сохранит клиентский поток в условиях экономического кризиса, а молодежный театр или развивающие центры – вряд ли.

2. Предпринимательство второго уровня социальной значимости – это любая деятельность хозяйствующего субъекта, в штате которого более 50 % сотрудников составляют, социально незащищенные граждане, а именно инвалиды, пенсионеры, матери-одиночки, малоимущие многодетные матери.

3. Предпринимательство третьего уровня социальной значимости – это оказание услуг в значимых для общества отраслях: образовании, здравоохранении, культуре, клиент которых по большей части платежеспособен, а в штате данной организации более 50 % сотрудников составляют социально незащищенные граждане.

4. Предпринимательство четвертого уровня социальной значимости – это производство товаров и оказание услуг в значимых для общества отраслях, где клиент (потребитель) преимущественно неплатежеспособен в силу социальной незащищенности. Сюда относятся такие сферы, как содействие занятости безработных, социальное обслуживание и производство товаров для лиц, признанных нуждающимися в социальной помощи, работа с девиантными группами (лицами без определенного места жительства, наркоманами и алкоголиками).

5. Предпринимательство пятого уровня социальной значимости – это производство товаров и оказание услуг в значимых для общества отраслях, где клиент (потребитель) преимущественно неплатежеспособен в силу социальной незащищенности, а в штате данной организации 50 % сотрудников составляют социально незащищенные граждане.

Таким образом, согласно разработанной авторами классификации социальная значимость деятельности возрастает с увеличением уровня, к которому относится субъект социального предпринимательства, что соответственно должно учитываться в практике государственной поддержки развития института социального предпринимательства.

В целом предложенный подход к структуризации социального предпринимательства может стать методической основой для проектирования эффективной системы государственного регулирования и поддержки субъектов социального предпринимательства, прежде всего с позиции обоснования приоритетов государственной политики в отношении отдельных категорий ССП с учетом социальной значимости их деятельности.

Литература

1. Московская А. У социальных предпринимателей проблемы с законом о социальном предпринимательстве // Информационно-аналитический бюллетень «Мир социального предпринимательства». Центр социального предпринимательства и социальных инноваций НИУ ВШЭ. 2016. № 7.

2. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части закрепления понятия «социальное предпринимательство»)» [Электронный ресурс]. URL: https://regulation.gov.ru/projects/List/Advanced Search#npa=52524

3. Солодилова Н., Маликов Р., Гришин К. Влияние административного регулирования на эффективность предпринимательской деятельности в регионе // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 4. С. 1001–1013.

4. Социальная ответственность компании: практическая польза для бизнеса [Электронный ресурс]. URL: www.amr.ru

5. Austin J., Stevenson H., Wei-Skillern J. Social and Commercial Entrepreneurship: Same, Different or Both? // Entrepreneurship: Theory & Practice. 2006. Vol. 30. № 1. P. 1–22.

6. Dees J. Themeaning of social entrepreneurship 1998 [Электронный ресурс].URL: http://www.fuqua.duke.edu/centre s/case/documents/dees_SE.pdf

7. Fowler A. NGDOs as a moment in history: beyond aid to social entrepreneurship or civic innovation? // Third World Quarterly. 2000. 21 (4). 637–654 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/232905145_NGDOs_as_a_Moment_in_History_Beyond_Aid_to_Social_Entrepreneurship_or_Civic_Innovation

8. Kumar S., Gupta, K. Social entrepreneurship: A conceptual framework // International Journal of Management and Social Sciences Research. 2013. Vol. 2 № 8. P. 9–14.

9. Mair J., Marti I. Social entrepreneurship research: A source of explanation, prediction, and delight. Journal of World Business. 2006. № *41*. P. 36–44.

10. Nicholls A., Cho A.H. Social Entrepreneurship: The Structuration of a Field // Social Entrepreneurship. New Models of Sustainable Change, Oxford University Press, Oxford. 2006. P. 99–118.

11. Reis T. Unleashing the New Resources and Entrepreneurship for the Common Good: a Scan, Synthesis and Scenario for Action. W.K. Kellogg Foundation, Battle Creek, MI. [Электронный ресурс]. URL: http://nncg.issuelab.org/resources/11505/11505.pdf

12. Richez-Battesti N., Petrella F., Vallade D. L'innovation sociale, une notion aux usages pluriels: Quels enjeux etdefis pour l'analyse? // Innovations. 2012. № 2. P. 15–36.

13. Shaw E. Marketing in the social enterprise context: is it entrepreneurial? // Qualitative Marketing Research: an International Journal. 2004. № 7 (3). P. 194–205.

14. Tsakanika L. Building Social Innovation Ecosystems: a capability approach [Электронный ресурс]. URL: http://base.socioeco.org/docs/tfm_ltsakanika_2017_building_social_innovation_ecosystems_a_capability_approach.pdf

15. Zahra S.A., Gedajlovic E., Neubaum D.O., Shulman J.M. A typology of social entrepreneurs: Motives, search processes and ethical challenges // Journal of Business Venturing. 2009. Vol. 24. № 5. P. 519–532.

Алгоритм разработки сбалансированной инновационно-инвестиционной стратегии предприятия

Enterprise's Balanced Innovation-investment Strategy Development Algorithm

К. ХАКИМОВА, Д. КОТОВ

Хакимова Ксения Радиковна, ведущий экономист отдела корпоративного развития АО «Башнефтегеофизика». E-mail: KhakimovaPost@yandex.ru

Котов Дмитрий Валерьевич, д-р экон. наук, профессор кафедры экономики и управления на предприятии нефтяной и газовой промышленности Института нефтегазового бизнеса Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: Koroltay@mail.ru.

В статье рассматривается процесс стратегического планирования инновационной деятельности на предприятии. Авторами предложен алгоритм разработки сбалансированной инновационно-инвестиционной стратегии, который позволит укрепить рыночные и финансовые позиции с учетом существующих условий и ограничений. Обосновано, что предложенный инструмент применим в практике инвестиционного и инновационного планирования предприятий.

***Ключевые слова**: стратегия, инвестиции, инновации, стратегическое планирование, сбалансированная инновационно-инвестиционная стратегия.*

The article discusses the process of enterprise's strategic planning of innovation. The authors proposed an algorithm for developing a balanced innovation and investment strategy that will strengthen market and financial positions, taking into account the existing conditions and constraints. It is proved that the proposed tool is applicable in the practice of enterprise's investment and innovation strategic planning.

***Key words**: strategy, investment, innovation, strategic planning, balanced innovation-investment strategy.*

Несмотря на существенное развитие отечественных технологий, доля приобретаемого за рубежом оборудования и технологических решений остается по-прежнему высокой. Согласно данным статистического ежегодника «Индикаторы инновационной деятельности-2018», в 2016 г. удельный вес организаций, закупавших технологии в зарубежных странах, составил 35,7 % (2015 г. – 35,5 %, в 2014 г. – 36,2 %) [2]. Таким образом, технологическое обновление российских предприятий во многом зависит и от развития валютных рынков. На фоне уже сложившегося ослабления курса рубля, а также дальнейших прогнозов Министерства финансов РФ снижения его курса в долгосрочной перспективе [3] усложняется задача обеспечения финансирования инновационно-инвестиционных проектов. С целью сохранения устойчивых конкурентных позиций в условиях возрастающих валютных и финансовых рисков требуется принятие оптимальных управленческих решений, которые отражаются в разработке сбалансированной стратегии осуществления инновационно-инвестиционной деятельности. Это позволит обеспечить развитие предприятия с учетом рыночных, технологических и финансовых ограничений.

Решению данной проблемы посвящены исследования многих ученых, как отечественных, так и зарубежных. Развитие теоретических положений и подходов должно находить отражение в прикладных инструментах управления. Оптимальная организация процесса стратегического планирования и движения документов и информации на предприятии требует апробации и регламентации. Цель данной статьи – представить предложенный авторами алгоритм разработки сбалансированной инновационно-инвестиционной стратегии предприятия. Разработка данного алгоритма потребовала последовательного решения ряда задач:

1) определения основных этапов процесса разработки сбалансированной инновационно-инвестиционной стратегии;

2) детальной проработки необходимых шагов по разработке стратегии в составе этапов.

Результатом применения алгоритма разработки инновационно-инвестиционной стратегии является утверждаемый согласно существующему на предприятии регламенту документ,

включающий в себя перечень проектов для реализации. Процесс разработки инновационно-инвестиционной стратегии можно разделить на три этапа: предварительный (определение исходных позиций и условий – окружения стратегии), целевой (непосредственно разработка стратегии), этап реализации стратегии. Рассмотрим подробнее каждый из этапов.

Предварительный этап также можно разделить на ряд последовательных шагов, первым из которых является определение долгосрочных целей развития предприятия. В рамках решения этой задачи предполагается принятие решения о развитии в долгосрочной перспективе бизнеса в целом (продолжение работы на существующих рынках, диверсификация, уход с рынка и т.д.). В соответствии с полученными на данном этапе решениями выявляется необходимость и актуальность стратегии развития для предприятия.

Далее в соответствии с общепринятыми подходами стратегического планирования на предприятии необходима оценка его текущих конкурентных позиций с применением классических инструментов анализа [4; 5]. С этой целью одним из этапов предварительного блока выступает анализ стратегического положения предприятия. Осуществление данного этапа позволяет учесть особенности внутренней среды, ближнего и дальнего окружения разрабатываемой стратегии (и проектов в ее составе), а также решить, что будет являться основой стратегии развития предприятия – текущий продукт/услуга с их нынешними характеристиками, модернизированные продукт/услуга или инновационный продукт.

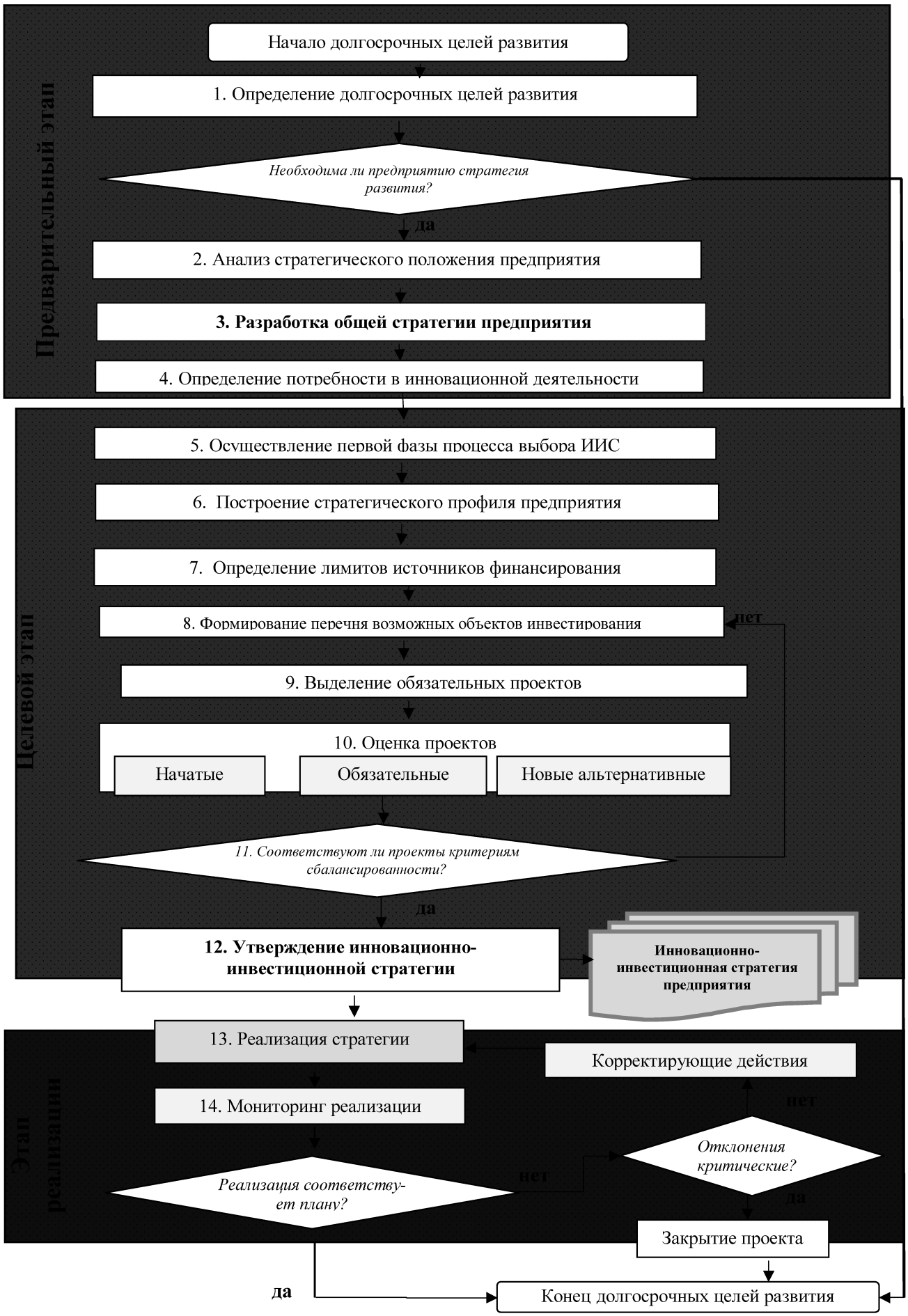
Как было отмечено ранее, на целевом этапе осуществляется разработка стратегии и проверка ее на соответствие ряду критериев с целью достижения сбалансированности.

Для того, чтобы определить общее направление инновационного развития предприятия, на пятом этапе разработки сбалансированной инновационно-инвестиционной стратегии предлагается определить рекомендуемый ее тип (традиционная, наступательная, зависимая, стратегия имитации или защитная стратегия). Выбор типа стратегии осуществляется исходя из характеристик нормы прибыли на предприятии и в среднем по рынку, а также интенсивности конкуренции в отрасли [6]. Применение данного подхода позволит, во-первых, учесть характеристику жизненного цикла предприятия, во-вторых, сузить область принимаемых решений в части выбора инновационно-инвестиционных проектов (ориентация на проекты с необходимой степенью новизны).

Следующий шаг процесса разработки инновационно-инвестиционной стратегии (построение стратегического профиля) предприятия дополняет проведенный ранее анализ конкурентных позиций. В нем находят отражение показатели финансовой устойчивости предприятия, доходности осуществляемых инвестиций, прироста стоимости предприятия (финансовые позиции), роста доли рынка (конкурентные позиции), доли инновационной продукции в выручке (как показатель инновационной активности предприятия и его технологических позиций).

Поскольку одним из самых сильных факторов, препятствующих осуществлению как инвестиционной, так и инновационной деятельности, выступает ограниченность собственных источников финансирования, большое значение для стратегии приобретает определение лимитов инвестиционных ресурсов, выделяемых на инновационно-инвестиционную деятельность. С учетом наличия мер государственной поддержки импортозамещающих технологических разработок, инновационной деятельности в целом целесообразно при разработке стратегии рассматривать бизнес-модели, включающие в себя данные меры поддержки (субсидии, льготные займы и пр.). Максимально допустимая величина инвестиций, направляемых на инновационную деятельность, выступает одним из ограничивающих критериев при проверке стратегии на сбалансированность.

Далее реализуется восьмой этап – формирование перечня возможных объектов инвестирования. Подразумевается, что исходя из рекомендованного на пятом этапе типа инновационно-инвестиционной стратегии подбирается максимально возможный пул инновационно-инвестиционных проектов, которые впоследствии будут проверены на соответствие критериям сбалансированности.


Предварительный этап
Начало долгосрочных целей развития
1. Определение долгосрочных целей развития
Необходима ли предприятию стратегия развития?
да
2. Анализ стратегического положения предприятия
3. Разработка общей стратегии предприятия
4. Определение потребности в инновационной деятельности
Целевой этап
5. Осуществление первой фазы процесса выбора ИИС
6. Построение стратегического профиля предприятия
7. Определение лимитов источников финансирования
8. Формирование перечня возможных объектов инвестирования
нет
9. Выделение обязательных проектов
10. Оценка проектов
Начатые
Обязательные
Новые альтернативные
11. Соответствуют ли проекты критериям сбалансированности?
да
12. Утверждение инновационно-инвестиционной стратегии
Инновационно-инвестиционная стратегия предприятия
Этап реализации
13. Реализация стратегии
Корректирующие действия
14. Мониторинг реализации
нет
Отклонения критические?
Реализация соответствует плану?
нет
да
Закрытие проекта
да
Конец долгосрочных целей развития

Реализация девятого этапа непосредственно связана с предыдущим – среди инновационно-инвестиционных проектов из сформированного пула отбираются обязательные проекты. Необходимость их осуществления может быть предопределена рядом факторов, в числе которых изменение федерального, регионального законодательства, отраслевых, экологических стандартов, требований потребителей/заказчиков, требований менеджмента и собственников к имиджу предприятия и т.д. Данные проекты должны быть включены в стратегию без прохождения отбора, но показатели эффективности и экономические характеристики этих проектов учитываются при формировании инновационно-инвестиционного портфеля.

На десятом этапе каждый из проектов оценивается с позиций общепринятых подходов к оценке эффективности (определение чистого дисконтированного дохода, внутренней нормы доходности, срока окупаемости, индекса рентабельности инвестиций и т.д.). Подвергаются оценке и проекты, имеющие активный статус на момент разработки стратегии. Данные, полученные на этом этапе, необходимы, во-первых, для отсева необязательных и неэффективных проектов, во-вторых, для последующего отбора в портфель.

Ключевым этапом выступает проверка разрабатываемой стратегии на соответствие критериям сбалансированности. Инновационно-инвестиционная стратегия предприятия должна способствовать достижению ряда целей. На данном этапе предлагается использовать модель сбалансированной инновационно-инвестиционной стратегии, основанную на объединении метода дисконтированных денежных потоков (DCF) и Value Based Management-подхода. Данная модель подразумевает соблюдение системы условий по критериям сбалансированности: прирост стоимости бизнеса (через оценку экономической добавленной стоимости), финансовую устойчивость предприятия (с учетом возможных источников инвестиций, определенных на этапе 7), рост доли рынка и соотношение риска и доходности (с соблюдением условия максимизации индекса рентабельности инвестиций по портфелю) [7]. Результатом данного этапа выступает перечень инновационно-инвестиционных проектов, рекомендуемых к включению в стратегию. Далее следует этап реализации, включающий в себя шаги по непосредственной реализации и, если это необходимо, корректировки стратегии.

Таким образом, получаем алгоритм разработки сбалансированной инновационно-инвестиционной стратегии, представленный на рисунке.

В соответствии с данным алгоритмом при разработке сбалансированной инновационно-инвестиционной стратегии (ИИС) на каждом из этапов возникают следующие информационные потоки (см. табл.).

Информационные потоки, возникающие при разработке инновационно-инвестиционной стратегии предприятия

Этап	Входящая информация	Исходящая информация
1. Определение долгосрочных целей развития предприятия	Приоритеты развития	Системы целевых показателей
2. Анализ стратегического положения предприятия	Данные о конкурентах, статистические данные по отрасли, отраслевая и макроэкономическая аналитика	Данные о ключевых факторах успеха, источниках конкурентных преимуществ
3. Разработка общей стратегии предприятия	Миссия, цели предприятия, результаты стратегического анализа	Приоритеты развития предприятия
4. Определение потребности в инновационной стратегии	Цели предприятия, характеристики продукта на рынке	
5. Осуществление первой фазы процесса выбора ИИС (анализ отрасли через ЖЦ и норму прибыли и анализ внутри отрасли)	Данные о рынке (показателях деятельности конкурентов)	Тип инновационно-инвестиционной стратегии
6. Построение стратегического профиля предприятия	Результаты анализа стратегического положения предприятия	Фактический и желаемый стратегический профиль предприятия
7. Определение лимитов возможных источников финансирования	Данные об амортизации по предприятию, бухгалтерская отчетность	Величина инвестиционных лимитов по предприятию

Продолжение таблицы

8. Формирование перечня возможных инновационно-инвестиционных проектов	Данные о проектах от инициаторов проекта	Максимально возможный перечень проектов
9. Выделение обязательных к реализации проектов	Требования законодательства для данного ВЭД, приоритеты развития собственников	Перечень обязательных проектов
10. Оценка проектов	Экономическое окружение проекта, сведения о производственной программе, планируемых потоках	Результаты оценки – данные о показателях эффективности проектов (NPV, PI, IRR и др.)
11. Проверка альтернатив на соответствие критериям сбалансированности	Данные оценки каждого из проектов	Перечень проектов для включения в портфель, прогнозируемый стратегический профиль
12. Утверждение инновационно-инвестиционной стратегии	Оценка показателей эффективности каждого проекта	Утвержденная ИИС
13. Реализация ИИС		
14. Мониторинг и корректировка ИИС	Утвержденные планы проектов, входящих в портфель	Данные об отклонениях по проектам, пополнение «банка проектов»

Применение предложенного алгоритма подразумевает возможность корректирующих действий как на стадии разработки стратегии (целевой этап), так и на этапе реализации (посредством применения, например, модели Шухарта–Дёминга PDCA).

Разработка стратегии инновационно-инвестиционной деятельности в соответствии с данным алгоритмом позволит учесть в ней возможности развития научного, технологического, производственного и рыночного потенциала предприятия. Предложенный инструмент может без существенных затрат быть встроен в систему стратегического планирования предприятий, выпускающих наукоемкую, высокотехнологичную продукцию и реализующих программу импортозамещения, вновь создаваемыми предприятиями, и дополнен имеющимися на предприятии регламентирующими документами. Оптимальное использование имеющихся инвестиционных ресурсов позволит повысить инновационный уровень российских предприятий, а также укрепить их позиции на мировом рынке.

Литература

1. Денисов К.А. Методы формирования стратегии устойчивого инновационного развития промышленного предприятия // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4 [Электронный ресурс]. URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=13929

2. Индикаторы инновационной деятельности: 2018: статистический сборник / Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018. 344 с.

3. Минэкономразвития спрогнозировало курс рубля до конца года [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/economy/20181001/1529737826.html

4. Портер М. Конкурентная стратегия: методика анализа отраслей и конкурентов / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2015. 453 с.

5. Томпсон А., Стрикленд А. Дж. Стратегический менеджмент. Создание конкурентного преимущества. М.: Издательский дом «Вильямс», 2015. 592 с.

6. Хакимова К. Выбор инновационной стратегии предприятия с учетом жизненного цикла продукции // Инновационное развитие экономики: российский и зарубежный опыт: сборник материалов I Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 2 / под общ. ред. О.Б. Казаковой, Н.А. Кузьминых, Э.И. Исхаковой. Уфа: Аэтерна. 2015. С. 105–109.

7. Хакимова К. Система критериев сбалансированности инновационно-инвестиционной стратегии предприятия // Фундаментальные исследования. 2018. № 6. С. 217–221.

Планирование производительности труда в вертикально-интегрированных организациях на основе факторного метода

Labor Capacity Planning on the Basis of the Factorial Method in Vertically Integrated Organizations

С. МАЛИНИН, А. БАХТИЗИНА, С. КЕСАЕВ

Малинин Сергей Викторович, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник ООО «НИИ Транснефть» (г. Москва). E-mail: MalininSV@niitnn.transneft.ru
Бахтизина Алия Рамилевна, канд. экон. наук, заместитель заведующего сектором ООО «НИИ Транснефть» (г. Москва). E-mail: BahtizinaAR@niitnn.transneft.ru
Кесаев Сослан Аланович, канд. экон. наук, старший научный сотрудник ООО «НИИ Транснефть» (г. Москва). E-mail: KesaevSA@niitnn.transneft.ru

В статье рассмотрены проблемы разработки плановых показателей производительности труда в вертикально-интегрированных организациях. Авторами рассматривается расчетно-аналитический метод, который предусматривает расчет и анализ динамики показателей производительности труда в зависимости от влияющих факторов и резерва производительности труда. В статье разработана классификация факторов роста производительности труда для вертикально-интегрированных организаций, которая может быть использована для решения задачи достижения экономического роста организации. Авторами сформулированы и предложены мероприятия по снижению трудовых затрат на основе изыскания резервов и внедрения инновационных разработок, методов и технологий в процессе организации планирования производительности труда. В статье определены роль и место планирования производительности труда в системе управления производственной деятельностью, направленного на повышение эффективности отраслей отечественной экономики и реализацию целей и задач в рамках управленческих решений.
***Ключевые слова**: производительность труда, методы планирования производительности труда, факторы и резервы роста производительности труда, удельная численность.*

This paper addresses the issues of development of labor capacity performance indicators in vertically integrated organizations. The authors consider the calculation and analytical method, which provides for the calculation and analysis of the dynamics of labor capacity depending on the influencing factors and the room for improvement of labor capacity. The paper offers the classification of factors for improvement of labor capacity in vertically integrated organizations, which can be used to achieve the growth of economic numbers within the organization. The authors formulated and proposed measures to reduce labor costs based on finding a room for improvement of labor capacity and introduction of innovative techniques, methods and technologies in the labor capacity planning. The study defines the role and place of labor capacity planning in the system of production activity management aimed at increasing the efficiency of domestic economy sectors and meeting the goals and targets set within the framework of management response.
***Key words**: labor capacity, labor capacity planning techniques, factors and room for improvement of labor capacity, representation.*

Планирование производительности труда выступает составным элементом системы управления производительностью труда. Обоснованный выбор адекватных методов планирования является важной задачей, обеспечивающей достижение устойчивого экономического роста организации.

Как известно, в целях разработки плановых показателей производительности труда в вертикально-интегрированной организации можно использовать следующие методы планирования: экономико-математический, балансовый, расчетно-аналитический (факторный), нормативный, программно-целевой, опытно-статистический, графоаналитический.

Каждый из методов имеет свои положительные и отрицательные стороны с точки зрения достижения адекватного уровня обоснования плановых показателей, трудоемкости проведения расчетов. В этих условиях выбор и обоснование метода планирования производительности определяется стратегическими целями, которые стоят перед предприятием, конкретными организационно-технических условиями производства, возможностью применения исходя из компетенций персонала отдела планирования.

В современных условиях в планировании также необходимо учитывать внешнее воздействие в виде установления директивных или индикативных показателей роста производительности труда вышестоящими структурами или государственными органами.

Решение задачи кардинального изменения ситуации, связанной с эффективностью (производительностью) отечественной экономики, от призывов из уст руководителей государства перешло на практике в фазу конкретных мер воздействия [4].

В майских указах Президента Российской Федерации 2012 года ставилась задача создать и модернизировать к 2020 году 25 миллионов новых высокопроизводительных рабочих мест и увеличить производительность труда к 2018 году в полтора раза относительно уровня 2011 года[1].

Согласно «Стратегии развития России до 2020 года» повышение эффективности экономики, прежде всего на основе производительности труда и формирования мотивации к инновационному поведению, должны стать приоритетными направлениями российской социально-экономической политики. Значительный рост производительности труда предусматривался в ряде других стратегических документов.

Значение системного подхода в регулировании производительности труда со стороны государства не вызывает сомнения, но усилия пока ограничены разработкой контрольных макроэкономических показателей развития национальной экономики в периоды более или менее далекого будущего.

К числу практических мер по созданию необходимых условий, способствующих решению этих задач, следует отнести Распоряжение Правительства Российской Федерации от 9 июля 2014 г. № 1250-р[2]. В документе приводятся меры по повышению производительности труда в компаниях с государственным участием, которые предусматривают включение показателей производительности труда на крупных и средних предприятиях в Федеральный план статистических работ, что обяжет предприятия предпринимать определенные меры для формирования позитивной динамики показателя.

Следует сказать и о косвенном стимулировании активизации деятельности в области повышения производительности труда на уровне федеральных органов исполнительной власти, например, Росимущество разработало Методические указания, где одним из показателей для государственных компаний выступает показатель повышения производительности труда, правда, относящийся к категории оценочных критериев, «на усмотрение Совета директоров Общества»[3].

Как показывает проведенный анализ, задача по выполнению установленных показателей в организациях решается за счет резервов различного рода, а именно сокращения затрат на непрофильные виды деятельности, заработную плату, сокращение численности персонала, а где-то и за счет урезания социальных программ, обучения персонала, НИОКР и др.

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике».

[2] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 9 июля 2014 г. № 1250-р «Об утверждении плана мероприятий по обеспечению повышения производительности труда, создания и модернизации высокопроизводительных рабочих мест».

[3] Федеральное агентство по управлению государственным имуществом. Методические указания по применению ключевых показателей эффективности государственными корпорациями, государственными компаниями, государственными унитарными предприятиями, а также хозяйственными обществами, в уставном капитале которых доля участия Российской Федерации, субъекта Российской Федерации в совокупности превышает пятьдесят процентов (одобрены поручением Правительства РФ от 20.03.14 № ИШ-П13-2043).

Многие из перечисленных направлений вполне оправданы, другие явно не обоснованы. Однако проблема в том, что сокращение различного рода затрат, в том числе затрат на персонал, происходит без оптимизации бизнес-процессов, расширения инновационной деятельности, оптимизации бизнес-процессов, поиска новых возможностей сбыта, модернизации производства, повышения квалификации персонала. Другими словами, не задействованы основные источники для роста производительности труда.

Не претендуя на то, что вышеназванные направления являются итогом полного и всестороннего анализа, следует отметить, что, по мнению авторов, именно такие подходы к достижению роста производительности труда, реализуемые на практике, во многом явились причиной невыполнения майских указов по данному показателю.

На пресс-конференции в декабре 2017 года Владимир Путин заявил, что более 90 % целей, заявленных в майских указах 2012 года, достигнуты[1].

Тем не менее, анализ информации правительства, а также данных официальной статистики говорит о том, что темпы роста производительности труда с 2011 по 2016 год выросли только на 3,8 %. При этом индекс производительности труда в 2016 году составил только 99,8 %.

Сегодня уже ясно, что показатели роста производительности труда, обозначенные Правительством РФ, не будут выполнены.

В Указе Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» правительству Российской Федерации заявлено обеспечить к 2024 году ежегодный минимальный 5%-ный прирост показателя производительности труда для средних и крупных предприятий несырьевых отраслей экономики, ежегодно задействовать в этом процессе не менее 10 субъектов РФ. В качестве основных мер для роста показателя президент заложил ключевые факторы повышения производительности труда: модернизацию производственных фондов, компетенции персонала, автоматизацию и информатизацию производственных процессов и передовые методы управления[2].

Для организации достижения целевых показателей требуется соответствующее методическое обеспечение. В этих условиях применение факторного подхода в планировании производительности труда на разных уровнях управления экономикой снова приобретает свою актуальность [3].

Разработанный в прошлые годы научно-методический фундамент, в основании практического использования которого лежала методика Госплана СССР, а также ряд разработок НИИ труда, обеспечивал единые подходы к планированию производительности труда как на уровне народного хозяйства, так и отраслевом уровне, уровне отдельного предприятия и его подразделений.

По нашему мнению, встречающаяся сегодня позиция ассоциирования данного подхода исключительно с командно-административной экономикой явно не обоснована, как и игнорирование факторного метода планирования в условиях дефицита методических разработок по планированию производительности труда. Задача заключается в том, чтобы на основе критического анализа исследовать возможность применения факторного метода в современной организации.

Безусловно, не стоит идеализировать данный метод, которому присущ ряд недостатков, в частности высокая трудоемкость сбора и обработки данных, характеризующих факторы и резервы роста производительности; наличие погрешности, связанной с недоучетом и недостаточным обоснованием количественной оценки влияния ряда факторов и резервов.

К сказанному следует добавить еще один недостаток – недостаточный учет качественных характеристик человеческого фактора, человеческого и интеллектуального капитала.

Несмотря на это, такие недостатки не могут выступать в качестве однозначного аргумента для исключения факторного метода из практики планирования. Напротив, следует более внимательно исследовать возможности его применения в современной организации. Такая постановка

[1] Интернет-газета «Лента.ру» [Электронный ресурс]. URL: https://www.//lenta.ru/news/2017/12/14/ykazu/

[2] Администрация Президента России [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/

вопроса будет иметь свои «за» и «против». Однако в статье хотелось бы сделать больший акцент именно на аргументах «за» и показать условия и возможности практической реализации факторного метода планирования.

К числу основных условий применения факторного метода в вертикально-интегрированной организации следует отнести:

– принцип построения организационных структур (функционально-технологический);

– систему управления (жесткое вертикальное управление);

– метод управления организацией (программно-целевой);

– наличие мер государственной политики в области производительности труда.

Так, применяемые в настоящее время программно-целевые методы управления вертикально-интегрированной организацией, направленные на достижение заданного конечного результата в решении определенной проблемы, например, инновационные преобразования, цифровизация, техническое перевооружение, организационное развитие, энергосбережение, создают условия для использования расчетно-аналитического (факторного) метода планирования производительности труда. При этом показатели производительности используются при обосновании выбора альтернативных направлений достижения целей программы; оптимизации распределения ресурсов между отдельными подцелями программы; изменение приоритетности отдельных целей программы или средств их достижения.

Анализ характеристик факторного метода, а также особенностей производственной деятельности вертикально-интегрированных организаций дает основание для применения данного метода в целях планирования роста производительности труда как в краткосрочном, так средне- и долгосрочном периодах.

Прежде всего, факторный метод предполагает проведение работы по отбору и последующей систематизации перечня факторов и резервов, оказывающих влияние на рост производительности труда.

Формирование факторов и резервов роста производительности труда, действующих в вертикально-интегрированных организациях, а также разработка их классификации производится на основе:

– системного подхода, предусматривающего рассмотрение отдельных факторов и их групп в тесной взаимосвязи и взаимодействии друг с другом;

– учета основных показателей деятельности организации;

– учета целей и задач стратегического развития организации;

– анализа совокупности отраслевых особенностей;

– возможности количественного выражения посредством определенных показателей;

– соответствия методологии учета, отчетности и анализа факторов и резервов роста производительности труда.

Как известно, факторы роста производительности труда – это изменения материально-технических, организационных и социально-экономических условий как в непосредственном процессе производства, так и вне его, под влиянием которых сокращаются затраты труда на выполнение определенного объема работ (производство единицы продукции), то есть повышается уровень производительности труда.

В целях более полного понимания такого сложного явления большинство специалистов выступает за использование многомерной классификации факторов. Как следствие – факторы классифицированы по следующим направлениям: экономическая сущность производительности труда, степень управляемости, сфера действия.

По экономической сущности производительности труда в целях более полного учета изменений материально-технических, организационных и социально-экономических условий систематизация перечня факторов производится на основе классификации, включающей в себя следующие группы факторов:

– технические факторы;

– организационные факторы;

– социально-экономические факторы;

– отраслевые факторы;

– структурные факторы.

По степени управляемости факторы делятся на регулируемые, слаборегулируемые и нерегулируемые [6].

На уровне отдельных организаций к регулируемым факторам относятся: уровень организации производства и труда, качество управления, степень использования ресурсов и т.д.

Слаборегулируемые факторы обладают большей инерцией, их изменение за определенный период мало зависит от усилий коллектива. К ним относятся размер организации, масштаб производства, уровень специализации и кооперирования, показатели технической оснащенности труда и т.п.

К нерегулируемым факторам относятся факторы, характеризующие природные условия и местоположение предприятий. Принято считать, что такие факторы не зависят от усилий коллективов организаций.

По сфере действия выделяют народнохозяйственные, межотраслевые, отраслевые и внутрипроизводственные факторы.

Выявление, оценка факторов производительности труда осуществляется на основе факторного анализа с использованием экспертных методов, уравнений детерминированной связи, а также методов экономико-математического моделирования, среди которых в изучении факторов и резервов роста производительности труда особое место принадлежит корреляционно-регрессионному анализу (см. рис. 1).

Рис. 1. Выявление и оценка факторов динамики и резервов роста производительности труда

Степень использования возможностей роста производительности труда под воздействием того или иного внутрипроизводственного фактора определяется сопоставлением фактического и нормативного значений показателя, характеризующего данный фактор.

Сопоставление уровня производительности при нормативном значении фактора и фактически достигнутом позволяет определить величину резервов роста производительности труда [2].

Источниками образования резервов роста производительности труда выступают:

– временное отставание в достижении нормативного значения показателя, характеризующего тот или иной фактор;

– несоответствие масштабов введения факторов, предусмотренных планами внедрения.

Систематизация резервов производится относительно определенного фактора, а их классификация соответствует классификации факторов. В связи с этим резервы роста производительности труда объединены в следующие группы:

– резервы, образующиеся в результате недостаточно эффективного использования технических факторов;

– резервы, возникающие в результате недоиспользования организационных факторов;

– резервы, связанные с недоиспользованием возможностей социально-экономических факторов производства.

В качестве основы для обоснования действующих факторов и определения их количественных показателей следует использовать программы стратегического развития, программы инновационного развития, программы диагностики, технического перевооружения, реконструкции и капитального ремонта, программы энергосбережения и повышения энергетической эффективности и т.п., реализуемые в различных вертикально-интегрированных организациях.

Планирование производительности труда базируется на изыскании резервов по снижению трудовых затрат на планируемый объем выполняемой работы, а также разработке мероприятий по внедрению инновационных техники и технологий, автоматизации процессов, улучшению бизнес-процессов и т.п.

В качестве меры влияния факторов на рост производительности труда принимается абсолютная или относительная экономия рабочей силы, которая выражает результат снижения трудоемкости выполняемых работ.

Исходя из методики расчета уровня производительности труда [1], которую в общем виде можно представить в виде формулы 1, объектами планирования роста производительности труда является персонал структурных подразделений, выполняющий весь комплекс работ по обслуживанию и поддержанию в рабочем состоянии производственных объектов, относящихся к линейной части, площадочным (стационарным) сооружениям или объектам[1].

$$Ч_{уд} = \frac{\sum_{i=1}^{n} Ч_i}{\sum_{i=1}^{n} O_{пpi}}, \qquad (1)$$

где $Ч_{УД}$ – удельная численность персонала, занятого обслуживанием производственных объектов, чел.; $Ч_i$ – численность персонала, занятого обслуживанием производственных объектов, чел.; $O_{пpi}$ – количество приведенных объектов, на которых выполняется весь комплекс необходимых работ по обеспечению их надежной, безопасной и эффективной эксплуатации, ед.

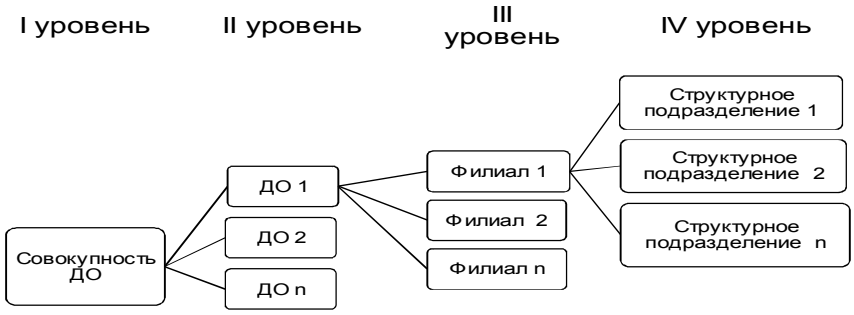
Показателем производительности труда выступает удельная численность персонала, приходящаяся на соответствующий объект обслуживания, приведенный к сопоставимому виду. В качестве приведенного объекта обслуживания принимается протяженный объект, например, линия электропередачи протяженностью 100 км (магистральный трубопровод и др.) или площадочный объект (одна перекачивающая или компрессорная станция, вагонное депо, трансформаторная подстанция и др.).

Планирование производительности труда (удельной численности персонала) для вертикально-интегрированных организаций можно проводить на следующих уровнях управления: структурное подразделение, филиал, дочернее общество (ДО), совокупность дочерних обществ (компания в целом) (см. рис. 2).

Обоснование решения об уровнях планирования производительности труда в вертикально-интегрированных организациях производится исходя из указаний вышестоящей организации, экономической целесообразности, а также готовности управленческого персонала применять

[1] Данный метод обоснован при наличии таких основных производственных объектов, как магистральные нефте- или газопроводы, линии электропередач, железные дороги и др. Деление персонала на занятых на линейной части и площадочных (стационарных) сооружениях или объектах производится согласно принятой в организациях классификации персонала.

Рис. 2. Уровни планирования производительности труда в вертикально-интегрированных организациях



показатели производительности в повседневной практике. С точки зрения методического обеспечения разработка плановых показателей производительности труда на основе факторного метода осуществима на всех вышеназванных уровнях управления [5].

Таким образом, планирование производительности труда выступает составным элементом системы управления производительностью труда. Обоснованный выбор адекватных методов планирования является важной задачей, обеспечивающей достижение устойчивого экономического роста организации так и экономики в целом.

Решение задачи кардинального изменения ситуации, связанной с эффективностью (производительностью) отечественной экономики, достижение целей и целевых показателей, а также решение поставленных задач будет зависеть от правильной организации, грамотного управления, планирования данных процессов.

Факторный анализ роста и как следствие применение факторного подхода в планировании производительности труда на разных уровнях управления экономикой может оказаться весьма востребованным в условиях значительной доли производства, приходящейся на вертикально-интегрированные компании.

Формирование факторов роста производительности труда, разработка соответствующего методического обеспечения, направленного на факторное управление, в том числе планирование, производительностью труда, на каждом уровне управления народным хозяйством создает основу для безусловного достижения поставленных задач и выводу эффективности российской экономики на уровень передовых стран.

Литература

1. Воронин В.И., Борисов Н.Н. Экономика нефтепроводного транспорта. М.: Наука, 1997.

2. Выявление и оценка резервов роста производительности труда на промышленных предприятиях (объединениях): методические рекомендации. М.: Экономика, 1990.

3. Калашникова С.Е., Серикова И.П. Сравнить несравнимое // Трубопроводный транспорт нефти. 2012. № 9. С. 14–17.

4. Малинин С.В., Милехин П.Б. Измерение производительности труда: возможные решения и направления практического использования // Управленческие науки в современном мире: сб. докл. науч. конф.: В 2 т. СПб.: ИД «Реальная экономика», 2015. Т. 1. 672 с.

5. Одегов Ю.Г., Разинов А.Е. Производительность труда в России: особенности современного этапа // Нормирование труда в промышленности. 2014. № 7. С. 11–21.

6. Серикова П.Ю., Бучнев А.О. Предпосылки формирования и характеристика совокупной многофакторной производительности как инструмента оценки эффективности ресурсоограниченных экономических систем // Науки и технологии трубопроводного транспорт нефти и нефтепродуктов. 2018. № 3. С. 338–351.

Эконометрическое моделирование эффективности телерекламы, направленной на детей

Econometric Efficiency Modeling Television Advertising Aimed at Children

В. ПРУДНИКОВ, А. АЗНАГУЛОВА, А. ГАБИТОВА

Прудников Вадим Борисович, канд. техн. наук, доцент кафедры математических методов в экономике Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: prudnikov.bgu@mail.ru
Азнагулова Айзиля Ямиловна, магистрант кафедры математических методов в экономике ИНЭФБ БашГУ. E-mail: aizilyaazn.96@mail.ru
Габитова Аида Рафаилевна, старший преподаватель кафедры математических методов в экономике ИНЭФБ БашГУ. E-mail: aida_1@mail.ru

В статье представлены результаты эконометрического моделирования эффективности воздействия телерекламы на детскую аудиторию. На основе выборки 1867 респондентов-детей в возрасте от 5 до 18 лет выявлено статистически значимое уменьшение по мере взросления вероятности обращения к родителям с просьбой о покупке товара, причем для детей до 10 лет факторы пола и возраста не оказывают на эффективность телерекламы значимого влияния. Построенные эконометрические модели обладают достаточно высокой классификационной способностью.
***Ключевые слова**: детский маркетинг, телереклама, эконометрическое моделирование.*

This article presents the results of econometric modeling of the effectiveness of the impact of television advertising on children's audiences. On the basis of a sample of 1,867 respondents-children aged 5 to 18 years, a statistically significant decrease in probability to contact their parents to buy goods was revealed as they grow older, being not significant for children under 10 years. The constructed econometric models have a rather high classification ability.
***Key words**: children's marketing, television advertising, econometric modeling.*

В настоящее время продолжает возрастать роль «детского маркетинга» в выборе компаниями-производителями коммуникационных стратегий и способов продвижения товара. Под детским маркетингом понимается создание спроса родителей на некоторый товар посредством повышения интереса к товару со стороны детей. Одним из основных каналов коммуникации с детской аудиторией при этом остается телевизионная реклама, поскольку дети проводят у телеэкрана достаточно много времени [3].

Для компаний-производителей интерес представляет эффективность телерекламы, направленной на детей, определение того, насколько часто дети просят родителей приобрести тот или иной товар после просмотра его рекламы по телевидению.

Исследования, посвященные влиянию телевизионной рекламы на детскую аудиторию, носят в основном социологический характер. Зачастую анализируются сводные показатели и описательные характеристики исследуемой выборки.

Например, Зайцевой И.В. и др. [1] проведен социологический опрос московских школьников и их родителей. Опрошенные школьники в целом относятся к рекламе с недоверием. Большинство родителей (50 %) считают, что реклама отрицательно влияет на ребенка, и признают, что дети часто просят родителей купить рекламируемый товар (80 % школьников). Отношением детей к телерекламе интересовались Семенова М.А. и др. [4]. Анкетирование выявило повышение критичности к рекламе школьников по мере взросления. Оказалось, что 83,5 % учащихся первых классов просят родителей о покупке рекламируемых товаров и 66,8 % – девятых классов. Таким образом, по результатам исследования был сделан вывод о том, что телевизионная реклама влияет на детей различного возраста, при этом наиболее сильное влияние данная реклама

оказывает на детей младшего возраста. Маслова Е.В. и др. [2] по результатам опроса выявили, что доверяют рекламе лишь 62 % детей.

Таким образом, фактически отсутствуют исследования, позволяющие статистически значимо определять склонность взрослых приобретать своим детям рекламируемые по телевидению товары и, соответственно, оценить маркетинговую привлекательность данного канала коммуникации.

Информационной базой исследования являются результаты Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Была использована 11 волна мониторинга (2002 г.), отобраны ответы 1867 респондентов-детей в возрасте от 5 до 18 лет [3]. В таблице 1 представлено описание переменных, использованных при моделировании, а также гипотеза о влиянии переменной на целевой показатель.

Целевым показателем моделирования (зависимой переменной) является вероятность приобретения некоторого товара родителями в ответ на просьбу ребенка. Переменные факторного типа данных (**ask, adv, film, mult, music, razvlprog, series, show, sport**) конвертировались в «0» («Никогда») и «1» («Иногда» или «Всегда»). Пол респондентов конвертировался следующим образом: «0» – «Женский», «1» – «Мужской».

Таблица 1

Описание переменных моделирования

Название	Описание	Тип	Гипотеза
ask	Зависимая переменная	0/1	
age	Возраст респондента	числ.	Дети младше 16 лет просят чаще, чем дети старше этого возраста
adv	Смотрит рекламу	0/1	Просмотр рекламы увеличивает вероятность обращения к взрослым с просьбой купить товар
film	Смотрит художественные фильмы	0/1	Просмотр художественных фильмов увеличивает вероятность обращения к взрослым с просьбой купить товар
mult	Смотрит мультфильмы	0/1	Просмотр мультфильмов увеличивает вероятность обращения к взрослым с просьбой купить товар
music	Смотрит музыкальные программы	0/1	Просмотр музыкальных программ увеличивает вероятность обращения к взрослым с просьбой купить товар
razvlprog	Смотрит развлекательные программы	0/1	Просмотр развлекательных программ увеличивает вероятность обращения к взрослому с просьбой купить товар
series	Смотрит сериалы	0/1	Просмотр сериалов увеличивает вероятность обращения к взрослым с просьбой купить товар
sex	Пол респондента	0/1	Девочки больше просят, чем мальчики
show	Смотрит ток-шоу	0/1	Просмотр ток-шоу увеличивает вероятность обращения к взрослым с просьбой купить товар
sport	Смотрит спортивные программы	0/1	Просмотр спортивных программ увеличивает вероятность обращения к взрослым с просьбой купить товар
tv	Сколько часов в день смотрит ТВ	числ.	Продолжительность просмотра ТВ связана с вероятностью обращения к взрослым с просьбой купить рекламируемый товар прямой зависимостью

Для моделирования зависимой переменной **ask** использована методология эконометрического моделирования (модели в функциональных формах логит, пробит и кошит), представленная в виде последовательности шагов.

Шаг 1. Построение бинарных моделей в разных спецификациях и выбора лучшей из них.

Шаг 2. Применение модели бинарной регрессии для оценки вероятности.

Шаг 3. Построение ROC-кривых для моделей.

Описание результатов эконометрического моделирования приведено в соответствии с выделенными шагами.

Шаг 1. Эконометрическое моделирование осуществлялось в рамках бинарных моделей в спецификациях логит, пробит, кошит (табл. 2). Для выявления различий в социальном поведении детей различных возрастных групп были выделены возрастные группы детей: а) все дети (5–18 лет); б) самые маленькие (5–10 лет). Такое разделение позволяет провести проверку гипотезы о том, что для второй возрастной группы (5–10 лет) ни пол, ни возраст не оказывают значимого влияния на зависимую переменную. Анализ качества оцененных моделей в каждой спецификации для всех возрастных групп приведен в таблицах.

Сравнение альтернативных функциональных форм и выбор наилучших моделей в каждом классе моделей проводилось на основе значений информационных критериев Акаике и Шварца, коэффициента детерминации МакФаддена, с использованием LR-статистики. Значения этих оценочных показателей для оцененных моделей по первой возрастной группе (модели М1, М2, М3), и по второй возрастной группе (модели М4, М5, М6) приведены соответственно в таблицах 2 и 3.

Таблица 2

Критерии выбора функциональных форм моделей в отношении детей 5–18 лет

Характеристика качества модели	Модели		
	М1 логит	М2 пробит	М3 кошит
Статистика МакФаддена R^2_{MF}	0,100	0,100	0,098
Информационный критерий Шварца	2231,618	2231,115	2237,407
Информационный критерий Акаике	2192,893	2192,390	2198,682
LR – статистика (***p***-уровень)	241,814 (0,00)	242,317 (0,00)	236,025 (0,00)

По информационным критериям для обеих возрастных групп модели пробит и логит оказались лучше экстремальной модели кошит (при этом пробит-модель несколько лучше модели логит). Тем не менее, дальнейшая интерпретация проведена для логит-модели, поскольку полученные коэффициенты легче интерпретировать с помощью отношения шансов. В случае логистической модели уравнение линейной регрессии представляет собой логарифм так называемого «отношения шансов», то есть отношения вероятности того, что моделируемая бинарная переменная равна 1 к вероятности того, что моделируемая бинарная переменная равна 0. Фактически оценивается вероятность того, попросит ли ребенок купить ему тот или иной товар или нет. Логарифм является возрастающей функцией, и логарифм отношения шансов может интерпретироваться как склонность к просьбе.

Таблица 3

Критерии выбора функциональных форм моделей в отношении детей 5–10 лет

Характеристика качества модели	Модели		
	М4 логит	М5 пробит	М6 кошит
Статистика МакФаддена R^2_{MF}	0,038	0,039	0,035
Информационный критерий Шварца	603,599	603,331	605,989
Информационный критерий Акаике	585,828	585,561	588,219
LR – статистика (***p***-уровень)	23,125 (0,00)	23,392 (0,00)	20,735 (0,00)

Шаг 2. В таблице 4 приведены оцененные модели, дана интерпретация коэффициентов, рассчитанных предельных эффектов, а также ROC-кривых.

Таблица 4

Оцененные модели

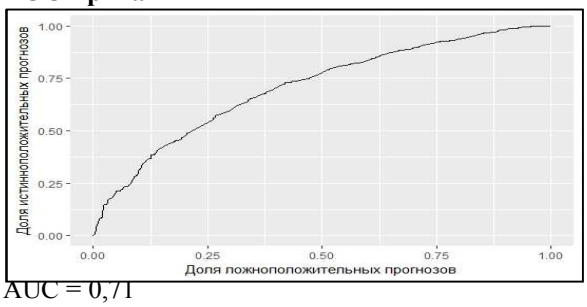
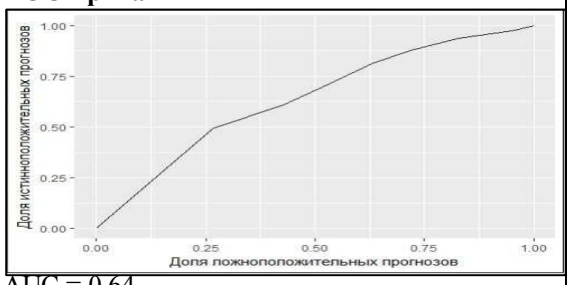
<table>
<tr><th>Дети 5–18 лет</th><th>Дети 5–10 лет</th></tr>
<tr><td colspan="2">натуральный логарифм отношения вероятности того, что ребенок попросит приобрести рекламируемый товар, к вероятности того, что он его не попросит, равен:</td></tr>
<tr><td>2,081–0,387*Sex1(i)–0,19*Age(i)+0,51*adv1 (i)
(0,273)*** (0,108)*** (0,016)*** (0,112)***

+0,32*series1(i)+0,28*show1(i)+0,4*razv.prog1(i)
(0,126)* (0,136)* (0,181)*</td><td>0,33–0,51*Show (i) +0,64*adv1 (i)
(0,2)* (0,218)* (0,221)**

+0,52*series1 (i)
(0,226)*</td></tr>
<tr><td>Интерпретация коэффициентов:
– с ростом возраста age на 1 год отношение шансов падает на 0,19*100 % = 19%;
– если Sex1(i) = 1, то есть i-й ребенок – мальчик, то для него отношение шансов окажется в 1,47 (exp (0,386)) раз меньше, или на 47 % меньше, чем для девочки;
– если adv1(i) = 1, то есть i-й ребенок смотрит рекламу, то для него отношение шансов окажется на 67 % больше, чем для ребенка, не смотрящего рекламу;
– если series1(i)=1, то есть i-й ребенок смотрит сериалы, то для него отношение шансов больше на 38 %;
– если show1(i)=1, то есть i-й ребенок смотрит ток-шоу, то для него отношение шансов больше на 32 %;
– если razv.prog1(i)=1, то есть i-й ребенок смотрит развлекательные программы, то для него отношение шансов больше на 50 %.</td><td>Интерпретация коэффициентов:
– если show1(i)=1, то есть i-й ребенок смотрит ток-шоу, то для него отношение шансов окажется в exp (0,51) раз больше = в 1,665 раз больше, чем для ребенка, не смотрящего ток-шоу (на 66,5 %);
– если adv1(i) = 1, то есть i-й ребенок смотрит рекламу, то для него отношение шансов окажется в exp (0,64) раз больше = в 1,896 раз больше, чем для ребенка, не смотрящего рекламу (на 89, 6 %);
– если series1(i)=1, то есть i-й ребенок смотрит сериалы, то для него отношение шансов окажется в exp(0,52) раз больше = в 1,68 раз больше, чем для ребенка, не смотрящего сериал (на 68 %).</td></tr>
<tr><td>Предельные эффекты:
> erer::maBina(m_logit2, x.mean = FALSE)
effect error t.value p.value
(Intercept) 0.415 0.053 7.893 0.000
sex1 -0.086 0.024 -3.599 0.000
age -0.039 0.003 -12.396 0.000
adv1 0.116 0.026 4.483 0.000
series1 0.074 0.029 2.514 0.012
show1 0.063 0.032 2.002 0.045
razv.prog1 0.094 0.043 2.164 0.031
Интерпретация предельных эффектов:
– увеличение возраста на 1 год понижает вероятность того, что ребенок попросит приобрести рекламируемый товар, в среднем на 0,039 = 3,9 %;
– вероятность попросить для мальчика в среднем на 8,6 % ниже, чем для девочки;
– вероятность того, что ребенок, смотрящий рекламу, попросит купить рекламируемый товар, в среднем на 11,6 % выше, чем для детей, которые ее не смотрят;
– вероятность того, что ребенок, смотрящий сериалы, попросит приобрести рекламируемый товар, в среднем на 7,4 % выше;
– вероятность того, что ребенок, смотрящий ток-шоу, попросит приобрести рекламируемый товар, в среднем на 6,3 % выше;
– вероятность того, что ребенок, смотрящий развлекательные программы, попросит приобрести рекламируемый товар, в среднем на 9,4 % выше.</td><td>Предельные эффекты:
> maBina(m_logit10_2, x.mean = FALSE)
effect error t.value p.value
(Intercept) -0.290 0.013 -22.043 0.000
show1 0.078 0.035 2.213 0.027
adv1 0.102 0.038 2.695 0.007
series1 0.081 0.038 2.137 0.033

Интерпретация предельных эффектов:
– вероятность того, что ребенок, смотрящий рекламу, попросит приобрести рекламируемый товар, в среднем на 10,2 % выше, чем для детей, которые ее не смотрят;
– вероятность того, что ребенок, смотрящий сериалы, попросит приобрести рекламируемый товар, в среднем на 8,1 % выше, чем для детей, которые их не смотрят;
– вероятность того, что ребенок, смотрящий ток-шоу, попросит приобрести рекламируемый товар, в среднем на 7,8 % выше, чем для детей, которые их не смотрят.</td></tr>
</table>

Продолжение таблицы 4

ROC-кривая  AUC = 0,71	**ROC-кривая**  AUC = 0,64

*Примечание: *, **, *** - значимость коэффициентов на уровне 10 %, 5 %, 1 %*

Шаг 3. Представленные выше для сравнения ROC-кривые показывают, что модели прогнозирования вероятности просьбы обладают достаточно хорошей прогностической способностью, поскольку ROC-кривые разработанных моделей в обоих случаях расположены выше и левее.

В результате моделирования статистически подтвердились следующие выдвинутые гипотезы:

1) в процессе взросления дети все в меньшей степени склонны просить родителей о приобретении рекламируемого товара (увеличение возраста на год в среднем понижает вероятность попросить покупку на 3,9 % по всем детям);

2) вероятность попросить купить товар для мальчика в среднем на 8,6 % ниже, чем для девочки в модели в отношении детей младшей категории;

3) для детей младшего возраста значимого влияния на эффективность рекламы ни возраст, ни пол не оказывают, как и предполагалось.

Необходимо отметить, что построенные модели обладают достаточно хорошей классификационной способностью (соответствующие показатели AUC равны 0,71 и 0,64).

Проведенное эконометрическое моделирование позволило выявить закономерности эффективности воздействия телевизионной рекламы на детей. Полученная информация может быть использована компаниями-производителями детских товаров (игрушек, продуктов питания) при создании телевизионных рекламных роликов и определении детской целевой аудитории.

Литература

1. Зайцева И.В. Влияние телевизионной рекламы на детей [Электронный ресурс]. URL: https://infourok.ru/issledovatelskaya-rabota-na-temu-vliyanie-telefizionnoy-reklamina-detey-943943.html

2. Маслова Е.В. Влияние рекламы на подростков [Электронный ресурс]. URL: https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2013/07/21/vliyanie-reklamy-na-podrostkov

3. «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН [Электронный ресурс]. URL: http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms и http://www.hse.ru/rlms

4. Семенова М.А. Особенности влияния телевизионной рекламы на детей // Молодой ученый. 2018. № 13. С. 284–286.

Компетентностный подход в формировании человеческого капитала инновационно-ориентированной компании

Competence-based Approach to the Formation of Human Capital Innovation-oriented Company

В. ПАНФЕРОВ

Панферов Владимир Павлович, соискатель кафедры бухгалтерского учета и аудита Института нефтегазового бизнеса Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: panferov@bashgaz.ru

В статье приводятся направления деятельности, которые находят отражение в стратегии управления персоналом в целях инновационного развития компании. Автор раскрывает понятие компетенций сотрудников и определяет основные компетенции, необходимые для развития инновационно-ориентированного предприятия. Также в статье раскрываются определения инновационных компетенций и приводятся вероятные способы оценки этих компетенций при подборе персонала.

***Ключевые слова**: инновационное развитие, инновационно-ориентированная компания, стратегия управления персоналом, компетентностный подход, компетенции.*

The article presents areas of activity that are reflected in the strategy of personnel management for the purposes of innovative development of the enterprise. The author reveals the concept of employee competencies and identifies the core competencies necessary for the development of an innovation-oriented enterprise. The article reveals the definitions of innovative competencies, as well as possible ways to assess these competencies in the selection of personnel.

***Key words**: innovative development, innovation-oriented company, personnel management strategy, competence approach, competencies.*

Любая современная компания, желающая быть успешной в долгосрочной перспективе, не может оставаться неизменной, негибкой и невосприимчивой к инновациям [4; 5]. В последнее время большинство успешных компаний много внимания уделяют инновационным процессам, исследованиям и разработкам, применению новых технологий и достижению принципиально нового качества выпускаемой продукции и оказываемых услуг [1; 2].

Инновационные процессы в компаниях становятся главными драйверами конкурентного преимущества и устойчивого экономического роста и позволяют качественно изменить ситуацию в технологических решениях, в производственных процессах, в бизнес-процессах, в отношениях с потребителями.

Но мало того, что руководство компании понимает значимость инноваций, формируя инновационные стратегии и мероприятия для их реализации. Одного этого недостаточно для обеспечения устойчивого развития компании. Большую значимость в успехе реализации инновационной стратегии приобретает стратегия управления персоналом.

В числе основополагающих направлений деятельности, которые находят отражение в стратегии управления персоналом в целях инновационного развития компании, можно выделить следующие:

1) оценку инновационного потенциала при подборе персонала;

2) вовлечение персонала в инновационные процессы;

3) развитие и обучение персонала, информирование о производимых новшествах;

4) разработку эффективных систем и форм оплаты труда, материального и нематериального поощрения работников за успешные инновации;

5) разработку технологий управления знаниями и интеллектуальным капиталом компании;

6) разработку новых форм коммуникации и информационного обмена между сотрудниками по вопросам использования успешных инноваций и опыта.

Первые три из перечисленных направлений стратегии находят свое отражение в процессах компании, связанных с формированием человеческого капитала.

В современной практике управления инновационно-ориентированной компании широко распространен компетентностный подход в формировании человеческого капитала.

Компетенции – это характеристики личности человека, к которым можно отнести психофизиологию человека, мотивацию, навыки, знания, ценности, которые способствуют производительности человека и эффективности его труда. Иными словами, компетенция в инновационной экономике – это способность, отражающая желаемые стандарты поведения работников компании, позволяющие непрерывный процесс получения ими знаний постоянно трансформировать в новые организационные, технические решения, обладающие практической ценностью.

При компетентностном подходе (модели компетенций) основной технологией является выявление выраженности тех или иных компетенций формирования человеческого капитала в инновационной экономике, сопровождающиеся вложением ресурсов в работников инновационно-ориентированной компании и так называемой инкассацией вложенных средств в долгосрочный эффект для компании.

Инновационная восприимчивость и инновационная готовность сотрудников, по мнению Т.В. Лукьяновой и Т.А. Алексеевой [6], предполагают наличие у работника особых инновационно-мотивационных характеристик: самостоятельность и внутренняя мотивация, инициатива, высокое чувство долга, выполнение работы вопреки препятствиям, желание на деле проверить свои способности в решении проблем, энергичность и эффективность труда, вера в то, что за хорошо выполненную работу будет хорошая оплата, стремление выполнить работу лучше, чем от него ожидают.

Авторы статьи «Инновационные компетенции как основа инновационного поведения сотрудников организации» И.А. Эсаулова, Н.В. Линькова, А.А. Меркушева выделили следующие пять инновационных компетенций [8]:

– креативность (творчество);
– предприимчивость;
– установка на обучение и постоянное развитие;
– сотрудничество;
– гибкость восприятия инноваций.

В ходе реализации стратегии управления персоналом в интересах инновационного развития, в частности, при подборе персонала, вовлечения работников в инновационные процессы, а также при формировании программ развития и обучения персонала особое внимание следует уделять приведенным выше компетенциям.

Для определения степени выраженности данных компетенций в работнике при формировании человеческого капитала инновационно-ориентированной компании как одного из главных факторов производства, способного создавать совокупность новшеств и ориентировать их на создание инноваций, несущих технико-технологическую, организационную, коммерческую ценности, необходимо провести их оценку.

1. Креативность. Креативные (творческие) люди, являясь генераторами идей, обладают высоким уровнем интеллекта, хорошей смекалкой. Креативного человека отличает комплексный подход к решению проблем. Он старается учесть даже малозначительные на первый взгляд детали. Креативность как характеристика человеческого капитала инновационно-ориентированной компании выражается в способности реагировать на необходимость разрабатывать и внедрять новшества, принимать нестандартные решения, основанные на новых знаниях. Творческий «инновационный» человек, как правило, может дать прогноз о будущем развитии событий.

Креативность человека, обладающего новыми знаниями, способного принимать технико-технологические решения, что даст ему новые возможности в практической реализации инноваций, можно проверить, задавая в ходе собеседования следующие вопросы: Каким образом?

В чем отличие от уже известного? Где и каким образом можно использовать? Кому и какие новые возможности дает?

Такой подход прост, но высокоэффективен. Смысл заключается в постановке инновационной задачи с последующим наблюдением за способом ее решения. Творческий инновационный человек подойдет к заданию с точки зрения свежих идей и жизненной энергии и повышения креативности. Что касается такой характеристики, как находчивость, то решение находчивому человеку обычно приходит спонтанно и не имеет какой-то фундаментальной основы. Находчивому человеку неизвестно, как поведут себя его идеи на практике, в отличие от креативного, который подробно расскажет о своей идее, а также объяснит, почему так, а не иначе.

2. Предприимчивость. В толковом словаре В. Даля [3] предприимчивый человек – «энергичный, находчивый и изобретательный, обладающий практической сметкой, смелый, решительный отважный организатор выгодных предприятий». Р. Брокгауз в работе «Психология предпринимательства» понимает под предприимчивостью «деятельность, демонстрирующую инновационность, экономическое творчество, высокую степень самостоятельности в выборе пути продвижения к намеченной цели» [7].

Проверить и оценить предприимчивость можно с помощью тестирования. В вопросах, предлагаемых кандидату, могут содержаться утверждения, характеризующие личность, либо задания, кейсы, посвященные моделям поведения в конкретных ситуациях. При этом важно, чтобы вопросы не только оценивали ориентацию на поиск способов, при помощи которых можно улучшить свою работу, работу коллектива или компании. Важно включить в состав вопросов оценку инициативности такого поиска, а также стремление к результату. Только симбиоз перечисленных характеристик может свидетельствовать о том, что данная компетенция будет приносить пользу компании в направлении инновационного развития.

3. Установка на обучение и постоянное развитие. Для оценки данной компетенции при приеме на работу в ходе собеседования кандидата могут характеризовать следующие аспекты:

1) периодичность прохождения программ обучения;
2) интенсивность обучения;
3) способы самообучения;
4) хобби и достижения в данном направлении и др.

При этом важно не только то, насколько человек мотивирован к обучению и развитию, но и то, насколько он сам способен отдавать накопленные знания и опыт другим, способен мотивировать других. Эта характеристика сотрудников позволяет компаниям быстро наладить информационный обмен, встроить в инновационные процессы механизмы управления знаниями, повысить оперативность внедрения новшеств в практику работы.

4. Сотрудничество. Сотрудничество – готовность, стремление помочь, найти общий язык с коллегами, учет интересов всех взаимодействующих лиц – рассматривается сегодня как важнейшее качество современного работника.

Компетенцию сотрудничества зачастую рассматривают неразрывно с компетенцией коммуникации. Однако в контексте компетенций, важных для инновационно-ориентированной компании, одних лишь навыков коммуникации недостаточно.

Сотрудничать в инновационно-ориентированной компании в смысловом контексте означает работать ради достижения общего результата и выгоды. Сотрудничество в инновационно-ориентированной компании – это процесс, характеризующий связи работников друг с другом, дополняющие мышление, инновационное восприятие, мотивированность, от которых зависит эффективность в целом. В данном ключе коммуникация – это способ налаживания инфраструктурных связей между людьми.

Оценка данной компетенции при приеме на работу сотрудника может заключаться в оценке коммуникативных способностей кандидата с оценкой возможности применения их в совместных действиях с коллегами. При этом наиболее применимым вариантом является просьба к кандидату в ходе собеседования рассказать случаи из практики, где с его участием решались сложные вопросы или проблемы в подразделении или в компании. Следует иметь в виду, что оценка может

быть искажена, если кандидату на должность предлагать воображаемую ситуацию или варианты поведения на выбор, скорее всего, он будет отдавать предпочтение вариантам с коллективным решением проблем с целью получения высокой оценки.

5. Гибкость восприятия инноваций. Гибкость – способность приспосабливаться к различным ситуациям, в том числе нестандартным, без потери эффективности. При этом важен тот факт, что человек не просто должен уметь принимать изменения, а приспосабливаться таким образом, чтобы оставаться эффективным в своей работе.

Дополнительным преимуществом при оценке данной компетенции можно считать проявление инициативы, активное участие во внедрении новых технологий, методов и приемов работы.

Человек с гибким мышлением может без труда простыми словами объяснить сложные для понимания вещи. Гибкость можно оценивать по реакции собеседника на закрытые вопросы, неудобные (каверзные) вопросы, по тому, как он способен приспособиться к задающему вопросы.

Таким образом, компетентностный подход в формировании и оценке человеческого капитала инновационно-ориентированной компании позволяет четко реализовывать стратегию управления персоналом в интересах ее инновационного развития.

Литература

1. Герасимова М.В., Мусина Д.Р., Ахметов Р.Л. Формирование модели стратегического управления инновационным потенциалом нефтеперерабатывающего предприятия // Евразийский юридический журнал. 2017. № 1. С. 362–364.

2. Герасимова М.В., Мусина Д.Р., Соловьева И.А. Комплексный показатель для оценки инновационного потенциала компании // Евразийский юридический журнал. 2017. № 4. С. 330–333.

3. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. М.: Изд-во АСТ, 2017.

4. Лейберт Т.Б. Предпосылки формирования системы контроллинга инновационной деятельности на предприятии // Аудит и финансовый анализ. 2017. № 2. С. 297–299.

5. Лейберт Т.Б., Булатова М.Р. Совершенствование системы контроллинга инновационной деятельности вертикально-интегрированных нефтяных компаний // Евразийский юридический журнал. 2017. № 12. С. 371–373.

6. Лукьянова Т.В., Алексеева Т.А. Инновационные кадры в современной экономике // Кадровик. Кадровый менеджмент. 2010. № 10.

7. Самойлов Е.А. Коммуникация и сотрудничество как ключевые компетенции. М.: Наука и школа, 2011.

8. Эсаулова И.А., Линькова Н.В., Меркушева А.А. Инновационные компетенции как основа инновационного поведения сотрудников организации // Вестник университета (Государственный университет управления). 2015. № 5.

Трансформация инструментов заемного финансирования реального сектора российской экономики

Transformation of Debt Financing Instruments in the Real Sector of the Russian Economy

А. ЗОТОВА, В. БРЕДНЕВ

Зотова Алла Ивановна, канд. экон. наук, доцент кафедры «Финансы и кредит» экономического факультета Южного федерального университета. E-mail: aizotova@sfedu.ru
Бреднев Вячеслав Андреевич, магистрант экономического факультета Южного федерального университета. E-mail: brednev@sfedu.ru

В статье рассмотрены современные особенности заемного финансирования реального сектора в российской экономике. Охарактеризованы основные инструменты: банковский кредит, облигация, вексель, микрофинансирование и другие. Определены перспективы развития, связанные с повышением доступности банковского кредитования и ролью облигационных займов как инструмента долгосрочного финансирования.
***Ключевые слова**: финансовый рынок, заемное финансирование, банковский кредит, облигация, вексель.*

The article considers modern features of debt financing in the real sector of the Russian economy. Authors describe main instruments, such as bank loans, bonds, notes, microfinance. The prospects of development these instruments are associated with increasing the availability of bank lending and the significance of bond loans as a tool for long-term financing.
***Key words**: financial market, debt financing, bank loan, bond, notes.*

В современных экономических условиях, требующих постоянного развития и модернизации предприятий, заемное финансирование способствует расширению объема хозяйственной деятельности, обновлению основных средств, эффективному использованию и распределению капитала. В совокупности это направлено не только на увеличение прибыльности хозяйственной деятельности, но и на повышение устойчивости и поддержание конкурентоспособности бизнеса, что в конечном итоге предопределяет увеличение стоимости самого предприятия.

Состояние и развитие инструментария заемного финансирования зависят от ряда факторов и условий, но предопределяются реальными потребностями хозяйствующих субъектов и потенциалом финансовой системы. Актуальные проблемы и особенности функционирования существующих институтов в контексте определенных условий макросреды и значимых технологических инноваций формируют перспективные инструменты мобилизации ссудного капитала, открывая новые возможности и направления развития. Несмотря на наличие большого числа работ по данной тематике, изучение развития способов формирования заемного капитала предприятиями реального сектора нуждается в систематизации, конкретизации и актуализации, с учетом мировых тенденций и современных российских условий. Поэтому анализ разновидностей формирования заемного капитала предприятий реального сектора экономики имеет принципиальное значение, а значительная роль заемного финансирования в осуществлении деятельности предприятий, следовательно, и в функционировании экономики в целом, определяет актуальность проведенного исследования.

Обобщенно заемное финансирование хозяйственной деятельности можно рассматривать как согласованные отношения по созданию источника средств между собственником свободных финансовых ресурсов и хозяйствующим субъектом, которому необходимы данные финансовые ресурсы, на условиях возвратности и платности с целью создания экономических выгод в результате их производительного использования хозяйствующим субъектом. В процессе заемного финансирования осуществляется движение ссудного капитала, основной традиционной формой

которого является банковское кредитование. Банковский кредит – одна из самых распространенных и ранних форм заемного финансирования, однако далеко не единственная. Развитие договорных отношений между различными хозяйствующими субъектами привело к созданию других форм заимствований, например, кредиторской задолженности и долговых ценных бумаг. В то же время развитие самого института финансового посредничества стало предпосылкой возникновения множества новых инструментов заемного финансирования, учитывающих многообразие параметров финансовых потребностей обеих сторон этой сделки (кредитора и заемщика).

На сегодняшний день, учитывая опыт финансово-хозяйственной деятельности различных стран, можно выделить такие способы формирования заемного капитала в реальном секторе экономики, как банковский кредит, коммерческий кредит, выпуск векселей, облигационный заем, лизинг, факторинг, франчайзинг, микрофинансирование.

Банковский кредит – предоставление денежных средств предприятию на условиях срочности, возвратности, платности. Основными характеристиками банковского кредита, на которые опирается предприятие при принятии решения о заимствовании, являются: срок, на который предоставляется кредит, предельная сумма кредита, валюта кредита, характеристики процентной ставки (уровень, форма, вид, а также условия выплаты), условия выплаты основного долга, а также формы обеспечения кредита. Однако предприятия, принимая решения о заимствовании кредитных средств у банков, опираются не только на имеющиеся условия кредитования, но и на собственные возможности: необходимость привлечения кредитных средств, цели их привлечения, собственную кредитоспособность, определяющуюся финансовым состоянием предприятия, уровнем платежеспособности, рентабельности, финансовой устойчивости. Эти факторы существенно ограничивают применение банковского кредитования, в частности, субъектами малого и среднего предпринимательства [8, *94*].

Как показывают расчеты, проведенные по данным Банка России [3], в структуре банковского кредитования реального сектора экономики постепенно увеличивается доля долгосрочных кредитов (на срок свыше 3 лет), достигая 53 % по состоянию на 1 августа 2018 г. Это свидетельствует о реализации потенциала банковского кредитования стратегического развития бизнеса.

Коммерческий кредит – специфическая форма отношений между хозяйствующими субъектами, в рамках которой предприятие – поставщик ресурсов предоставляет отсрочку платежа за предоставленные ресурсы. Эта форма отношений привлекает внимание бизнеса и получает развитие, поскольку предоставляет возможность маневренного управления оборотными средствами [6, *117*]. Этот вид кредита отличается простотой в оформлении, возможностью сглаживания проблем сезонности в процессе осуществления деятельности, но зачастую имеет краткосрочный характер, поскольку отсрочка по оплате поставленных ресурсов, как правило, достигает не более 1-3 месяцев.

Облигационные займы как форма привлечения заемного капитала осуществляются и регламентируются не в кредитно-банковской сфере, а в сфере рынка ценных бумаг, что предполагает специфический характер государственного регулирования, формирования стоимости финансирования, процесса привлечения инвесторов. Облигационные займы, в силу сложности процесса эмиссии и определенных требований к эмитентам, доступны предприятиям реального сектора экономики только на определенном этапе развития. Прежде чем использовать рыночные инструменты финансирования, заемщик должен сформировать положительную кредитную историю в отношениях с банковским сектором и в применении более простых форм заимствований [1, *33*]. Российская статистика это подтверждает. В 2017 г. на биржевом рынке были представлены облигационные выпуски всего 335 российских компаний, и их количество постоянно снижается с 2008 года [7, *20*]. Это может быть связано как с увеличением стоимости рыночных заимствований, так и с ужесточением требований к допуску облигаций на биржевой рынок.

Считается, что облигационный рынок позволяет мобилизовать заемные средства на достаточно длительный срок, для реализации масштабных проектов или рефинансирования существующих задолженностей. Работа на нем предъявляет к заемщикам повышенные требования по организации целенаправленного взаимодействия с кредиторами, особенно в кризисных и

нестабильных условиях, когда инвесторы могут потребовать досрочного погашения облигаций по оферте [4, *38*]. Все эти характеристики объективно ограничивают привлекательность облигаций как альтернативы банковского кредитования, особенно для малого и среднего бизнеса. В то же время мегарегулятор российского финансового рынка видит в облигациях определенный потенциал, предлагая финансовой системе новые формы облигаций, которые можно адаптировать под потребности заемщиков (биржевые, коммерческие, инфраструктурные, структурные облигации).

Определенные преимущества с точки зрения быстроты привлечения, стоимости размещения и простоты обращения имеет такой механизм мобилизации заемного капитала, как выпуск векселей. Именно вексель, являющийся неэмиссионной ценной бумагой, можно считать наиболее доступным инструментом привлечения капитала в компании реального сектора экономики после банковских кредитов и кредиторской задолженности [9, *79*]. Это связано с организационной сложностью и относительно высокой затратностью использования эмиссионных ценных бумаг.

Факторинг – это деятельность банков, а также специализированных факторинговых компаний по кредитованию предприятий путем покупки краткосрочной дебиторской задолженности [5, *780*]. Разновидностью факторинга в международных расчетах является форфейтинг, особенностью которого является отсутствие права регресса, то есть обратного возврата права на взыскание суммы денежных средств за поставленные ресурсы к предприятию-поставщику от форфейтингового агента.

Еще одной специфической формой заимствования является франчайзинг, представляющий собой возмездное заимствование прав собственности на осуществление определенной деятельности хозяйствующим субъектом (по сути, заимствование бизнес-модели организации деятельности). Понимание франчайзинга как формы заимствования дает возможность определять заемный капитал не только в сфере финансовых отношений, но и по отношению к правам собственности.

Микрофинансирование – это быстрое получение небольшой суммы заемных средств с минимальными требованиями к заемщику. Как правило, такое долговое финансирование намного дороже прочих форм, поэтому им рекомендуется пользоваться только в качестве краткосрочного инструмента восстановления платежеспособности, но не для долгосрочных вложений в бизнес. Программами микрофинансирования предприятий занимаются такие участники финансового рынка, как специализированные микрофинансовые институты, кредитные союзы, сельскохозяйственные кредитные кооперативы, фонды поддержки предпринимательства (государственные и муниципальные) [2, *207*]. Для развития данного механизма финансирования малого и среднего бизнеса государство постоянно совершенствует регулирование и осуществляет его поддержку. В то же время его потенциал ограничен, из-за высоких рисков и процентных ставок данный инструмент останется нишевым, зависимым от мер государственной поддержки.

Кредитная политика структур, занимающихся микрофинансированием, должна быть гибкой и легко трансформируемой в зависимости от условий. В таком случае этот институт является эффективным инструментом предоставления малому и среднему бизнесу более свободного доступа к источникам финансирования, часто позволяет многим начинающим предприятиям сформировать капитал для реализации бизнес-идеи с нуля. Микрофинансовые институты оказывают предпринимателям услуги, дополняющие предложения коммерческих банков.

Сравнительно недавно стали использоваться такие способы привлечения заемного капитала, как фандрайзинг, краудфандинг, P2P-финансирование. Эти инструменты основаны на современных финансовых технологиях и предполагают наличие определенных навыков и готовности к инновациям для их использования, а также недостаточно полно регулируются, что может привести к злоупотреблениям и нарушениям прав участников. В связи с этим пока сложно рассматривать их как реальную альтернативу традиционным инструментам банковского и коммерческого кредитования.

Современное состояние системы финансовых посредников в России позволяет сделать вывод, что в их структуре лидирующее положение занимает банковский сектор при, однако, небольшом и постепенно уменьшающемся количестве самих банковских институтов. Значительная

степень концентрации капитала у крупных банков, формирующих вокруг себя мощные банковские группы, означает концентрацию не только кредитных ресурсов, но и всего финансового капитала страны в целом, что ограничивает возможности других потенциальных инвесторов для использования в небанковских инструментах финансирования (в частности, облигации и векселя).

По мнению авторов, в перспективе в Российской Федерации должна быть создана сбалансированная система заемного финансирования предприятий реального сектора экономики, основанная на принципах открытости, доступности, прозрачности заимствований. Определяющую роль в этой системе должны играть банковские кредиты и облигационные займы. В то время как банковское кредитование может оставаться основным механизмом мобилизации заемного капитала в предприятия малого и среднего бизнеса, эмиссия облигаций будет обеспечивать крупные финансовые поступления долгосрочного характера для успевших зарекомендовать себя стабильных заемщиков, опирающихся на достаточно широкий круг потенциальных инвесторов. Прочие рассмотренные инструменты долгового финансирования будут использоваться отдельными категориями заемщиков в определенных условиях, не создавая существенной конкуренции основным формам.

Литература

1. Алешин В.А., Зотова А.И., Шевченко Д.А. Финансовый маркетинг: учебное пособие. Ростов-н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2011. 158 с.

2. Белокрылова О.С., Шитова А.С. Микрофинансирование как эффективный институт развития малого и среднего предпринимательства в условиях экономической нестабильности // Институциональный механизм преодоления рецессии. Ростов н/Д: Содействие – XXI век, 2015. С. 201–210.

3. Задолженность по кредитам, предоставленным юридическим лицам-резидентам и индивидуальным предпринимателям в рублях, по видам экономической деятельности и отдельным направлениям использования средств. М.: Банк России, 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=sors

4. Зотова А.И., Шевченко Д.А. Инвестор рилейшнз: содержание и особенности реализации в условиях финансового кризиса // Финансы и кредит. 2009. № 43. С. 34–40.

5. Инаркиева М.С., Хаматханова Ж.М., Оздоева З.Х., Таршхоева М.М. Факторинг в России: состояние, перспективы развития // Экономика и предпринимательство. 2018. № 6. С. 780–782.

6. Петрова Ю.М. Аналитическая оценка элементов оборотного капитала и их влияния на результат финансовой деятельности // Вестник ОрелГИЭТ. 2016. № 1. С. 115–122.

7. Российский фондовый рынок: 2017 год. События и факты. М.: НАУФОР, 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://naufor.ru/download/pdf/factbook/ru/ RFR2017.pdf

8. Шевченко Д.А., Енотов Д.В. Перспективы развития банковского кредитования малого бизнеса // Финансовые аспекты модернизации экономики России: сб. статей. Ростов н/Д: Содействие – XXI век, 2014. С. 94–99.

9. Шевченко Д.А., Щербинин Т.А. Институциональные аспекты развития российского вексельного рынка // Journal of Economic Regulation. Вопросы регулирования экономики. 2012. Т. 3. № 1. С. 78–87.

Ипотечное жилищное кредитование: тренды и риски

Mortgage Housing Lending: Trends and Risks

Е. СИНЯВСКАЯ, В. СИНЯВСКИЙ

Синявская Елена Евгеньевна, канд. экон. наук, доцент кафедры финансов, кредита и мировой экономики Сочинского государственного университета. E-mail: ees-17@mail.ru
Синявский Владимир Дмитриевич, канд. техн. наук, доцент кафедры архитектуры, дизайна и экологии Сочинского государственного университета. E-mail: sniavsk@sochi.com

Ипотечное кредитование, являясь важным элементом рыночной экономики страны, оказывает позитивное влияние на развитие банковской системы и функционирование реального сектора экономики. В статье рассмотрены тенденции, сложившиеся на рынке ипотечного жилищного кредитования России, определены факторы, влияющие на развитие ипотеки. Проведен анализ рисков, возникающих у кредиторов и заемщиков при ипотечном кредитовании. Выявлены возможные последствия рисков и направления их минимизации. Представлены основные элементы системы управления рисками при ипотечном жилищном кредитовании.
***Ключевые слова**: ипотечное жилищное кредитование, рынок ипотечного кредитования, кредитные риски, процентный риск, риски кредитора, риски заемщика.*

Mortgage lending, as an important element of the country's market economy, has a positive impact on the development of the banking system and the functioning of the real sector of the economy. The article deals with the trends in the market of mortgage lending in Russia, the factors affecting the development of mortgages. The analysis of risks arising from creditors and borrowers in mortgage lending conducted. Possible consequences of risks and directions of their minimization are revealed. The main elements of the risk management system in mortgage lending are presented.
***Key words**: mortgage housing lending, mortgage lending market, credit risks, interest rate risk, creditor risks, borrower risks.*

Ипотечное жилищное кредитование – это важный элемент рыночной экономики страны. Развитие ипотечного бизнеса позитивно отражается на функционировании реального сектора экономики и является одним из главных драйверов развития банковской системы. Ипотечное кредитование позволяет снять противоречие между высокими ценами на недвижимость и текущими доходами населения и решить проблему обеспеченности населения жильем.

Рынок ипотечного кредитования в России относительно молодой и активно изменяющийся, но уже пережил экономический кризис 2008 года и кризис 2014–2015 годов. В результате мирового финансового кризиса 2008 года из-за оттока капитала произошло сокращение ресурсной базы российских банков, и как следствие снижение объемов ипотечного кредитования. Однако, благодаря поддержке системы ипотечного кредитования со стороны государства ипотечный рынок стабилизировался и за период с 2009 по 2014 год доля ипотечного кредитования в объеме ВВП выросла с 0,39 до 2,26 %. Повышение ключевой ставки в декабре 2014 с 10,5 % до 17 % заставило ряд банков отказаться от ипотечного кредитования [2], но уже в 2016 году ситуация начала меняться, рынок ипотечного кредитования повторно стабилизировался. С 2017 года рынок ипотечного кредитования демонстрирует рекордный рост на фоне снижения ключевой ставки Центрального банка и ипотечных ставок соответственно. Ипотечное жилищное кредитование – это самый быстрорастущий сегмент в розничном кредитовании. Доля ипотечных кредитов в совокупном портфеле российских банков превысила 11 %, а в портфеле же розничных кредитов на ипотечные кредиты приходилось почти 42 % [3]. Объем выданных ипотечных жилищных кредитов увеличился за 2017 год на 37,2 %, что значительно опережает прирост номинального ВВП, и достиг 2 трлн рублей, превысив уровень предыдущих лет, а количество предоставленных кредитов составило 1,1 млн единиц [4]. Рынок ипотеки растет, прежде всего, за счет новых заемщиков. К концу 2018 года, по прогнозам ДОМ.РФ, объем выданных кредитов составит 2,8 трлн рублей, количество выданных кредитов составит 5,2 млн. Увеличился и средний размер ипотечного кредита, так, в 2016 году он составлял 1,72 млн рублей, а в 2017 – 1,86 млн рублей. Развитию этого процесса способствуют следующие факторы: активное снижение ставок, рефинансирование действующих ипотечных кредитов с целью снижения ставки и получения более выгодных условий кредитования, внедрение процесса электронной регистрации ипотечных сделок и, как следствие,

экономия клиента на расходах по заключению сделки и ускорение процесса регистрации права. К этому можно добавить, что, по данным Росстата, с 2014 по 2017 год цены вторичного рынка жилья снизились на 7,6 %, а первичного рынка – практически не изменились. Рост ипотечного рынка происходит под влиянием увеличения количества программ по ипотеке с государственной поддержкой, которые делают ипотеку доступной работникам бюджетной сферы, студенческим семьям и практически всем, кто не может позволить себе покупку жилья на рынке. Ряд российских банков начинают запускать цифровую ипотеку. В результате перехода на цифровой формат и использование современных скоринговых технологий значительно сокращается время оформления ипотечного кредита. Выдача кредита становится полностью диджитальной: клиенты получают возможность дистанционно работать с банками, что помогает банкам наращивать качественную клиентскую базу. С начала 2017 года российские банки последовательно смягчают требования к заемщикам в ипотечном сегменте кредитования. По данным Национального бюро кредитных историй (НКБИ), лишь по одной трети заявок на ипотеку был дан отказ, тогда как доля одобрений составила 67,5 %. Растет доля ипотечных кредитов с первоначальным взносом менее 20 %: за 2017 год она возросла с 14,0 до 42,4 %, а объем таких ссуд превысил 0,8 трлн рублей. Почти 15 % ипотечного портфеля на 1 апреля 2018 года составляют кредиты с отношением величины основного долга к текущей справедливой стоимости предмета залога (LTV) более 80 %. Для снижения риска Центробанк инициировал введение повышенных коэффициентов риска по кредитам с первоначальным взносом от 10–20 % до 150 %, со взносом менее 10 % – 200 %.

Объем ипотечного портфеля российских банков на 1 июня 2018 года составил 5,8 трлн рублей, из которых 76,4 % – ипотечные кредиты на построенное жилье, 20,6 % – кредиты, выданные под залог долевого участия при приобретении жилья на первичном рынке, и 2,6 % – приобретенные права требований по кредитам [1]. С начала 2015 года качество ипотечного портфеля постоянно улучшается: объем просроченной ипотечной задолженности свыше 90 дней снижается как в абсолютном выражении – на 1 марта 2018 года составил 114,2 млрд рублей, так и в относительном выражении – 2,15 % (для сравнения: по неипотечным кредитам – просрочка 12 %). Эти показатели сравнимы с уровнем лучших мировых практик. На российском рынке в 2018 году выдают ипотечные жилищные кредиты 410 банков, которые обладают высоким уровнем надежности и эффективностью своей деятельности. Лидерами по ипотечному кредитованию являются ведущие банки страны, входящие в топ-10, на которые приходится 94 % всех выданных ипотечных жилищных кредитов по количеству и 93 % – по сумме. Особое место на рынке ипотечного жилищного кредитования занимает Сбербанк, на долю которого приходится 61 % всех выданных ипотечных кредитов по количеству и 58 % по сумме, доля просроченной задолженности составляет всего 1 %. Конкуренция на российском рынке ипотечного жилищного кредитования привела к тому, что каждая кредитная организация предлагает своим клиентам широкий спектр программ кредитования с различными сроками, процентными ставками и требованиями к заемщикам. Диверсификация ипотечного портфеля становится важной задачей, стоящей перед коммерческими банками.

Ипотечное жилищное кредитование характеризуется длительными сроками и большими объемами. Значительная часть ипотечных кредитов выдается на срок более двадцати лет, за который могут произойти значительные изменения в экономике, в денежно-кредитной политике, в системе налогообложения, доходах населения, стоимости недвижимости и т.д. Поэтому, несмотря на то, что ипотечное жилищное кредитование считается самым надежным и обеспеченным видом кредитования, характеризуется низким процентом невозврата кредитов, оно, как и любой другой вид кредитования, подвержено различным рискам.

При проведении ипотечных операций возникают систематические и несистематические риски. К систематическим рискам относят риски, которые в равной степени влияют на все субъекты финансово-кредитных отношений и обусловлены внешними макроэкономическими факторами: состоянием экономики страны, уровнем инфляции, уровнем благосостояния населения, денежно-кредитной политикой, региональными особенностями функционирования банка, конъюнктурой на рынке недвижимости. Избежать систематических рисков невозможно, но снизить негативные последствия можно путем повышения качества прогнозирования их уровня и применения адекватных методов управления. Большинство ипотечных рисков относятся именно к систематическим рискам. Несистематические риски – это риски, связанные с факторами микроэкономическими: кредитной политикой банка, его кредитным потенциалом, качеством депозитной базы, клиентурой банка, квалификацией персонала банка и т.д.

Риски при ипотечном кредитовании можно подразделить на риски кредиторов, риски заемщиков и имущественные риски.

Для ипотечного кредитора характерны следующие основные виды рисков: кредитный риск, процентный риск, риск ликвидности и риск досрочного погашения.

Кредитный риск – это риск невыполнения клиентом обязательств по ипотечному договору. Полностью избежать данного явления невозможно, однако количество невозвращенных займов в банке не должно превышать 5 % от их общего числа. На кредитный риск влияют внешние и внутренние факторы, поэтому при управлении кредитным риском необходимо определить сферу возникновения риска, а также степень влияния риска на результаты работы банка. Так как банк не может воздействовать на внешние факторы, то необходимо сосредоточится на смягчении их влияния и снижении уровня потерь. Основное внимание необходимо направить на управление кредитным риском в рамках внутренней политики банка, правильный выбор кредитных технологий и инструментов. При адекватной оценке кредитного риска, которая проводится на стадии определения условий ипотечного кредита и размера регулярных платежей, он не представляет серьезной опасности для кредитора. Но в этом случае важна квалификация работников, занимающихся андеррайтингом, то есть проверкой платеже- и кредитоспособности потенциального заемщика. Дополнительной гарантией кредита может быть крупный первичный взнос заемщика в качестве частичной оплаты недвижимости вместе с залогом и страхованием. Превышение рыночной цены объекта недвижимости над суммой кредита определяет степень защищенности ипотечного кредита.

Процентный риск – это риск потерь в результате превышения процентных ставок, выплачиваемых банкам по заемным средствам, над ставками по предоставленным кредитам. Банковская прибыль формируется за счет разницы в процентных ставках по выданным кредитам и привлекаемым источникам. Сложность прогнозирования неблагоприятных колебаний процентных ставок может привести к ошибкам в расчетах процентной ставки по ипотечному кредиту, что приведет к снижению прибыли или убыткам. Для страхования от процентного риска банки могут вводить переменную или плавающую процентную ставку, а также сосредоточить внимание на поддержании оптимального соотношения между активами и пассивами. Управление процентным риском включает оценку, прогноз, минимизацию, мониторинг этого риска.

Риск ликвидности возникает при недостатке ликвидных ресурсов при наступлении сроков исполнения платежей у банков по причине несбалансированности активов и пассивов. Это связано с тем, что ресурсная база долгосрочных ипотечных кредитов формируется за счет привлечения краткосрочных кредитов и депозитов. Низкая ликвидность активов банка приводит к снижению его рейтинга и ухудшению баланса, что повышает риск совместных операций с банком. Для снижения риска ликвидности Банк России устанавливает высокие требования к резервам коммерческих банков. Учитывая, что доля ипотеки в активах банков растет, риски, связанные с разницей в срочности активов и пассивов, будут усиливаться. Созданное в 1997 году Агентство ипотечного жилищного кредитования, с марта 2018 года переименованное в АО «ДОМ.РФ», содействует поддержанию ликвидности банков, предоставляющих долгосрочные жилищные кредиты. Для этого АО «ДОМ.РФ» привлекает средства на фондовом рынке путем размещения там своих облигаций.

Риск досрочного погашения – это специфический риск ипотечного кредита. Обычно банк предоставляет право заемщикам на досрочное погашение кредита, хотя в ипотечном договоре может быть предусмотрен запрет на досрочное погашение кредита на первые несколько месяцев или лет. Досрочное погашение ипотечного кредита возникает при превышении заемщиком регулярных платежей по кредиту над установленными в графике кредитного договора суммами. На досрочное погашение при ипотечном кредитовании влияют рост благосостояния заемщика, продажа недвижимости, возможность дефолта по кредиту, рефинансирование [5]. При досрочном погашении ипотечного кредита банк, с одной стороны, теряет часть прибыли, а с другой стороны, получает большой объем денежных средств, которые необходимо реинвестировать. Проблема заключается в том, что банку неизвестно, когда и в каком объеме может произойти досрочное погашение кредита и какая установится рыночная процентная ставка в момент реинвестирования, возможно, ставка окажется неблагоприятной для инвестиций. В 2017 году значительно возросли объемы досрочного погашения ипотечных кредитов и составили по итогам года 846,9 млрд рублей, что превышает показатель предыдущего года на 39 %, в результате риски досрочного погашения повысились.

Рефинансирование ипотечного жилищного кредита подразумевает получение нового кредита под существующий объект обеспечения на более выгодных условиях, таким образом, происходит смена банков-залогодержателей. Рефинансирование является одним из основных факторов досрочного погашения ипотечных жилищных кредитов. Программы рефинансирования стали популярны в середине 2017 года в связи со снижением рыночных ставок. Так, средневзвешенная процентная ставка по выданным ипотечным кредитам в апреле 2015 года достигла своего максимума – 14,53 %, в декабре 2017 года составила 10,78 %, а уже в сентябре 2018 года снизилась до 9,59 %. Таким образом, рефинансирование позволяет в значительной степени снизить долговую нагрузку заемщика. Программа рефинансирования становится все более востребованной в связи с упрощением процедуры перекредитования благодаря развитию банковских технологий.

При получении ипотечного кредита рискует и заемщик. Риски для заемщиков связаны с объектом недвижимости, под который получен кредит, и с условиями выплаты кредитных платежей. Так как заемщик принимает на себя долгосрочные обязательства своевременно погашать задолженность по основному долгу и выплачивать проценты за пользование кредитом, то он должен оценить свои финансовые возможности.

Заемщик должен учитывать следующие риски:

1. Рыночный риск или риск снижения стоимости залога. Этот вид риска заключается в том, что при снижении стоимости заложенного жилья переплата за него будет велика или суммы, вырученной от его продажи, может не хватить на погашение задолженности по ипотечному кредиту банку.

2. Валютный риск возникает, если ипотечный кредит взят в иностранной валюте, а доходы заемщик получает в рублях. При росте валютного курса платеж может значительно возрасти и стать непосильным для заемщика. Полностью исключить потери от валютного риска можно только в том случае, если кредит берется в той же валюте, в которой заемщик получает основной доход. Рост рынка ипотечных жилищных кредитов в настоящее время обеспечивается в большей степени рублевыми кредитами, кредиты в иностранной валюте теряют свою привлекательность. Доля валютных ипотечных жилищных кредитов, предоставленных в 2017 году, была минимальной за всю историю наблюдений.

3. Риск потери доходов заемщика (личный дефолт). Доходы заемщика могут снизиться при утрате заемщиком трудоспособности, потере работы, снижении заработной платы, повышении расходов заемщика. В том случае, если заемщик не имеет возможности погашать кредитные обязательства, кредитор обращает взыскание на заложенное имущество. Этот риск может быть минимизирован требованием банка, ограничивающим отношение ежемесячных платежей заемщика по ипотечному жилищному кредиту к ежемесячному доходу заемщика, обычно на уровне 45 %. Для комплексной защиты от этого риска заемщику следует застраховать свою жизнь и здоровье.

4. Имущественные риски обусловлены возможностью утраты титула собственности, а также риском повреждения предмета залога. В этом случае долговые обязательства заемщика по ипотечному кредиту не прекращаются, он обязан их погасить. Защитой от этих рисков служит страхование недвижимости и титула (права собственности на недвижимость). При снижении стоимости жилья на рынке банки, выдающие ипотечные жилищные кредиты, рискуют потерять значительную часть своих денежных ресурсов.

На российском рынке ипотечного жилищного кредитования сложилась практика страховать в обязательном порядке жизнь и здоровье заемщика, утрату или повреждение объекта залога, утрату или ограничение права собственности на объект залога (титульное страхование). Страхование позволяет переложить часть непредвиденных финансовых затрат с кредиторов и заемщиков на страховые организации.

В настоящее время риски ипотечной системы растут, они вызваны слабым экономическим ростом. Так как, по оценке Минэкономразвития, темпы роста ВВП в ближайшие пять лет не превысят 1,5 %, то в этой ситуации вряд ли будет расти благосостояние населения, а значит, неплатежи по ипотеке могут увеличиваться.

Надежность и устойчивость банков, выдающих ипотечные жилищные кредиты, определяется тем, насколько эффективно осуществляется управление рисками и насколько сбалансировано распределяются риски между субъектами ипотечного кредитования. Система управления рисками, возникающими при ипотечном жилищном кредитовании, может состоять из следующих элементов:

– снижение рисков на стадии подготовки кредитного договора;

– создание резервов на покрытие потерь от рисков;

– установление стандартов кредитования, в рамках которых учитываются доходы заемщика, стоимость объекта недвижимости, срок кредита, процентная ставка по кредиту и т.д.;

– использование дифференцированного подхода при определении величины первоначального взноса;

– снижение рисков при оценке и страховании объектов недвижимости;

– предупреждение рисков путем проверки и страхования титула, жизни и здоровья заемщика, а также страхования ипотечных рисков банка;

– разработка политики управления рисками в процессе кредитования;

– эффективная работа с проблемными кредитами: отсрочка, рефинансирование, долевое участие, взыскание и другие альтернативные варианты.

Ипотечное жилищное кредитование связано с достаточным количеством рисков. При минимизации рисков ипотечного кредитования большая роль отводится правильному выбору кредитных технологий и инструментов, а также виду и форме ипотечного кредитования. Выбор должен основываться на объективной оценке возможностей и прогнозе последствий. При разработке программ ипотечного кредитования банки

должны правильно выстроить систему управления рисками, которая позволит снизить потери от негативных последствий.

Литература

1. Аналитический обзор ДОМ.РФ [Электронный ресурс]. URL: http://rusipoteka.ru/files/analytics/ahml/2018/monthly-r/02-2018.pdf

2. Кокин А.С., Осколков И.М., Трофимова Д.С., Ситников Р.Р. Анализ современного состояния рынка ипотечного жилищного кредитования в России // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2018. Т. 8. № 5А. С. 127–142.

3. Куда растет ипотека [Электронный ресурс]. URL: http://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10189139

4. О состоянии рынка ипотечного жилищного кредитования в 2017 году [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/statistics/ipoteka/am_2017.pdf

5. Трушникова Е.В., Сычев К.И., Джек Л.Н. Управление риском досрочного погашения при ипотечном кредитовании // Экономика и социум. 2015. № 1–4. С. 912–915.

Влияние цифровизации на конкурентоспособность страховых компаний

Impact of Digitalization on Competitiveness Insurance Companies

Я. ТРОФИМОВА

Трофимова Ярослава Владимировна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и социально-экономической политики Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: tro1@mail.ru

Статья посвящена проблеме влияния цифровизации на конкурентоспособность страховщиков. В статье обозначены условия цифровизации экономики России. Автором обобщены и проанализированы мировые тенденции, которые будут определять страховой рынок в будущем, выделены важнейшие потенциальные факторы конкурентоспособности страховщиков в цифровой экономике.

***Ключевые слова**: цифровая экономика, страхование, страховщик, ущерб, конкурентоспособность, факторы конкурентоспособности.*

The article is devoted to the problem of the influence by digitalization on the competitiveness of insurers. The article outlines the conditions for the digitalization of the Russian economy. The author summarized and analyzed the global trends that will determine the insurance market in the future, highlighted the most important potential factors of insurers' competitiveness in the digital economy.

***Key words**: digital economy, insurance, insurer, damage, competitiveness, factors of competitiveness.*

Цифровизация экономики. В цифровой экономике цифровая форма данных становится ключевым фактором производства, формирует информационное пространство, влияет на развитие информационной инфраструктуры и на информационно-телекоммуникационные технологии, и в итоге на развитие социально-экономической сферы. По прогнозам экспертов, внедрение цифровых технологий обеспечит почти 30-процентный рост мирового ВВП к 2025 году. Президент РФ В.В. Путин, выступая на инвестиционном форуме «Россия зовет» в 2017 г., подчеркнул значимость перехода к цифровой экономике. «Развитие цифровой экономики, запуск новых бизнес-моделей позволит российским компаниям стать более конкурентоспособными, диверсифицировать экономику, дать импульс развитию отраслей и рынков, основанных на прорывных технологических решениях» [5].

Однако без создания необходимых нормативно-законодательных, организационных, технических, социальных условий переход к цифровой экономике затруднен. В принятой Правительством РФ программе «Цифровая экономика Российской Федерации» от 28.07.17 г. № 1632-р [4] отмечено, что одной из важнейших задач является поддержка «стартапов» и субъектов малого и

среднего бизнеса в области цифровых технологий путем информационного и инвестиционного содействия. К информационной помощи относят популяризацию, обучение новым бизнес-моделям, навигацию в системе управления, координацию с другими участниками и т.д. Инвестиционная поддержка предусматривает создание специальных финансовых и налоговых условий. Появление новых видов рисков требует механизма государственного содействия рынку страховых услуг по страхованию информационных рисков.

Цифровизация предопределила появление новых тенденций на рынке страхования. Международный рынок страховых услуг в последние годы характеризуется сохранением низких процентных ставок. Трансформируется поведение страхователей в цифровую эпоху. В мире цифровизация активно стала проникать в сферу страхования с середины 1980-х гг.

Частота и интенсивность нормативных изменений в страховом бизнесе значительно выросли. Об этом свидетельствуют директива 2009/138/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС от 25.11.2009 «Об организации и осуществлении деятельности страховых и перестраховочных организаций» (Solvency II) и директива о страховом посредничестве (дистрибуции) (Insurance Distribution Directive (IDD)) 2016/97/ЕС [8] (отложена до октября 2018 г. на большей части Европы). Solvency II определяет структуру регулирования и надзора за деятельностью страховых организаций. Еврокомиссия с 2018 г. приняла новые правила в рамках Директивы IDD, которые применяются к страховым полисам, не связанным со страхованием жизни. Они ориентированы на предоставление потребителям всей необходимой информации при покупке страховых продуктов по страхованию жилья, автомобилей и путешествий. Директива IDD направлена на создание равных условий между страховыми дистрибьюторами в ЕС. В Еврокомиссии отмечают, что «это дает гарантию клиентам получить одинаковые стандарты выбора и обслуживания в страховании, независимо от страны приобретения страховых услуг в рамках ЕС».

Трансформация рынка страховых услуг. Появление коммерческих банков на рынке страховых услуг усиливает конкуренцию и расширяет круг конкурентов. За 9 месяцев 2017 г. доля продаж через кредитные организации в России выросла на 5,2 процентных пункта и достигла 28,5 % при одновременном сокращении продаж по остальным каналам сбыта [2].

Тенденции мирового рынка свидетельствуют о том, что большую прибыльность стали показывать нишевые страховщики (агрострахование, авиастрахование, морское страхование и другие) по сравнению с универсальными компаниями. Так, «Continental Corporation» (США) специализируется на перестраховании и страховании грузов; «Winterthur» (Швейцария), «Tof Fire & Marine Reinsurance» (Япония) и «Alianza» (Мексика) – на авиационных рисках, «Marsh» (США) – на киберрисках [3, *48*]. Таким образом, страховые компании переходят от диверсификации к специализации и обособлению отдельных видов страховой деятельности.

Появление новых продуктов влияет на систему страхования и ее технологии. Страховая отрасль вынуждена адаптироваться к новым потребностям клиентов и рискам, связанным с ростом продаж инновационной продукции. Так, страхование электромобилей, электронных велосипедов, электронных скутеров эволюционирует от нишевого бизнеса к массовому рынку [7]. По прогнозам шведской компании «EV-Volumes», к концу 2018 г. в мире будет эксплуатироваться около 5 млн электромобилей [9]. Производство «самоуправляемых» автомобилей ведущими мировыми автопроизводителями расширяет рынок объектов страхования и изменяет величину страховой премии.

На международном уровне стратегии продаж страховых услуг активно используют online-продажи. По информации Российского союза автостраховщиков, доля электронного обязательного автострахования (е-ОСАГО) в 2018 г. резко выросла и составила в I квартале 2018 г. 41,3 %, или 3,4 млн интернет-страховок, от всех продаж страховок ОСАГО (за I квартал 2017 г. – 8,9 %, или 745 тыс. интернет-страховок) [1], что связано с принятием е-ОСАГО в число обязательных видов страхования. Лидерами среди страховых компаний стали Альфастрахование, РЕСО-Гарантия и Росгосстрах. В России компания «Сбербанк Страхование» запустила online-продукт «Защита карт on-line» – это страхование от неправомерного (мошеннического) списания денежных средств с банковских карт, выпущенных «Сбербанком». Россия планирует к 2020 г.

ввести обязательное страхование от киберрисков для отдельных объектов (аэропортов и вокзалов, банков и предприятий стратегических отраслей промышленности, иных компаний, занятых обработкой и хранением данных – мобильные операторы, крупные IT-компании и т.д.). Компания «Ингосстрах» запустила два инновационных страховых продукта: удаленное страхование жилья, удаленное оформление КАСКО на автомобиль через мобильное приложение на основе технологии видеофиксации. Но в целом классическая система страхования в России меняется медленно. Для нее характерно проникновение коммерческих банков на рынок страхования в качестве страховщиков, а также постепенный переход к новым формам предоставления услуг: online-продажи страховых полисов, мобильные приложения и личные кабинеты. Страховые организации пока крайне неохотно перестраивают свои традиционные модели управления на цифровую схему.

Факторы конкурентоспособности страховщика. Вариативность конкурентной среды приводит к модификации факторов конкурентоспособности страховых компаний. Детальная классификация факторов конкурентоспособности позволяет выбрать наиболее верное управленческое решение в конкретной рыночной ситуации [6, *237*]. По нашему мнению, к факторам конкурентоспособности страховщика можно отнести:

– большее внимание к персональным продуктам и возможностям их модификации (ориентация на отдельные рыночные ниши);

– внедрение индивидуальных тарифов;

– переход на информационные технологии;

– усиление позиций андеррайтинга, в том числе «автоматизированного андеррайтинга» (оценка рисков и принятие решений на основе информационных технологий, анализ данных в режиме реального времени, интеллектуальная аналитика);

– дополнение стратегии риска стратегиями продаж и продуктов;

– сохранение долгосрочной лояльности клиентов и рост продаж страховых услуг путем хранения больших объемов информации о клиентах, их претензиях и потребностях;

– расширение консультационных услуг.

Изменение факторов конкурентоспособности страховых компаний предполагает смену корпоративной культуры в сторону децентрализации управления и создания проектных групп, развивающих информационные технологии, внедрение Agile-подхода.

В ходе совместного исследования разработчиков программного обеспечения «Adesso Insurance Solutions» и страховой компании «Versicherungsforen Leipzig» были выделены факторы, которые будут влиять на деятельность страховщиков в ближайшем будущем: искусственный интеллект, big-данные, социальные сети, интернет, «умный дом», киберпреступность, природные катастрофы, транспарентность, индивидуализация, потребитель как полупрофессионал [10].

Новые технологии, став конкурентными преимуществами страховых компаний, позволяют сократить число мошенничеств, прежде всего в страховании имущества и страховании от несчастных случаев, снизить размер выплачиваемого ущерба, улучшить условия обслуживания клиентов. Ущерб от мошенничества в сфере страхования составляет только в Германии 6 млрд евро ежегодно. Страховое мошенничество ежегодно увеличивается на 10 %. Программы на базе искусственного интеллекта позволяют анализировать общее количество претензий, поданных клиентами, сопоставлять с информацией в социальных сетях и тем самым уменьшать уровень мошенничества в сфере страхования со стороны клиентов.

Страховая компания «Versicherungskammer Bayern» через свою online-страховую компанию «Bavaria Direkt» в сфере автострахования предлагает клиентам выбирать различные способы оплаты страховых услуг. В дополнение к классической оплате клиент может выбрать более качественные предложения и таким образом увеличить свою сумму возмещения.

Телематические решения позволяют быстрее оценить нанесенный ущерб (сократить до 8,5 минут вместо 16 минут) и автоматизировать процесс урегулирования претензий, например, в автостраховании. Метод «блочной цепи», реализуемый страховой компанией «Axa France», позволяет

автоматизировать возмещение претензий авиапассажирам в случае задержки рейса более чем на 2 часа (функционирует через блокчейн с международной базой данных по авиаперелетам).

Появляются новые инструменты анализа, используемые в страховании. Страховая компания «Kölner D&O-Versicherer VOV» использует систему прогнозирования, построенную на искусственном интеллекте (KI-Analysetool), которая анализирует множество файлов претензий, сопоставляет заявления, аргументы и ответы, что позволяет с высокой точностью предсказать результаты судебных дел. Системы на базе искусственного интеллекта (например, технологии машинного обучения) позволяют уменьшить страховые резервы, повысить качество страхового портфеля компании. До 70 % расходов страховых компаний связано с управлением потерями, и именно данная область имеет наибольший потенциал экономии и может быть автоматизирована [11].

Таким, образом, цифровизация экономики приводит к выделению новых видов деятельности и модификации традиционных сфер. Мировой рынок страховых услуг значительно трансформируется за счет внедрения новых технологий. Использование информационных ресурсов в сфере страхования становится объективной необходимостью для страховщиков, ориентированных на рост конкурентоспособности. Последнее в условиях рынка неразрывно связано с поиском средств максимального удовлетворения клиентов. Новейшие технические решения создают предпосылки для появления новых видов рисков либо усиления важности существующих, изменяются объекты страхования, возникают новые формы страхования. На едином европейском рынке страхования усиливается стандартизация и одновременно нишевое развитие и индивидуализация. Страховщики, внедряя новые информационные технологии и новые формы управления, снижают стоимость страховых полисов, расширяя круг потенциальных клиентов и, одновременно, повышают эффективность своей хозяйственной деятельности. Страхователи, используя предлагаемые информационные решения, экономят время и получают более экономичные страховые услуги.

Литература

1. Доля е-ОСАГО достигла 41,3 % – РСА [Электронный ресурс]. URL: https://osagoonline.info/novosti/41-percent/

2. Доля продаж страховок через интернет за 9 месяцев выросла на 1,7 п.п., до 2,1 % – ВСС [Электронный ресурс]. URL: http://www.insur-info.ru/ press/132250/

3. Лобанов С. Больше жизни // Эксперт. 2017. № 29. С. 46–48.

4. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/rugovclassifier/614/events/

5. Путин В.В. Развитие цифровой экономики позволит компаниям РФ стать более конкурентоспособными [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/ekonomika/4672692

6. Трофимова Я.В. Факторы, определяющие конкурентоспособность предприятия // Управление конкурентоспособностью региона: стратегии, модели, информационное обеспечение, Рег. науч.-практ. конф. Йошкар-Ола, 2011. 280 с.

7. Auswirkungen der Elektromobilität auf die Versicherungswirtschaft // ZfV. 2018. № 5 [Электронный ресурс]. URL: https://www.allgemeiner-fachverlag.de/ auswirkungen-der-elektromobilitaet-auf-die-versicherungswirt-schaft/

8. Insurance Distribution Directive (IDD): the MiFID of insurance [Электронный ресурс]. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/gr/Documents/financial-services/ 20directive_noexp.pdf

9. Electric and plug – in hybrid cars whiz past 3m mark worldwide // The Guardian [Электронный ресурс]. URL: https://www.theguardian.com/ environment/2017/dec/25/electric-and-plug-in-hybrid-cars-3m-worldwide

10. Kompositversicherung: Faktoren für die Zukunftsfähigkeit [Электронный ресурс]. URL: https://www.cash-online.de/versicherungen/2018/komposit-versicherung-faktoren-fuer-die-zukunftsfaehigkeit/

11. Schmidt-Kasparek U. Zukunfts-Studie: Schadenbearbeitung bald vollautomatisch [Электронный ресурс]. URL: https: //www. versicherungs-magazin.de/rubriken /branche/zukunfts-studie-schadenbearbeitung-bald-voll-automatisch-2055612.html

Рубль как резервная валюта

Ruble as a Reserve Currency

А. ГАЛИМОВ

Галимов Амир Рамилевич, специалист по обеспечению сбыта ООО «Филип Моррис Сэйлз энд Маркетинг» (г. Екатеринбург). E-mail: galimov-amir@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные со становлением рубля как мировой резервной валюты. Делается анализ сложностей, которые стоят на пути рубля к этой вершине, различий между рублем, Россией и главной резервной валютой долларом и экономикой США. Делается обоснование преждевременности становления рубля резервной валютой и предлагаются пути решения вопросов, связанных с этим процессом.

***Ключевые слова**: рубль, резервная валюта, доллар, государственный долг.*

The article deals with the issues related to the formation of the ruble as a world reserve currency. The analysis of difficulties that stand in the way of the ruble to the summit, differences between the ruble, Russia and the main reserve currency the dollar and the US economy. The substantiation of prematurity of formation of ruble reserve currency is made and ways of the solution of the questions connected with this process are offered.

***Key words**: ruble, reserve currency, dollar, national debt.*

Долгое время идут разговоры как среди руководителей страны, так и среди экономистов о необходимости превращения рубля в валюту взаиморасчетов с нашими торговыми партнерами. Новый импульс этой идее дал Восточный экономический форум 2018, где были как вновь озвучены идеи перехода во взаиморасчетах на национальные валюты, так и приведены примеры реально проводимых сделок [1]. Так, например, «Алроса» продала в Китай алмазы за рубли, при этом сделка оказалась менее выгодной, чем, если бы она прошла в долларах США. Так произошло за счет колебаний курсов «рубль – доллар», «юань – доллар», при этом доллар никуда не ушел, поскольку курс алмазов номинирован в долларах, как и подавляющее количество сырьевых товаров.

Некоторые идут еще дальше и говорят о необходимости сделать рубль одной из резервных валют. Такие идеи получили новый толчок после появления санкций, направленных ведущими экономиками мира против России. Особенно чувствительны санкции, идущие от руководства США в направлении ограничения финансовой свободы нашей страны. Особую силу властям США в санкционном вопросе дает контроль над главной мировой валютой – долларом, в котором идут все основные взаиморасчеты мировой экономики. На этом фоне идея перевода взаиморасчетов России со своими контрагентами, особенно за поставки энергоресурсов в рубль или любую другую валюту, над которой страны, объявившие санкции нашей стране, не властны. Довольно часто отечественные экономисты и политики, наряду с рублем говорят о возможности перехода с доллара на китайский юань.

Все эти доводы довольно весомы и имеют право на существование. При этом переход от валюты одной соперничающей с нами страны на валюту другого соперника может быть и выгодно, но, с нашей точки зрения, это лишь временная выгода, поэтому предлагаем рассмотреть вопрос о становлении рубля в качестве такой валюты. Основными отличиями доллара США от других валют можно назвать: поддержку первой экономики мира, последствия планомерной политики США по становлению мировой валюты на протяжении всего XX века, когда это удалось лишь после двух мировых войн, структурных изменений в экономике, приведших к ее трансформации, нацеленной на производство товаров для нужд экономики, производящей в большей степени услуги, в том числе финансовые. По сути, считаем, что такая трансформация привела к превращению Америки в аккумулятор долларовой ликвидности планетарного масштаба. При стабильном развитии мировой экономики ликвидность перетекает в развивающиеся рынки, разгоняя экономическую активность, при угрозе же падения или замедления ликвидность возвращается обратно в США, еще больше замедляя рынки и экономики, с которых она исходит. Все это

создало ситуацию, при которой даже в нестабильное время экономической волатильности имеется одна стабилизирующаяся на общем фоне валюта (за счет возврата в стан происхождения валюты США крепнет, «раскачивая» при этом сначала экономики развивающихся, а потом и всех остальных стран) с наличием не только стабильной валюты, но и стабильного рынка (за счет отсутствия внешних потрясений, связанных с волатильностью курсов валют). Несомненно, такая ситуация создает относительную стабильность экономики, а именно стабильность инвестиций, особенно в финансовый сектор. При этом в долгосрочной перспективе такая позиция национальной валюты, вкупе с принципом свободной торговли, приводит к долгосрочной неконкурентоспособности американских товаропроизводителей перед их иностранными конкурентами, особенно если продукция не отличается высокой капиталоемкостью. Таким образом, экономика будет терять сначала производства прошлых технологических укладов, на сегодняшний день это, например, черная металлургия, добыча ряда углеводородов, таких как торф и уголь, текстильная промышленность и др. Одновременно с уходом этих отраслей из страны процветают те сферы, которые требуют высоких инвестиций. Экономика трансформируется с производящей на разрабатывающую с преобладающей долей сферы услуг.

Россия, несомненно, способна на подобный шаг, при котором конкурентным преимуществом отечественной экономики будет наличие сильной свободно конвертируемой валюты. Однако на сегодняшний день это невозможно в силу ряда внутренних причин, таких как: высокая волатильность рубля, слабая развитость финансового рынка, отсутствие сильной экономики, способной поддержать такую валюту. Вместе с этим необходимо проанализировать целесообразность такого шага. Что именно это даст экономике и стране в целом?

Предположим, что это уже свершившийся факт, по аналогии с уже описанными процессами миграции капитала при внешнеэкономической нестабильности экономика страны не способна будет принять сколько-нибудь большой объем валюты, так как деньги должны «работать», им необходимо надежное вложение, где надежность превышает интересы выгоды, сейчас таким инструментом являются государственные ценные бумаги США. С учетом того, что все компании РФ, торгующие на ММВБ, по суммарной стоимости меньше одной американской компании Apple, о соразмерности госдолга РФ и США также не может быть и речи. Для сравнения госдолг США сейчас составляет более 21 трлн долл., у России, по данным Минфина РФ [5], госдолг чуть больше 47,3 млрд долл., то есть в 444 раза меньше, чем в США, или 0,225 %. Если учитывать объем долговых обязательств, номинированных в долларах и рублях, разрыв будет еще больше, а это, нельзя не согласиться с В. Иноземцевым, стимул ЦБ разных стран закупать валюту, в которой номинированы долги государства и корпорации этой страны [5], и этот стимул во много раз сильнее у доллара США, нежели у рубля. Именно вопрос номинирования долговых обязательств очень часто упускается из вида как главный стимул использовать какую-либо конкретную валюту. Нельзя не согласиться с С. Наркевичем в том, что основным стимулом использования той или иной резервной валюты является ее стабильность [4], особенно ее защищенность от инфляции. Такая позиция приводит к дифференциации политик российского и американского Центробанка, американский снабжает рынок ликвидностью, российский, наоборот, – ее «высасывает», объясняя это борьбой с инфляцией. При прочих равных условиях это создает искусственно созданную ситуацию дефицита ликвидности российской валюты, что осложняет ее использование из-за дороговизны ее привлечения по сравнению с другими мировыми валютами. Можно возразить, предположив, что с началом выведения рубля на мировую арену потоки капитала повысят емкость и ликвидность отечественного и фондового рынка и госдолга. Данный довод в корне не верен, поскольку это дестабилизирует экономику и «подсадит» ее на постоянные выплаты дивидендов за пределы страны. К примеру, госдолг Японии – самый высокий в мире на пересчете отношение госдолга к ВВП и составляет более 250 %, при этом Япония сохранят стабильность за счет структуры долга, основными держателями являются сами японцы. В США же нет проблемы выплат дивидендов за рубеж, так как основные держатели акции сами граждане страны. Нельзя не согласиться с А. Лысоконь в том, что фрагментация мировой экономики усиливается, что ведет к усилению роли региональных валют, которые играют все большую роль в мировой торговле [3].

Таким образом, прежде чем превращать рубль в свободно конвертируемую валюту, которой будут пользоваться многие страны и которая станет одной из резервных валют, необходимо как минимум повысить емкость отечественного фондового рынка и объем госдолга, торгующегося на бирже до уровня, способного поглотить излишнюю ликвидность с внешних рынков, без излишнего изменения цен, кроме того, чтобы не попасть в ловушку высоких процентных платежей, уходящих за рубеж, доходность от таких операций должна быть минимальна. На сегодняшний день доходность от вложения в облигации госдолга РФ кратно превосходит такие же показатели других стран, и используется данный инструмент в большей степени для уменьшения объема свободной ликвидности для борьбы с инфляцией. Кроме того, необходимо создать избыточный объем ликвидности для снижения волатильности при повышенном спросе на рубли со стороны стран импортеров наших товаров и услуг. Пока всего этого нет, можно обратить внимание на криптовалюту и развивать это направление.

Литература

1. Восточный экономический форум [Электронный ресурс]. URL: https://forumvostok.ru/programme/

2. Карелин И., Смагин М. Международный валютный фонд и Россия: взаимоотношения в период реформирования // Финансы и кредит. 1998. № 6.

3. Лысоконь А.В. Формирование международного финансового центра в г. Москве как фактор укрепления позиций России в глобальной экономике: дис. … канд. экон. наук. М., 2013. 168 с.

4. Наркевич С.С. Региональные резервные валюты: понятие, функции и определяющие факторы: дис.… канд. экон. наук. М., 2013. 130 с.

5. Структура государственного внешнего долга Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.minfin.ru/ru/perfomance/public_debt/ external/structure/

6. Тщетные надежды. Может ли рубль стать одной из резервных валют [Электронный ресурс]. URL: http://www.forbes.ru/mneniya/makroekonomika/331769-tshchetnye-nadezhdy-mozhet-li-rubl-stat-odnoi-iz-rezervnykh-valyut

Анализ движения средств Фонда социального страхования

Cash Flow Analysis of the Social Insurance Fund

Г. НИГМАТУЛЛИНА, И. ГИРФАНОВА, А. ХАЗИЕВА, И. ХАНОВА

Нигматуллина Гульнара Рашитовна, канд. экон. наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, статистики и информационных систем в экономике Башкирского государственного аграрного университета (БГАУ). E-mail: nigmatullina419@yandex.ru

Гирфанова Ирина Насхетдиновна, канд. экон. наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, статистики и информационных систем в экономике БГАУ. E-mail: irina13091970@mail.ru

Хазиева Айгуль Мунавировна, старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета, статистики и информационных систем в экономике БГАУ. E-mail: energy_girl_88@mail.ru

Ханова Илюза Марваровна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономико-правового обеспечения безопасности Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета. E-mail: iluza7@yandex.ru

В статье анализируется формирование и расходование средств Фонда социального страхования РФ. Федеральное социальное страхование – это государственная система социальной защиты населения, особенностью которого является исполнение в согласии с федеральным законом страхования работающих граждан от потенциальных изменений в материальном и (или) социальном положении.

***Ключевые слова**: фонд обязательного социального страхования, доходы, расходы, внебюджетные фонды.*

The article analyzes the formation and expenditure of the Social Insurance Fund of the Russian Federation. Compulsory social insurance is a part of the state system of social protection of the population, the specificity of which is the insurance of working citizens in accordance with the federal law from possible changes in the material and (or) social status, including circumstances beyond their control.
***Key words**: mandatory social insurance fund, incomes, expenditures, extra-budgetary funds.*

Фонд социального страхования Российской Федерации (ФСС) – это государственный внебюджетный фонд, который основан с целью исполнения обязательств по социальному страхованию граждан России. Фактически Фонд выступает специализированной макроструктурой, гарантирующей действие всей системы государственного социального страхования и социальной защиты населения.

Фонд социального страхования Российской Федерации, наряду с другими социальными государственными внебюджетными фондами, не входит в состав общего бюджета страны и ратифицируется в форме независимого федерального законодательства.

Бюджет ФСС РФ на 2017 г. был утвержден на следующем уровне: прогнозируемый общий объем по доходам в сумме 642,2 млрд рублей, объем по расходам в сумме 683,4 млрд рублей, объем дефицита составил 41,2 млрд рублей [3].

Установлено, что в доходную часть бюджета ФСС в 2017 г. поступило 691,8 млрд рублей, что выше, чем в 2016 г., на 75,4 млрд рублей (+12 %) и 49,9 млрд рублей (+8 %) к уровню запланированного бюджета. Что касается расходной части, то наблюдаются следующие соотношения: к уровню 2016 г. увеличение составило 5,9 млрд рублей (+1 %), и уроню запланированного бюджета, сокращение составляет 12,6 млрд рублей (–2 %). Вместо запланированного дефицита 41,2 млрд рублей профицит составил 21 млрд рублей.

Проанализировав поступление и расходование средств Фонда социального страхования РФ по данным, публикуемым Федеральной службой государственной статистики, можно отметить следующие изменения: в соотношении доходов и расходов до 2007 г., а также в периоде с 2011 по 2014 г. и за 2017 г. преобладают в большей степени доходы. А с 2007 по 2010 г. и с 2015 по 2016 г. расходы превышают доходы. Для наглядности соответствующие данные представлены на рис. 1.

Рис. 1. Соотношение поступления и расходования средств Фонда социального страхования РФ (млн руб.; до 1998 г. – млрд руб.).

Однако рисунок 1 не точно отражает соотношение расходов и доходов Фонда социального страхования РФ, так как в таком случае в общую сумму поступлений включены и поступления из федерального бюджета. Если исключить из общей суммы поступления из федерального бюджета, то график будет иметь несколько иной вид (рис. 2).

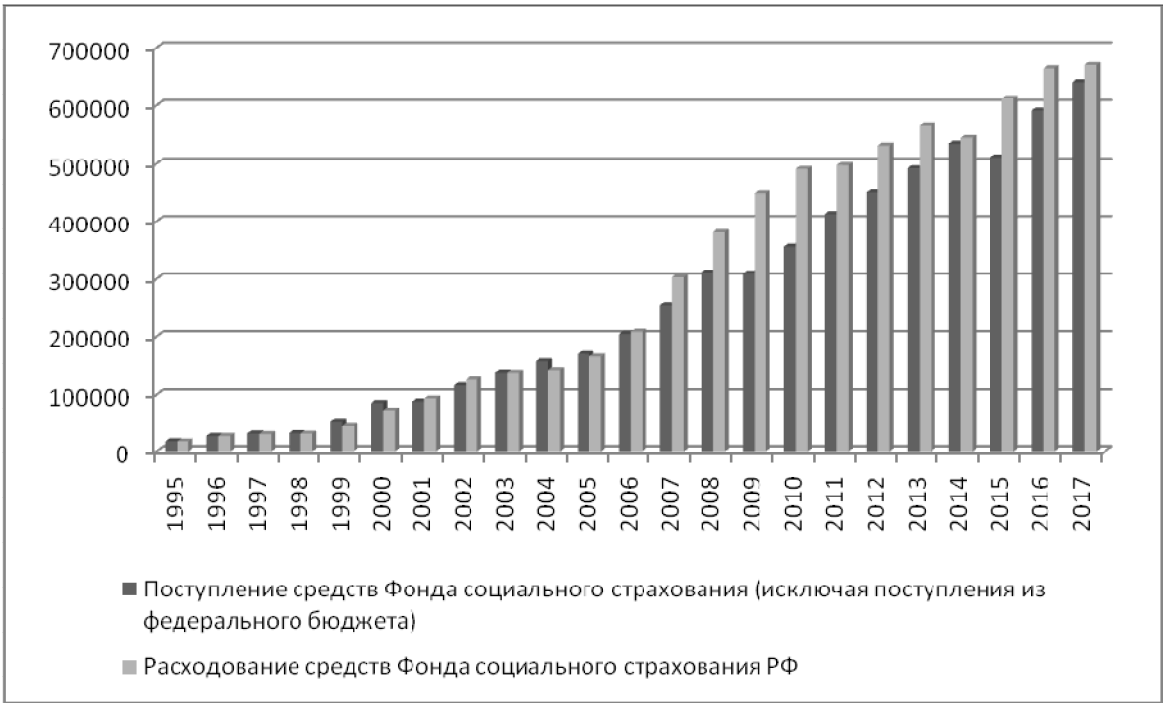


Рис. 2. Поступление (исключая поступления из федерального бюджета) и расходование средств Фонда социального страхования РФ (млн руб.; до 1998 г. – млрд руб.)

Так, по данным рисунка 2 видно, что начиная с 2006 г. расходы значительно превышают доходы. Причем с каждым годом дефицит средств Фонда социального страхования РФ возрастает. Чтобы показать дефицит источников Фонда социального страхования РФ, отразим его на графике (рис. 3).

Рис. 3. Дефицит (–), профицит (+) средств Фонда социального страхования РФ (млн руб.; до 1998 г. – млрд руб.)

Так, из рисунка 3 видно, что соотношение между доходами и расходами колеблется в ту или иную сторону до 2014 г., а начиная с 2014 по 2016 г. наблюдается дефицит средств.

Удельный вес поступлений из федерального бюджета в общей сумме положительных потоков Фонда социального страхования рассмотрен в таблице.

Удельный вес поступлений из федерального бюджета к общей сумме поступлений Фонда социального страхования РФ (млн руб.; до 1998 г. – млрд. руб.)*

Годы	Положительные денежные потоки Фонда социального страхования РФ, всего	В том числе из бюджета страны	Удельный вес поступлений из бюджета страны в общей сумме доходов Фонда социального страхования РФ, %
1995	17597	28	0,16
2000	86581	580	0,67
2005	186692	16877	9,04
2010	463777	109082	23,52
2015	541282	30440	5,62
2016	616414	25032	4,06
2017	691825	50083	7,24

* Таблица составлена на основе данных, представленных на сайте Федеральной службы государственной статистики.

Таблица сформирована по пятилеткам, развернуто показаны только последние три года. При этом с 1995 по 2005 г. часть финансирования из федерального бюджета в общей совокупности положительных денежных потоков Фонда социального страхования РФ имеет значение от 0,16 до 9,04 %, с 2007 г. это значение увеличивается в разы и достигает 30 %, но затем идет на постепенный спад и в 2017 г. сокращается до 7 %.

Представим в виде отдельного графика долю поступлений из федерального бюджета к общей сумме поступлений Фонда социального страхования РФ (рис. 4).

На рисунке 4 показано, что значительное увеличение доли бюджетных поступлений приходится на 2009 г.

Рис. 4. Доля поступлений из федерального бюджета в общей сумме денежных потоков Фонда социального страхования, %

Основной причиной снижения поступлений в ФСС РФ с 2005 г. можно считать вступление в действие положений Налогового кодекса, позволяющих снижать налоговую нагрузку на плательщиков в отношении единого социального налога и налога на прибыль, определяемых расчетным путем в отношении производимых выплат работникам предприятия, а также оказало влияние снижение налоговой ставки с 35 % до 24 %. Аналогичная тенденция поступлений средств в этот период прослеживается по всем фондам социального страхования и обеспечения РФ.

В заключение можно сделать вывод, что на деятельность социального страхования существенное влияние оказало снижение ставки в то время еще действовавшего единого социального налога. Что привело к увеличению расходов над доходами и соответственно увеличению бюджетных поступлений в фонды. Данные факты свидетельствуют о несовершенстве системы социального страхования РФ.

Литература

1. Абраменко А.М., Маро Л.А. Социальные внебюджетные фонды, проблемы и их развитие // Научное мышление молодых ученых: настоящее и будущее, 2017. С. 213–222.

2. Лебедович Я.В. Система социальной защиты: эволюция и взаимосвязь категорий // Финансы и кредит. 2017. № 23. С. 48–55.

3. Налоговый кодекс Российской Федерации (Ч. 2) от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ: принят Государственной Думой и одобр. Советом Федерации 19.07.2000 г.: (ред. от 03.08.2018 г.) // СПС «Консультант Плюс».

4. Ногина О.А. Контроль за деятельностью государственных внебюджетных фондов: автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2017. С. 10–11.

5. Постановление Правительства РФ «О Фонде социального страхования РФ» от 12.02.1994. № 101 // СПС «Консультант Плюс».

6. Федеральный закон «О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов» от 19.12.2016 № 417-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_208992/

7. Федеральный закон «Об основах обязательного социального страхования» от 16.07.1999. № 165-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

8. Шанина А.Н., Гасий С.К. Использование средств бюджета государственными внебюджетными фондами // Наука и образование в жизни современного общества. 2015. С. 168–171.

Об эндаумент-фондах в вузовской среде

About Endowment-funds in the University Environment

Г. ИСЛАКАЕВА

Ислакаева Гузель Разимовна, канд. экон. наук, заместитель заведующего лабораторией исследований социально-экономических проблем регионов Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: Islakaeva@list.ru

В статье изучен опыт эндаумент-фондов в вузах США как наиболее успешный в зарубежной практике. Выявлено, что в США успех развития эндаументов обусловливается особенностями взаимодействия вузов с его выпускниками через «тонконастроенные» неформальные институты. В американских вузах заинтересованность попечительского совета в развитии института эндаумента объясняется его положением в иерархии системы управления вузом, как главного органа управления. Все эти особенности не свойственны системе российской высшей школы, что не стимулирует вузы проявлять активность в создании эндаумент-фондов.

***Ключевые слова**: эндаумент-фонд, эндаумент, вузы, попечительский совет, финансирование.*

The experience of endowment funds in US universities has been studied, as the most successful in foreign practice. It is revealed that in the USA the success of development of endowments is conditioned by the peculiarities of interaction between universities and its graduates through «subtle» informal institutions. In American universities, the interest of the board of trustees in the development of the institution of the endowment is explained by its position in the hierarchy of the management system of the university, as the main governing body. All these features are not characteristic of the system of the Russian higher school, which does not stimulate the activity of endowments in universities.

***Key words**: endowment fund, endowment, universities, board of trustees, financing.*

Эндаумент-фонды[1] являются дополнительным источником финансирования системы высшего образования, наряду с региональными и местными бюджетными источниками, что становится возможным в рамках повышения самостоятельности региональных и местных властей в решении местных вопросов, в частности в решении вопросов высшего образования страны [4]. Эта форма дополнительного финансирования получила развитие в вузах многих стран в конце прошлого столетия, таких как Франция, Канада, Великобритания, Сингапур, Австралия и др. Вклад от эндаументов в бюджеты вузов различается между странами. Наибольшие поступления от эндаументов наблюдаются в американских вузах – до 50 % от годового бюджета вуза [6]. Из числа развивающихся стран в качестве примера такого высокого уровня самостоятельности региональных и местных властей можно привести Китай [5].

В России создание эндаумент-фондов в вузах стало возможным с принятием в 2006 году Федерального закона от 30.12.06 № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций». Совместно с этим законом были приняты поправки в Налоговый кодекс, освобождающие доход от целевого капитала эндаумент-фондов от налога на прибыль. С тех пор предпринимаются попытки создания эндаумент-фондов в ряде вузов. Однако в РФ процесс создания эндаументов идет очень медленно. На 1 января 2014 г. в России зарегистрировано 56 вузовских фондов, из них 36 передали в доверительное управление [9]. При этом в России эндаумент-фонды в основном созданы в «статусных» и в столичных вузах, а не в рядовых. К 2016 г. крупнейшие эндаумент-фонды были созданы в МГИМО (1410 млн руб.), РЭШ (320 млн руб.), Финансовом университете (268 млн руб.), Европейском университете Санкт-Петербурга

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-46-020762 р_а.

[1] Фонд целевого капитала, или эндаумент-фонд, – это целевой фонд, сформированный за счет частных пожертвований.

(1254 млн руб.), СПбГУ (1004 млн руб.), Сколтех (4032 млн руб.), РАНХиГС (553 млн руб.), Дальневосточном федеральном университете (300 млн руб.), Северо-Восточном федеральном университете (400 млн руб.) [11].

Для понимания проблем развития эндаумент-фондов в вузах РФ обратимся к опыту США как наиболее успешному в зарубежной практике. Формирование эндаумент-фондов лежит в зоне ответственности попечительского совета вуза. Поскольку попечительский совет наделен правом управления в вузе, соответственно им проявляется заинтересованность в пополнении бюджета вуза. Все попечители вузов независимо от формы их собственности (государственной или частной) решают вопросы по инвестированию средств в эндаумент-фонды. Как правило, эти пожертвования поступают со стороны корпораций, бизнесменов, благотворительных фондов, а также непосредственно и самих попечителей. Поэтому неудивительно, что в попечительских советах большое число представителей бизнеса. Например, в госвузах половина попечителей является бизнесменами [1]. Попечительские советы частных вузов состоят только из представителей корпораций, они и являются донорами вуза. К примеру, Кеннет Лангоне, владелец концерна Home Depot в США, пожертвовал 200 миллионов долларов на нужды медицинского факультета Нью-Йоркского университета. Он был назначен вице-председателем Нью-Йоркского университета и вице-председателем попечительского совета Медицинского центра [2].

В США поступления в бюджеты из эндаументов составляют большую долю в частных вузах, нежели в государственных. Это объясняется тем, что ожидания от попечителей госвузов и частных вузов несколько отличаются. Если от попечителей госвузов, прежде всего, ожидают отстаивания интересов вуза по сохранению выделения бюджетных средств, то от попечителей частных вузов ожидают непосредственное вложение собственных средств [1].

Многие из тех, кто вносят пожертвования в эндаумент-фонды американских вузов – это бывшие выпускники, как правило, достигшие больших карьерных успехов и финансового благополучия в жизни [1]. Университеты развивают сотрудничество в рамках организаций, объединяющих выпускников, вовлекая максимально возможное их число, и, таким образом, увеличивают годовой объем поступлений в эндаументы. К примеру, в Пристонском университете доля выпускников, осуществляющих взносы в эндаумент-фонд своего университета, составила 64 %, в Йельском университете – 45 %, в университете Стэнфорда – 39 % [3].

Как отмечает проректор по развитию Колумбийского университета [8], в вузах США тесное взаимодействие с выпускниками устанавливается через «тонконастроенные» неформальные институты. Сотрудничество с будущими выпускниками начинается со студенческой скамьи и продолжается на протяжении всей их жизни (тогда как российские вузы начинают эту работу после окончания студентами вуза и ищут тех, которые достигли карьерных высот, финансового благополучия). Фундамент для такого сотрудничества закладывается путем формирования или воспитания чувства осознания студентами себя частью «семьи» в лице вуза.

Кроме того, пополнение эндаумент-фондов со стороны коммерческих компаний отчасти является результатом протестного отношения американского общества к сверхдоходам определенных компаний или их деятельности, порождающей негативные эффекты для самого же общества (например, предприятия, осуществляя вредные выбросы в окружающую природную среду, наносят вред здоровью общества). Поэтому владельцы огромного благосостояния с целью улучшения своего делового имиджа в обществе оказывают пожертвования в различные благотворительные фонды, в частности в эндаумент-фонды университетов.

Российский опыт развития эндаумент-фонда в вузах пока не демонстрирует большие успехи в привлечении частных средств и выстраивании отношений с выпускниками. Вместе с тем, отличаются источники формирования эндаументов между столичными и провинциальными вузами. Так, согласно результатам аналитического отчета 2017 г., в столичных вузах основной объем пожертвований создается за счет успешных состоявшихся выпускников, в провинциальных это превращается в профанацию, для отчетности такие фонды создаются за счет студентов и преподавателей [10]. В литературе приводятся разные точки зрения, объясняющие, почему эндаумент-фонды не получили широкого развития в практике российских вузов [3–6].

Так, по мнению ректора ВШЭ Н.Б. Кузьминова, это связано отчасти с текущим недофинансированием вузов. Вузы, принимая пожертвования, сталкиваются с выбором: либо их направлять на текущие проекты, либо вкладывать в эндаумент-фонды. В условиях, когда вузы сталкиваются с финансовыми трудностями, им приходится жить «сегодняшним днем», поэтому вопрос формирования эндаумента для них является достаточно сложным [8].

Кроме того, существует точка зрения, что для РФ такой финансовый инструмент, как эндаумент-фонд, не подходит. В современных условиях функционирования российским вузам практически не представляется возможным сформировать эндаументы в объеме достаточном для того, чтобы обеспечить устойчивый рост от их инвестирования. В России лишь небольшое число вузов смогли сформировать эндаумент-фонды объемом более 1 млрд рублей, для основной же части вузов достичь подобного объема является практически непосильной задачей, поэтому создание эндаумент-фондов в российских вузах нецелесообразно [7].

В числе других причин, с которыми связаны проблемы развития эндаументов в РФ, некоторые исследователи называют: 1) нехватку профессиональных кадров внутри вузов, способных привлекать внебюджетные средства, как на текущее развитие, так и в эндаументы; 2) небольшой объем средств многих эндаументов не позволяет зарабатывать достаточно, чтобы еще и приглашать на работу инвестиционных специалистов, которые бы профессионально делали выбор в пользу той или иной управляющей компании, контролировали бы инвестиционный портфель на должном уровне. В силу отсутствия полноценного высокопрофессионального управления средствами эндаумент-фондов, соответственно, и сами фонды развиваются недостаточно динамично; низкая отдача от инвестирования средств эндаументов, в силу их небольшого объема; финансовый рынок имеет недавнюю историю относительно финансового рынка США, поэтому опыт управления эндаументами не сформировался (у США опыт управления эндаументами более 300 лет) [7].

На наш взгляд, помимо обозначенных выше причин, объясняющих, почему эндаумент-фонды не получили широкого развития в практике российских вузов, можно отнести следующие.

1. Отсутствие реальных полномочий у попечительских советов в части управления вузом на законодательном уровне. В РФ полномочия попечительских советов не регламентированы российским законодательством, их функциональный круг их обязанностей определяется самим вузом. Зачастую институт попечительства российскими вузами рассматривается лишь как источник денег, что, очевидно, не создает стимулы для формирования и пополнения попечителями эндаумент-фондов. В то время как в США попечительский совет наделен правом управления в вузе, соответственно им проявляется заинтересованность в пополнении бюджета вуза. Поэтому в РФ необходимо согласовать интересы вузов и попечительских советов на законодательном уровне, наделив определенным набором полномочий последних для управления вузом.

2. Отсутствие практики взаимодействия вузов с выпускниками, практикуемой в американских вузах. Представляется целесообразным адаптировать американский опыт сотрудничества с выпускниками, в противном случае прямое обращение к выпускникам вузов с лозунгами: «Помогите, пожертвуйте на развитие вуза!» не обеспечит успех развития института эндаумент-фонда в практике российских вузов.

Кроме того, необходимо развивать институты гражданского общества, его критическое отношение к проблемам, которые наносят вред самому же обществу, с тем, чтобы оно принуждало инициаторов этих проблем (например, предприятий) улучшать свой имидж инвестициями, в частности, в эндаумент-фонды вузов. К примеру, следует развивать более критическое отношение общества к экологическим проблемам, возникающим в ходе огромных выбросов добывающих и перерабатывающих предприятий. Для этого необходимо развивать понимание в обществе, что, если какие-то предприятия не могут избежать экологического вреда, то они должны компенсировать обществу, интернализировав внешний эффект, в частности, совершая пожертвования в эндаумент-фонды вузов. На наш взгляд, со временем это позволит существенно повысить вклад в эндаументы вузов со стороны хозяйствующих субъектов.

Литература

1. Билялов Д.Н. Органы корпоративного управления вузами: рекомендации на основе американского опыта // Вестник Национальной академии наук Республики Казахстан. № 2. 2013. С. 144–149.

2. Благотворительность: добрыми намерениями вымощена дорога в ад? [Электронный ресурс]. URL: http://www.human-crisis.com/2013/10/blog-post_29.html

3. Журавлева Н.В., Подсевалова Е.Н., Хачпанов Г.В. Механизм финансирования профессионального образования на основе привлечения спонсорских средств через эндаумент-фонды // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2012. № 4. С. 19–25.

4. Зулькарнай И.У., Бугера М.Е. Асимметрия Российской Федерации и совершенствование федеративной и региональной политики // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2000. № 6. С. 9–14.

5. Зулькарнай И.У. Стимулы экономического развития, создаваемые бюджетной системой Китая для всех уровней государственного и местного управления // Вестник УГНТУ: Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2016. № 4. С. 16–21.

6. Инвестиционный доход очищает сокровища от пыли веков // Коммерсантъ Business Guide. 2014. № 37. 15 сент.

7. Приоритеты и механизмы повышения конкурентоспособности вузов // Ректор вуза. 2014. № 8. С. 54–56.

8. Теория и практика функционирования фондов целевого капитала в высшем образовании России: сб. практ. рекоменд. для участников Междунар. науч.практ. конф. «Теория и практика функционирования фондов целевого капитала в России», МГИМО (У) МИД России, 27–29 апреля 2010 г. / под. ред. Е.С. Бирюкова, Д.А. Дегтерева, А.В. Стельмаха. М.: МГИМО, 2010. 148 с.

9. Фонды целевых капиталов. Гайдаровский форум 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.iep.ru/files/Gaidarovskij_Forum2014/2_%20 Panteleeva.pdf

10. Французова С. Аналитический отчет о динамике развития фондов целевого капитала за 2007–2017 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://penzafond.ru/assets/files/report/endowment_07-17.pdf

11. Эндаумент-фонды российских университетов. Топ-10 [Электронный ресурс]. URL: https://endowment.hse.ru/data/2016/12/27/1114773838/%D0%A3%D0%BD%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D1%8D%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B_2016.pdf

Трудовая миграция как фактор человеческого потенциала Республики Башкортостан

Labor Migration as a Factor of Human Development in the Republic of Bashkortostan

Р. ВАЛИАХМЕТОВ, Г. БАЙМУРЗИНА, М. ТУРАКАЕВ, С. АИТОВ

Валиахметов Рим Марсович, канд. соц. наук, директор Башкирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (БФ ФНИСЦ РАН). E-mail: rim_m_sifat@inbox.ru
Баймурзина Гузель Римовна, канд. экон. наук, старший научный сотрудник БФ ФНИСЦ РАН. E-mail: guzrim@mail.ru
Туракаев Марсель Салаватович, канд. соц. наук, старший научный сотрудник БФ ФНИСЦ РАН. E-mail: mturakaev@gmail.com
Аитов Сергей Геннадьевич, научный сотрудник БФ ФНИСЦ РАН. E-mail: aitovsg@mail.ru

В статье представлены результаты статистического анализа и социологических исследований трудовой миграции как фактора человеческого потенциала Республики Башкортостан. Основные факторы миграционных процессов внутри региона и за его пределами рассматриваются с позиций образовательного, трудового, демографического и экономического поведения населения. Обосновывается положение о том, что на миграционные установки населения существенно влияют не только возраст, образование и получаемые доходы, но и потенциальные возможности профессионального и личностного роста, разнообразие форм и статуса занятости, стремление получить более качественное и престижное образование и т.д.
Ключевые слова: *трудовая миграция, образовательная миграция, миграционная активность, человеческий потенциал, факторы, Башкортостан.*

The article presents the results of statistical analysis and sociological studies of labor migration as a factor of human potential of the Republic of Bashkortostan. The main factors of migration processes inside and outside the region are considered from the standpoint of educational, labor, demographic and economic behavior of the population. The article justifies the thesis that the migration attitudes of the population are significantly influenced not only by age, education and income, but also by the potential opportunities for professional and personal growth, diversity of forms and status of employment, the desire to get a better and prestigious education, etc.
Key words: *labor migration, educational migration, migration activity, human potential, factors, Bashkortostan.*

Миграционные процессы тесно связаны с благополучием региона, уровнем и качеством жизни в нем, емкостью и развитостью рынков труда, профессионально-квалификационной и половозрастной структурой населения. Как правило, усиление кризисных явлений, нестабильность в социально-экономической сфере способствуют миграционному оттоку населения, и, наоборот, благополучные в социально-экономическом отношении регионы притягивают к себе все новые и новые потоки мигрантов. Именно лица трудоспособного возраста проявляют наибольшую миграционную активность, и их передвижения из одного региона в другой, из одной страны в другую оказывают влияние на трудовой потенциал и принимающего, и отдающего сообщества, даже если причины миграции не связаны с поиском работы.

Республика Башкортостан всегда выступала донором, поставляющим население и рабочую силу на другие территории страны. Население республики и в прежние годы (советский период) активно выезжало на строительство промышленных предприятий в соседние области и республики Урало-Поволжья, на разработки нефтяных и газовых месторождений, лесозаготовок Восточной и Западной Сибири. В условиях высокого естественного прироста собственного населения

интенсивный его отток из Башкортостана не оказывал отрицательного влияния на его численность, структуру и воспроизводство рабочей силы. Население постоянно росло, молодой возрастной состав не вызывал неблагоприятных демографических и социальных последствий [6, *202*].

В настоящее время республика сохраняет роль донора и поставщика трудовых ресурсов для других регионов России, но миграционная убыль стала основным фактором сокращения ее населения. Более того, половозрастная и профессионально-квалификационная структура лиц, покидающих республику, свидетельствует об одновременном ухудшении и сокращении трудового, человеческого и экономического потенциала региона. Это обусловливает необходимость исследования условий и факторов миграционной активности в регионе, оценки ее экономических и социальных последствий, а также постоянного мониторинга ситуации и поиска механизмов сокращения миграционного оттока и привлечения населения с высоким человеческим потенциалом.

Население Республики Башкортостан отличается высокой миграционной активностью, как в целом по стране, так и внутри региона. По абсолютным показаталям регион находится в числе лидеров (на шестом месте) не только по количеству выбывших (146,4 тыс. человек в 2017 г.)[1], но и числу прибывших (143,7 тыс.человек)[2] [7]. Однако среди всех этих лидеров республика одна имеет отрицательный миграционный баланс, который сохраняется с 2014 года (уже пять лет подряд). В то же время отметим, что число прибывающих в республику еще достаточно существенно. Это, на наш взгляд, означает наличие некоторого демографического потенциала и возможность восстановления положительных тенденций при грамотной социально-экономической и миграционной политике в регионе. В связи с этим очень важно фиксировать не только социально-демографические, но и квалификационно-профессиональные качества мигрантов, а также наблюдать за их передвижениями внутри региона и за его пределы, сферой приложения их труда.

Республика занимает первое место среди регионов России по интенсивности внутренней миграции (числу перемещений). Начиная с 2012 года ежегодно место жительства меняли от 92 до 100 тыс. человек. В 2017 году 11,1 тыс. человек из них переехали в связи с учебой и 3,5 тыс. человек в связи с работой. Если рассматривать данный феномен как эффект высокой мобильности населения, то, безусловно, это надо оценивать положительно. Вместе с тем, социологические опросы свидетельствуют о том, что наряду с объективными процессами мы все чаще наблюдаем вынужденные переезды (выезды) в связи с отсутствием жизненных перспектив в месте проживания.

В условиях осложнения социально-экономической ситуации в сельских районах, малых и средних городах республики большая часть трудовых ресурсов стала вовлекаться в маятниковую и вахтовую формы миграции. Внутри региона за пределы своего населенного пункта ежедневно на работу выезжает около 7 % работающего населения. При этом жители сельских поселений в 3,5 раза чаще работают вне территории своего проживания, чем горожане.

По официальным данным, за 2011–2017 гг. численность мигрантов, выезжавших из РБ на заработки (не на постоянное жительство) в регионы России, выросла на 37 %[3]. В 2017 г. зафиксировано 155 тыс. человек, выезжавших на работу из республики в другие субъекты РФ, что также составляло примерно 7 % занятого населения. Эти цифры подтверждаются и социологическими данными за 2015 год, согласно которым за пределы своего региона на заработки выезжало 7,2 % работающих респондентов. Большая часть (в порядке убывания) выезжает в Тюменскую область (в том числе в Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа), в Челябинскую и Свердловскую области, гг. Москва, Санкт-Петербург.

[1] Шестое место после Московской области (251,3 тыс.), г. Москвы (216,6 тыс.), г. Санкт-Петербурга (200,2 тыс.), Тюменской области (165,7 тыс.) и Краснодарского края (155 тыс. человек).

[2] Шестое место после Московской области (334,4 тыс.), г. Москвы (327,7 тыс.), г. Санкт-Петербурга (264,8 тыс.), Краснодарского края (189,9 тыс.) и Тюменской области (174,8 тыс. человек).

[3] Подобные данные стали собираться и публиковаться с 2011 г.

Башкортостан является третьим регионом-донором после Московской (766,1 тыс. человек) и Ленинградской областей (197 тыс. человек) с небольшим отрывом от последней [3]. Следующие по масштабу «поставок» трудовых ресурсов регионы «отдают» в 2 раза меньше. Например, из Тульской области выезжают на работу 72,2 тыс. человек, из Чувашской Республики – 74,3 тыс. человек, из Владимирской области – 66,3 тыс. человек.

Одним из наиболее «болезненных» и сложно регулируемых на уровне региона миграционных факторов в последние годы становится снижение конкурентоспособности республики в образовательной сфере. В условиях системы ЕГЭ, отсутствия федеральных университетов и национальных исследовательских институтов миграция в связи с учебой стала одной из значимых факторов оттока молодого и трудоспособного населения. Так, в 2017 г. выбыло из республики в связи с учебой 16,4 тыс. человек, прибыло с этой же целью только 13,4 тыс. человек. Наши расчеты свидетельствуют о том, средний уровень образования выезжающих за пределы республики в последние годы устойчиво превышает средний уровень образования въезжающих в нее.

Решение этой проблемы, на наш взгляд, возможно только через отказ от роли донора трудовых ресурсов (невыгодного миграционного обмена), создание и расширение возможностей для возвращения молодых людей после получения образования на родину, укрепление, развитие и модернизация региональной экономики.

В настоящее время достаточно большая численность выпускников вузов республики (11,6 тыс. человек) не может найти работу в первые пять лет после завершения учебы (уровень безработицы среди них – 6,8 %). Если рассматривать относительные показатели, то 6,8 % – на первый взгляд немного (в двадцати регионах этот показатель выше), но по абсолютной величине республика находится на 7-м месте после г. Москвы (19 тыс. безработных выпускников), Республики Дагестан (17,8 тыс.), Чеченской Республики (15,4 тыс.), Ставропольского края (15,1 тыс.), Ростовской области (15 тыс.) и Московской области (13,1 тыс.) (рис.1).

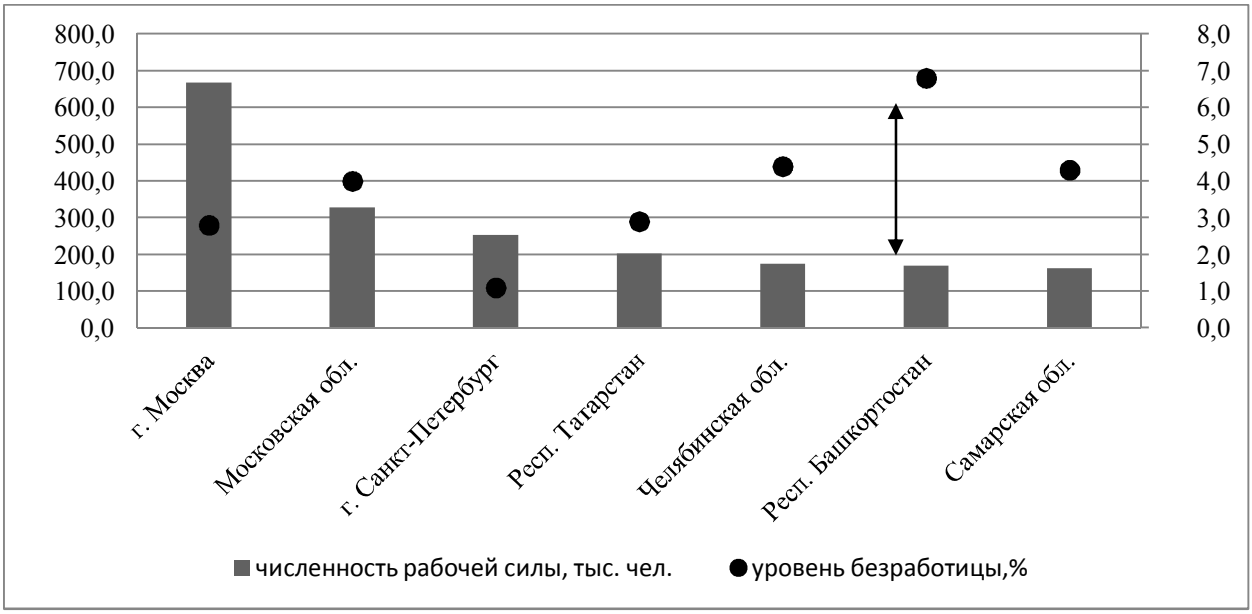


Рис. 1. Участие выпускников вузов 2010–2015 гг. выпуска в рабочей силе в 2016 г. в субъектах РФ с наибольшей численностью рабочей силы [1]

Среди основных трудностей, с которыми сталкиваются выпускники вузов и ссузов, самыми распространенными являются отсутствие опыта работы (более 70 % респондентов по всей России), низкий уровень предлагаемой заработной платы (42 %), отсутствие подходящих рабочих мест (32,6 %), не смогли найти работу по полученной профессии, специальности 21,6 %. По Республике Башкортостан отсутствие опыта работы стало препятствием для 75 % опрошенных

выпускников вузов, остальные трудности встречаются практически с такой же частотой, как и в стране в целом (рис. 2).

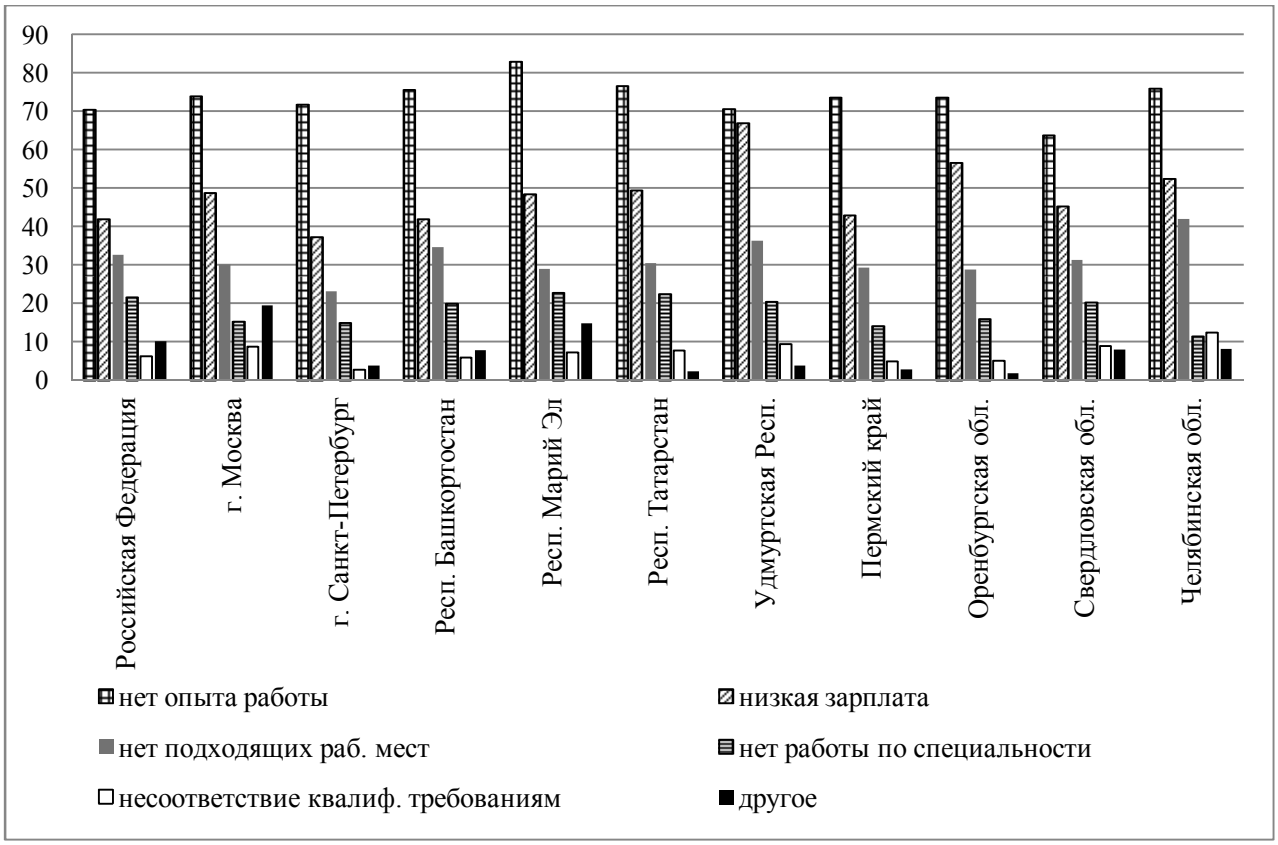


Рис. 2. Структура выпускников 2010–2015 гг. выпуска с высшим образованием по трудностям при попытках оформиться на работу по субъектам РФ [1]

Таблица 1

Причины желания жителей Башкортостана переехать на другое место жительства (%)

Причины желания переехать (2018)	%	Причины желания переехать (2015)	%
Работа	**19,5**	**Работа**	**22,9**
Желание иметь больше возможностей в жизни	**19,4**	**Желание улучшить свое материальное положение**	**18,1**
Желание улучшить свое материальное положение	**16,3**	**Желание иметь больше возможностей в жизни**	**15,2**
Учеба	**9,1**	**Желание жить в более комфортных (лучших) бытовых условиях**	**7,8**
Желание жить в более комфортных (лучших) бытовых условиях	**7,4**	**Желание решить жилищный вопрос**	**6,4**
Желание решить жилищный вопрос	**5,4**	**Учеба**	**5,7**
Желание жить в более благоприятных экологических условиях	4,5	Желание жить в более благоприятных экологических условиях	4,3
Переезд к родным	4,2	Переезд к родным	4,0
Вступление в брак	3,3	Вступление в брак	3,8
Другая причина	2,0	Переезд на свою малую родину	1,9
Переезд на свою малую родину	1,5	Другое	1,6
Желание жить среди лиц своей национальности	0,9	Желание жить среди лиц своей национальности	0,8
Затрудняюсь ответить	6,7	Затрудняюсь ответить	7,6

Источники: [4; 5].

Данные социологических исследований «Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 года» (2015 г.) и «Развитие человеческого потенциала Республики Башкортостан» (2018 г.) свидетельствуют о том, что ключевыми причинами переезда являются работа, желание иметь больше возможностей в жизни, улучшить свое материальное положение и учеба. Согласно опросам населения, молодые люди, как правило, стремятся получить больше возможностей в жизни и улучшить свое материальное положение за счет переезда в Уфу или за пределы Башкортостана. Переезд на малую родину, к родным, а также для того, чтобы улучшить свои жилищные и бытовые условия жизни, более характерен для представителей старших возрастов (табл. 1).

На миграционную активность населения существенное влияние оказывают такие социально-демографические и социально-статусные факторы, как возраст, здоровье, уровень образования, брачный статус, место жительства, наличие работы и др.

Анализ влияния этих факторов на миграционные установки населения показал, что наиболее значимое влияние оказывает возраст человека. На рисунке 3 видно, что пик миграционной активности населения приходится на население в возрастной группе от 15 до 34 лет.

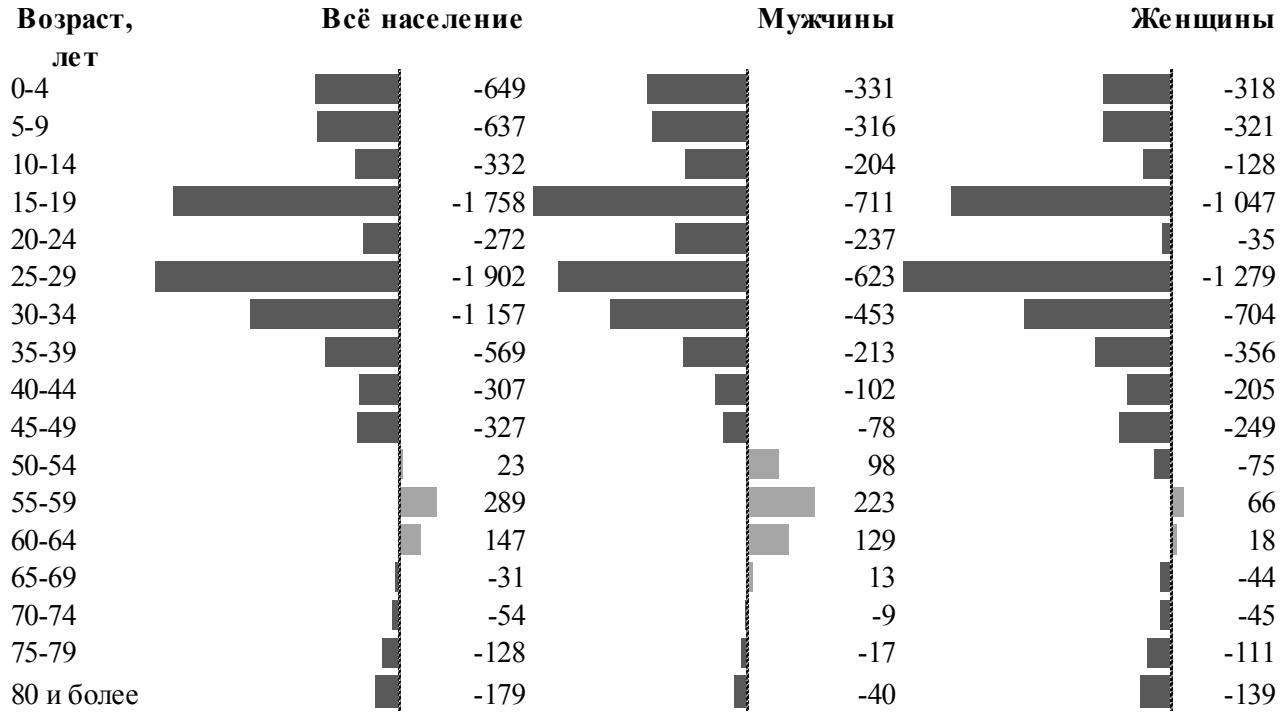


Рис. 3. Сальдо межрегиональной миграции в РБ в 2017 г. по полу и возрасту, человек [2, 102]

Это подтверждается и результатами социологических исследований (табл. 2). Отчетливо прослеживается закономерность: чем старше респонденты, тем меньше среди них желающих уехать.

Образовательный уровень и планы на продолжение обучения также имеют большое значение в желании и готовности жителей Башкортостана сменить место жительства. Респонденты с начальным или средним профессиональным образованием (училище, техникум, колледж) реже планировали переезд на другое место постоянного жительства, чем те, кто имеет высшее образование или вовсе не имеет профессионального образования. Очевидно, что среди не имеющих профессионального образования высока доля молодежи, планирующей продолжить свое обучение. Готовых к переезду на другое место жительства чуть больше и среди респондентов, планирующих получить дополнительное профессиональное образование (табл. 3).

Таблица 2

Влияние возраста на готовность жителей Башкортостана переехать на другое место постоянного проживания в 2018 году (%) [5]

Готовность к переезду	Возрастные группы						Все группы
	15–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65+	
Не планирую переезд	47,8	68,8	77,8	84,2	90,3	91,3	77,1
Планирую переехать в Уфу	16,3	5,1	3,3	1,2	2,3	1,7	4,5
Планирую переехать в другой город Башкортостана	1,9	2,4	1,3	1,4	0,2	0,0	1,3
Планирую переехать в другой сельский район Башкортостана	0,0	0,8	1,5	1,2	0,5	0,0	0,8
Планирую переехать в другой город (регион) России	10,6	6,2	2,2	2,5	0,7	1,0	3,7
Планирую выехать за пределы России, в другую страну	3,8	2,1	0,7	0,6	0,2	0,0	1,2
Затрудняюсь ответить	19,7	14,8	13,2	8,8	5,8	6,0	11,5
Итого	100	100	100	100	100	100	100

Таблица 3

Различия в миграционной готовности жителей Башкортостана по основным переменным в 2018 году (%)

	Не планируют переезд	Планируют переезд	в том числе:					Затрудняюсь ответить
			в Уфу	в др. сельский р-н РБ	за границу	в др. регион РФ	в др. город РБ	
Пол								
Мужской	76,4	12,2	4,6	0,7	1,9	4,2	0,8	11,6
Женский	77,4	11,0	4,5	0,8	0,6	3,3	1,8	11,6
Состояние здоровья								
Хорошее	68,3	19,1	8,6	1,0	1,8	6,8	1,9	11,6
Удовлетворительное	80,3	8,9	3,5	0,6	1,0	2,7	1,1	10,9
Плохое	85,5	6,3	1,1	0,7	2,2	1,9	0,4	8,2
Затрудняюсь ответить	66,0	8,2	3,4	1,4	0,0	1,4	2,0	25,9
Брачный статус								
Разведен(-на)	76,1	4,7	1,4	0,5	0,9	1,4	0,5	9,9
В официальном браке	83,2	7,0	2,4	0,8	0,5	2,2	1,1	10,0
Вдовец (вдова)	85,5	13,2	4,2	0,6	0,0	4,8	3,6	10,8
В гражданском браке	76,0	12,7	2,7	2,7	2,0	4,0	1,3	11,3
Холост/не замужем	53,6	28,3	13,4	0,4	3,7	9,2	1,6	18,1
Какое дополнительное образование Вы планируете получить, если Вы уже имеете профессиональное образование?								
По своей профессии	55,3	32,6	10,6	1,5	3,8	11,4	5,3	12,1
По смежной профессии	53,8	33,4	10,8	1,1	4,3	12,9	4,3	12,9
По другой профессии	48,6	35,9	11,0	1,7	6,4	13,9	2,9	15,6
Не планирую получать доп. образование	56,5	26,1	13,7	1,2	1,2	8,1	1,9	17,4

Источник: [5].

Сопоставление ответов о состоянии здоровья и о миграционных планах дает основания полагать, что есть прямая зависимость между состоянием здоровья и готовностью переехать: чем хуже здоровье человека, тем меньше у него готовность переехать на другое место жительства.

Таблица 4

Социально-трудовые различия в миграционной готовности жителей РБ в 2015 и 2018 гг. (%)

	Не планируют переезд	Планируют переезд	В том числе:					
			в Уфу	в др. сельский р-н РБ	за границу	в др. регион РФ	в др. город РБ	Затр. ответить
Собираетесь ли Вы поменять место работы в последующие 3 года? (2018 год)								
Определенно собираюсь поменять	46,1	39,5	14,5	1,3	4,0	17,1	2,6	14,5
Возможно, поменяю	57,1	23,9	7,9	1,8	2,1	7,1	5,0	18,9
Не собираюсь менять	83,5	6,2	2,9	0,5	0,5	1,4	0,9	10,3
Меняли ли Вы место работы за последние 3 года? (2018 год)								
Менял место работы	67,4	19,8	7,3	0,8	2,5	5,4	3,8	12,8
Не менял место работы	80,6	8,0	3,5	0,7	0,5	2,2	1,1	11,3
График работы (2018 год)								
Полный рабочий день/неделя или полная ставка	79,6	9,6	3,3	0,8	0,7	3,1	1,7	10,9
Гибкий график при полной рабочей неделе	73,8	12,2	4,7	1,1	2,2	2,5	1,7	14,1
Неполный рабочий день/неделя или неполная ставка по инициативе работодателя	75,3	13,0	11,7	0,0	0,0	0,0	1,3	11,7
Неполный рабочий день/неделя или неполная ставка по моей инициативе	70,0	17,5	12,5	0,0	0,0	2,5	2,5	12,5
Другое	75,0	10	0,0	0,0	0,0	7,5	2,5	15,0
Оформление на работе (2018 год)								
С оформлением в трудовой книжке	79,9	9,5	3,5	0,8	0,7	2,8	1,7	10,8
По договору без оформления в трудовой книжке	67,6	16,6	9,3	0,0	2,7	4,6	0,0	15,9
Есть только устная договоренность	66,3	17,5	9,8	0,0	2,2	2,2	3,3	16,3
Меняли ли Вы место работы за последние 10 лет (2015 год)								
Не менял	71,1	13,5	6,3	0,7	1,7	3,5	1,3	15,5
Менял	61,2	18,8	7,5	0,8	1,6	6,4	2,5	20,0
График работы (2015 год)								
Полный рабочий день/неделя или полная ставка	66,4	15,2	6,3	0,7	1,5	5,0	1,7	18,4
Неполная рабочий день/неделя или неполная ставка по инициативе работодателя	62,6	19,7	6,3	0,8	1,7	8,0	2,9	17,7
Неполный рабочий день или неполная ставка по моей инициативе	57,7	22,0	9,2	0,6	5,5	6,1	0,6	20,3
Другое	63,2	15,9	4,9	1,2	0,6	4,9	4,3	20,9
Оформление на работе (2015 год)								
Бессрочный трудовой договор (контракт)	67,2	13,3	6,0	0,8	1,6	4,9	1,6	17,8
Трудовой договор на определенный срок на выполнение определенных работ	65,3	16,1	7,1	0,6	1,3	4,9	2,2	18,7
Есть только устная договоренность	54,6	22,9	8,0	0,8	4,0	7,2	2,9	22,5
Другое	68,7	14	5,5	1,2	1,2	4,9	1,2	17,2

Источники: [4; 5].

Значимым фактором, влияющим на готовность жителей региона переехать, является и брачный статус. Наибольшая доля респондентов, планирующих уехать из Башкортостана, среди холостых, незамужних и никогда не состоявших в браке (28,3 %); в два раза меньше – среди разведенных (14 %), еще меньше – среди незарегистрированных пар (12,7 %). В меньшей степени готовы переехать респонденты, состоящие в гражданском браке (6,8 %) и вдовые (3,7 %).

Социологическое исследование «Стратегия РБ – 2030» (2015 г.) полностью подтверждает описанные в таблице 2 соотношения основных социальных маркеров жителей Башкортостана с готовностью переехать на другое место постоянного жительства: чем лучше здоровье, тем больше доля людей, готовых переехать; в большей степени склонны к переезду люди, не состоящие (не состоявшие) в браке; разведенные и состоящие в гражданском браке; сравнительно выше готовность переехать у респондентов, желающих получить профессиональное или дополнительное профессиональное образование, а также имеющих два и более высших образования.

Анализ социально-трудовых факторов миграционной активности населения показал, что неустойчивые трудовые отношения практически всегда вызывают у респондента мысли о переезде на другое место жительства (табл. 4).

В таблице 4 представлены результаты социологических исследований за 2015 и 2018 гг. Сравнение полученных данных позволяет утверждать, что респонденты, которые меняли место работы за последние три года (2018 г.), отличаются существенно большей миграционной готовностью. Неполный рабочий день, независимо от того, по чьей инициативе – работодателя или работника – он установлен, также является одним из признаков готовности переехать на другое место жительства. Вероятно, данное положение свидетельствует о неустойчивости трудовых отношений и «незакрепленности» («меня здесь ничто не держит») в этой местности.

Факт официального оформления на работе, напротив, является фактором «закрепления» и устойчивости социально-экономического положения человека. Поэтому среди респондентов, работающих по официальному трудовому договору, доля готовых переехать существенно меньше.

Оценка влияния уровня материального благосостояния на миграционную активность показала, что наибольшим потенциалом сменить место жительства обладают представители самых нижних и самых верхних слоев населения (рис. 4).

Анализ миграционной активности населения Республики Башкортостан и ее факторов подтверждает тесную взаимосвязь между социально-экономическим благополучием населения региона и миграцией. Наличие или отсутствие возможностей для развития человеческого потенциала и эффективной (достойной) занятости во многом определяет миграционное поведение населения, направленность и длительность самих миграционных процессов. Главными причинами миграционного оттока населения из республики являются: дефицит возможностей на рынке труда, начиная с наличия рабочих мест и заканчивая перспективами профессионального и личностного роста, стремление получить более качественное и престижное образование.

Наиболее высоким миграционным потенциалом обладает молодежь. Надо учитывать и то, что период активного поиска собственного места в обществе и самоопределения является недолгим (часто заканчивается к 30–35 годам), он практически всегда связан с особенностями рынка труда и началом профессионального пути. Учет и использование этих особенностей в миграционной и молодежной (а также в инновационной, экономической, демографической) политике, в совокупности с адресными и точечными механизмами регулирования, позволили бы не только избежать оттока, но и привлечь (вернуть) в регион молодых людей из-за его пределов, с наименьшими затратами и издержками.

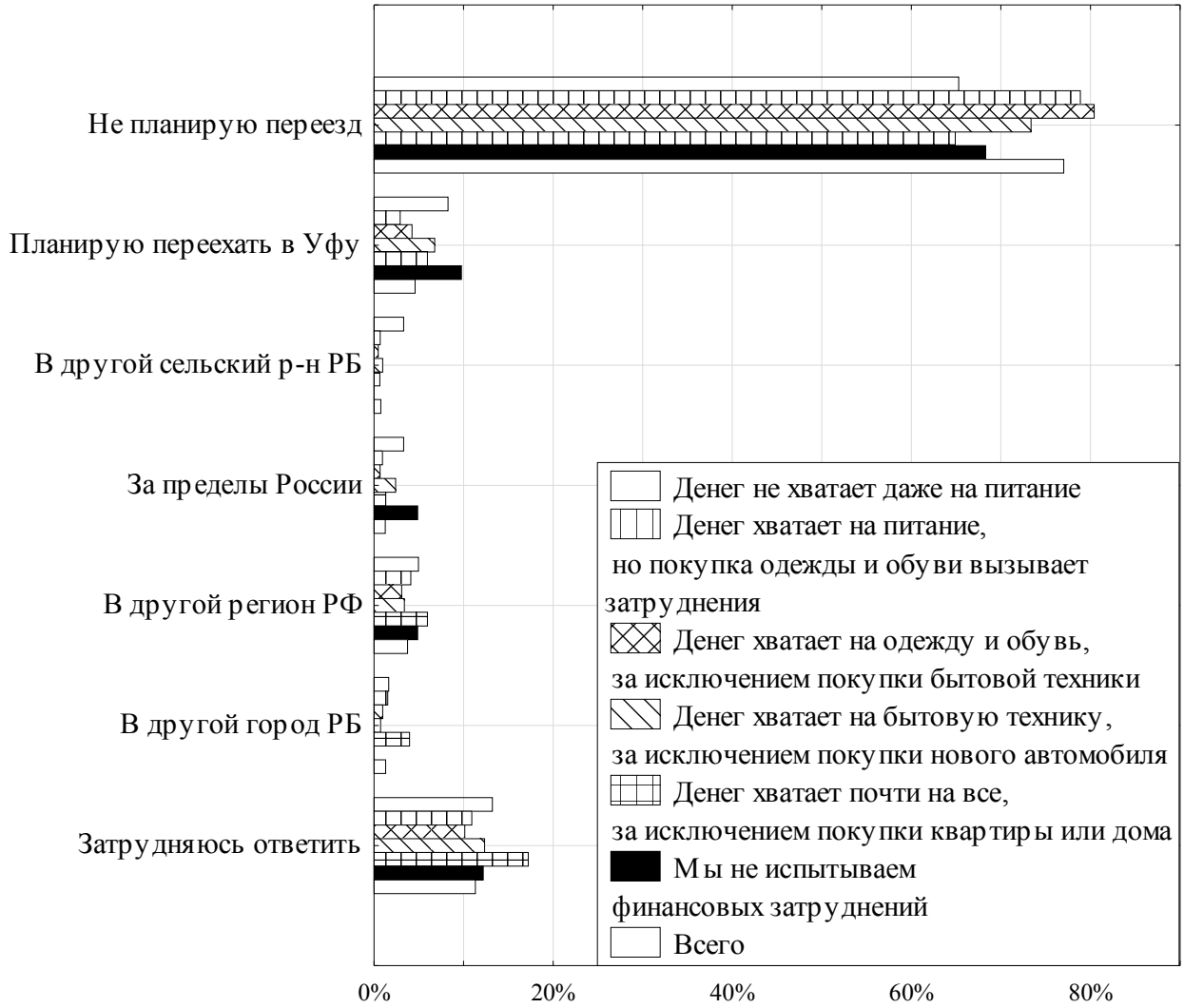


Рис. 4. Влияние уровня материального благосостояния на нацеленность переехать на другое постоянное место жительства (%) [5]

При анализе возможностей сокращения миграционного оттока очевидным является то, что в условиях системы ЕГЭ, отсутствия федеральных университетов и национальных исследовательских институтов в республике с «образовательной» миграцией справиться будет сложно. Поэтому меры по преодолению негативных тенденций в области миграции должны быть направлены на поддержание конкурентоспособности существующей сети высших и средних профессиональных образовательных учреждений, развитие человеческого потенциала и укрепление экономики региона, создание новых и качественных («притягательных» для жителей других регионов и стран) рабочих мест, прежде всего для молодежи.

Литература

1. Выборочное федеральное статистическое наблюдение трудоустройства выпускников, получивших среднее профессиональное и высшее образование. Росстат. 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/ new_site/population/trud/itog_trudoustr/index.html

2. Миграция населения в Республике Башкортостан: статистический сборник. В 2 ч. Ч. 1 / Башкортостанстат. Уфа, 2018.

3. Обследование рабочей силы. Росстат. 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/ wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766

4. Социологическое исследование «Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 года» (сокращенно «Стратегия РБ – 2030»). Организаторы исследования: Министерство экономического развития Республики Башкортостан, Башкирский филиал Института социологии РАН, Институт социально-политических и правовых исследований РБ. Объект исследования – население РБ в возрасте от 18 до 75 лет. Выборку составило население социально-экономических зон РБ, с квотированием на этапе отбора в домохозяйстве по полу, возрасту и уровню образования. Объем выборки – 6300 человек. Метод исследования – самозаполнение бланка социологического опроса (анкеты). Сроки проведения полевых работ: июль–октябрь 2015 г. Руководитель исследования – Р.М. Валиахметов.

5. Социологическое исследование: «Развитие человеческого потенциала Республики Башкортостан». Организатор исследования: Башкирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Объект исследования: городское и сельское население Республики Башкортостан в возрасте от 18 до 75 лет. Выборка стратифицирована по типу населенного пункта, с квотированием на этапе отбора в домохозяйстве по полу, возрасту и уровню образования. Объем выборки: 2700 человек. Метод исследования: самозаполнение бланка социологического опроса (анкеты). Сроки полевых работ: 18 января–25 мая 2018 г. Руководитель исследования – Р.М. Валиахметов.

6. Труд, занятость и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан / под общ. ред. Р.М. Валиахметова, Г.Р. Баймурзиной, Н.М. Лавренюк. Уфа: Восточная печать, 2015.

7. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2017 году. Бюллетень. Росстат. 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906

Рождаемость и реализация репродуктивных установок в Республике Башкортостан

Fertility and the Implementation of Reproductive Plants in the Republic of Bashkortostan

Я. СКРЯБИНА, Н. ШАМСУТДИНОВА

Скрябина Яна Альбертовна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и социально-экономической политики Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: skryana67@mail.ru

Шамсутдинова Наиля Кадымовна, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Центра изучения человеческого потенциала Института стратегических исследований Республики Башкортостан. E-mail: shamsutdinovank@isirb.ru

В статье рассмотрены тенденции рождаемости в Республике Башкортостан. Дана оценка уровня рождаемости, исследованы причины изменения репродуктивного поведения. Проанализирована результативность мер демографической политики. Показано, что репродуктивный потенциал в Республике Башкортостан достаточно высок, однако меры демографической и семейной политики требуют адаптации с учетом разнообразия моделей семьи.

***Ключевые слова**: рождаемость, репродуктивное поведение, потребность в детях, демографическая политика.*

The article considers the birth rate trends in the Republic of Bashkortostan. The estimation of a birth rate is given, the reasons of change of reproductive behavior are investigated. The effectiveness of demographic policy measures has been analyzed. It is shown that the reproductive potential in the Republic of Bashkortostan is quite high, but the measures of the demographic and family policy require adaptation to the diversity of family models.

***Key words**: fertility, reproductive behavior, need for children, demographic policy.*

Демографическая ситуация в России и в регионах, в том числе в Республике Башкортостан, становится сложной. В ближайшие десятилетия мы столкнемся с такими демографическими вызовами, как неблагоприятные изменения возрастного состава населения, высокий уровень смертности, падение рождаемости, ухудшение брачно-семейной структуры и, соответственно, сокращение численности населения.

В 2016 г. благоприятный демографический период в Башкортостане закончился и начался опасный этап демографического кризиса, вызванный, прежде всего, серьезным падением – не снижением, а именно падением рождаемости.

Для правильной, глубокой оценки процесса рождаемости и для составления демографического прогноза, а также для разработки мер демографической политики необходимо анализировать систему показателей рождаемости. Рассмотрим несколько показателей – общий коэффициент рождаемости, суммарный коэффициент рождаемости, нетто-коэффициент воспроизводства населения.

Значение общего коэффициента рождаемости ниже 16 ‰ соответствует низкому уровню. В 2017 г. общий коэффициент рождаемости для всего населения составил 12,1 ‰, сократившись на 1,6 промилле относительно 2016 года. За один год возрастная структура не может измениться настолько, чтобы это вызвало изменение общего коэффициента рождаемости более чем на 0,2 ‰. Значит, причины снижения рождаемости не только в сокращении численности женщин в репродуктивном возрасте.

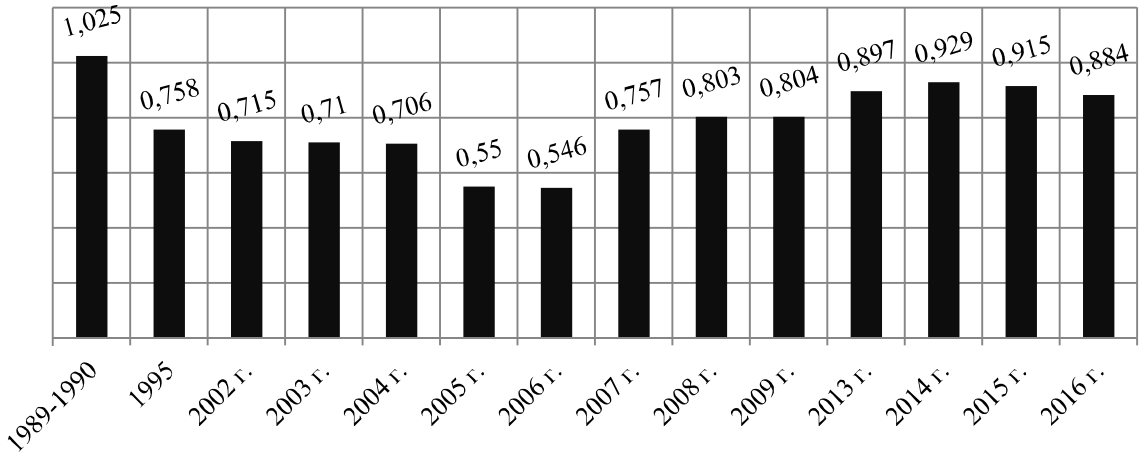
Следующий показатель, который более точно характеризует уровень рождаемости, – это суммарный коэффициент рождаемости (СКР). В 2000 г. суммарный коэффициент рождаемости в республике опустился ниже критического уровня (1,5 ребенка) и составил 1,419 детей на одну женщину. С 2007 по 2015 г. суммарный коэффициент рождаемости увеличивался. Осенью 2016 г. началось существенное сокращение числа родившихся. В 2017 г. суммарный коэффициент рождаемости снизился до значения 1,696 детей на одну женщину, в городской местности – 1,4 ребенка, в сельской местности, наоборот, вырос до 2,37. При величине СКР ниже 2,1 имеет место суженное воспроизводство населения – поколение детей не замещает поколение родителей.

Неизбежное старение населения приведет к тому, что для обеспечения нулевого естественного прироста потребуется существенно большая величина СКР, превышающая 3 детей в расчете на одну женщину.

Для наиболее точной характеристики воспроизводства населения с учетом рождаемости и смертности используется нетто-коэффициент воспроизводства населения, который выступает количественной мерой замещения материнского поколения дочерним. Он имеет самостоятельное значение при анализе рождаемости. За период 2002–2016 гг. значение нетто-коэффициента воспроизводства для всего населения республики (рис. 1) колебалось в пределах 0,546–0,929. Значение нетто-коэффициента меньше 1,0 характеризует воспроизводство населения как суженное. Минимальное значение было в 2006 г. – 0,546 (поколение матерей только на 50 % заменилось поколением дочерей). Следующий демографический провал ожидается через длину поколения к 2030 году.

В 2017 г. в республике разработан План дополнительных мероприятий по повышению рождаемости. Но несмотря на развитую систему пособий и мер социальной поддержки семьям с детьми в Башкортостане уровень рождаемости снижается.

Реализация мероприятий по всем направлениям предполагала в 2017 г. добиться 2580 дополнительных рождений. В 2016 г. в Республике Башкортостан родилось 55628 детей, в 2017 г. – 49260, то есть не только не достигнуто увеличение ожидаемого числа дополнительных рождений, но и произошло снижение рождаемости на 6368 детей.



Чистый коэффициент воспроизводства населения, все население РБ

В 2016 г. 95,2 % первых рождений в республике были у женщин до 35 лет. Маловероятно, что остальные 4,8% женщин отложили первые рождения за 35 лет только из-за жилищных проблем[1]. Таким образом, практически все первые рождения, которые могут состояться, ожидаются у женщин до 35 лет, независимо от мер поддержки. Поэтому предлагается проанализировать влияние выплаты в размере 300 тысяч рублей на принятие решения о рождении ребенка и при необходимости внести изменения в части снижения возрастной границы (тогда в какой-то степени будем стимулировать не откладывать рождение первенцев) либо распространить на третьи рождения.

У нашей республики есть возможности улучшения демографической ситуации в отношении рождаемости. Мы рассчитали степень реализации репродуктивного потенциала населения Республики Башкортостан. Количественная оценка репродуктивного потенциала и степень его реализации выполнена путем расчета гипотетического минимума естественной рождаемости (ГМЕР) и сопоставления с ним фактического общего коэффициента рождаемости. Опуститься ниже ГМЕР общий коэффициент может под влиянием только четырех причин: недоучета числа родившихся, высокой доли бесплодных браков, высокой доли раздельно живущих супругов, намеренного ограничения числа рождений в браке.

Расчеты показали, что в 1997 г. степень реализации репродуктивного потенциала для всего населения республики равнялась 92,1 % от биологически возможного уровня рождаемости (100,0 %), для городского – 93,7 %, для сельского – 94,0 %; в 2002 г., соответственно, 27,0, 25,8 и 29,1%, то есть менее чем на треть, в 2010 г. – 35,7, 34,4 и 37,9 %. Незначительное увеличение степени реализации рождаемости в 2010 г. в большей мере произошло за счет увеличения численности мужчин и женщин в возрастных группах 20–24, 25–29, 30–34 лет (наиболее активном репродуктивном возрасте). Таким образом, решающую роль играет четвертый фактор – внутрисемейное регулирование числа рождений и интервалов между ними. Подавляющее большинство населения республики и в целом России перешло на внутрисемейный (индивидуальный) контроль рождаемости, разрушилась слитность брачного, сексуального и репродуктивного поведения.

Учитывая, что потенциал рождаемости в Республике Башкортостан достаточно высок, но степень его реализации низкая, при разработке мер демографической политики необходимо учитывать все факторы, влияющие на рождаемость и репродуктивное поведение.

Объем выплаченных пособий на поддержку семей с детьми в Башкортостане с 2014 г. повышается, численность женщин репродуктивного возраста сокращается, рождаемость падает.

[1] Аналогичный расчет за 2015 год представлен в Отчете о научно-исследовательской работе по теме «Подготовка предложений по разработке типового плана мероприятий по повышению рождаемости субъекта РФ, включающего целевые показатели на период до 2020 года» (Архангельский В.Н., М., 2017).

Количество браков снижается, а число разводов растет. Все это выступает ярким свидетельством того, что в брачный возраст вступает новое поколение – у представителей этого поколения другие взгляды на жизнь; они не подготовлены к семейной жизни, не готовы к рождению и воспитанию детей.

Демографические процессы инерционны – невозможно легко и быстро управлять ими, поэтому концепция демографической политики может быть лишь долгосрочной. Демографические изменения происходят при смене одного-двух или даже более поколений. Негативные последствия демографической динамики для многих не очевидны, поэтому не все готовы нацелить демографические программы на устранение депопуляции через несколько десятилетий, не требующие сегодня огромных усилий и средств.

На наш взгляд, в условиях сокращения численности женщин в репродуктивном возрасте, непрочности и недолговечности современных брачных союзов, ориентации на малодетность и даже бездетность, процветания свободы выбора брачного партнера и форм совместной жизни, предпочтительности инвестирования в качество, а не в количество детей, изменения нравственной системы ценностей необходимо усилить воспитательно-пропагандистские меры в отношении рождаемости и укрепления семьи.

К сожалению, преимущественно реализуются экономические меры в виде материального стимулирования рождаемости. Но только денежная поддержка (различные пособия для семей с детьми, увеличение их размеров и т.д.) не сможет решить проблему низкой рождаемости. Экономические меры способствуют более полному удовлетворению той потребности семей в детях, которая имеется сейчас. Но в настоящее время у большинства населения имеется потребность в одном-двух детях.

Всестороннее изучение репродуктивного поведения и факторов, влияющих на рождаемость, позволяет понять причины снижения потребности в детях, мотивы ограничения деторождения и, соответственно, разработать эффективные меры в отношении рождаемости в целях преодоления негативной демографической динамики, стабилизации численности населения и ее роста в перспективе.

Итоговое число детей у женщин количественно отражает приемлемость для личности рождения того или иного числа детей, то есть репродуктивные установки на число детей. Репродуктивные установки измеряют с помощью изучения социальных норм («идеальное число детей»), индивидуальной потребности («желаемое число детей»), установок на действие («ожидаемое число детей») [3]. Реализацию репродуктивных установок обычно рассматривают в русле сопоставления данных количественных индикаторов и фактического числа детей, с учетом социально-демографических и социально-экономических характеристик, а также мотивов к рождению детей, то есть социально-психологических аспектов [1; 4]. Данные для сопоставления формируются по результатам социологических исследований.

Социологические исследования указывают на то, что в РБ репродуктивные установки в целом выше, чем в среднем по России. Кроме того, ранее было выявлено, что население было склонно к сокращению интервалов между рождениями детей под действием усиления пронаталисткой политики (1980-е гг.), данная же особенность предположительно привела к большему эффекту действия «материнского капитала» уже в первое десятилетие XXI века [9].

В настоящее время, по последним социологическим данным, установки на детность в республике остаются достаточно высокими. Тем не менее, большинство семей ориентировано на рождение двоих детей, то есть в республике утвердились ориентации на малодетную модель семьи. Среди имеющих двоих детей довольно высока доля тех, кто хотел бы иметь троих, а большинство имеющих троих детей не планировали увеличение семьи. Доля ориентированных на рождение 3 и более детей по-прежнему выше в сельской местности.

Таблица 1

Установки на число детей по месту жительства,
среднее значение (для населения 18–54 лет)

	Год	Желаемое	Ожидаемое	Разница
Уфа	2015	2,46	1,88	0,58
	2007	2,09	1,40	0,69
Другие города РБ	2015	2,37	1,80	0,57
	2007	2,32	1,37	0,95
Сельские поселения	2015	2,75	2,26	0,49
	2007	2,55	2,02	0,53
Все население	2015	2,54	2,00	0,54
	2007	2,37	1,64	0,73

Источник: Данные социологических исследований «Демографическое развитие Республики Башкортостан» (Центр изучения человеческого потенциала ИСИ РБ, 2007; объем выборки 1007 человек); «Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан» (ИСИ РБ, 2015, объем выборки – 6264 чел.).

Каким образом реализуются установки на детность, показывает разрыв между индивидуальной потребностью в детях и фактическим числом детей. Сокращению числа детей в семье может способствовать откладывание первых рождений, приводящее к сокращению периода «продуктивного» репродуктивного возраста. При повышении среднего возраста рождения детей данный период фактически ограничивается возрастами в интервале от 26 до 39 лет (13 лет), на которые приходится наибольшая доля рождений. Неудовлетворенная потребность в детях выше всего у женщин с высшим образованием. При этом более значимо наличие брачного партнера: общая закономерность снижения установок при его отсутствии проявляется у них в большей степени.

Таблица 2

Установки на число детей по уровню образования, оба пола,
среднее значение

	Ожидаемое	Желаемое	Разница
Ниже среднего	2,20	2,60	0,4
Среднее	1,96	2,51	0,55
Высшее	2,00	2,59	0,59
Всего	2,00	2,54	0,54

Источник: Данные социологического исследования «Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан» (ИСИ РБ, 2015, объем выборки – 6264 чел.).

Феномен «двойной занятости женщин», когда женщины несут основную заботу о детях и семье, а также ведут профессиональную деятельность, оказывает сильное влияние на репродуктивное поведение и принятие решения о рождении детей «высоких порядков».

При этом для республики остаются характерными и традиционные модели семьи, свидетельствующие о незавершенности утверждения норм демографического перехода. Для значительной части населения остается предпочтительной «сельская» модель рождаемости – ориентация на многодетность и традиционное распределение обязанностей в семье: патерналистские ожидания в целом характерны для жителей республики, которые при этом склонны позитивно реагировать на пронаталистскую политику [9].

Принято считать, что за принятие решений о рождении или отказе от него большую ответственность в паре несет женщина либо большее значение имеют установки того партнера, у кого они ниже. К сожалению, в Республике Башкортостан не ведутся панельные исследования,

позволяющие учесть изменение установок в определенных семьях с течением времени. В целом известно, что лучше реализуются репродуктивные установки в стабильных семьях, у населения, ориентированного на зарегистрированный брак. Различия установок на детность по полу незначительны, но у мужчин они выше [2; 6].

Обычно респонденты в ответах на вопрос о факторах, препятствующих появлению желаемых детей (способствующих откладыванию), чаще всего отмечают ограничения в виде материальной и жилищной необеспеченности, при этом их достоверность подвергается сомнению [1; 2; 4; 6]. Причем респонденты, имеющие одного ребенка, склонны указывать данные причины чаще, чем имеющие двух или трех детей [6]. Об уровне жизни по детности можно судить по выборочным данным.

При этом установки на многодетность лучше реализуются в группах населения с низкой материальной обеспеченностью [5]. Действительно, объективно уровень жизни семьи, где появились дети «высоких порядков», снижается. Однако это может быть связано с тем, что для них более предпочтительно более раннее формирование семьи при высоких репродуктивных установках, чем получение образования и карьера, то есть более низкие притязания.

В целом ведущую роль играют социально-психологические мотивы репродуктивного поведения [4]. Конечно, при условии наличия нереализованной потребности в детях меры поддержки могут служить для обретения уверенности семей для решения о рождении ребенка. Наибольшую значимость для населения представляли «материнский капитал» и возможность получить ссуду на жилье, а также пособие до 3 лет, доступность детских садов [7].

Однако население не воспринимает материальные меры в целом как способ повышения уровня жизни семей с детьми: существующие меры материальной поддержки играют роль инструмента социальной защиты населения, снижения рисков бедности: значительная категория населения с доходами выше черты бедности практически не является объектом поддержки.

При этом она владеет достаточно высоким социальным и репродуктивным потенциалом и, конечно, потребностью в повышении уровня жизни. Доступность социальных услуг и финансовые ограничения являются одной из основных проблем для сельских семей с детьми, особенно это касается спорта, медицины.

Но при этом подчеркнем, что во избежание роста иждивенческих настроений более значимы не просто поддержка, а условия для экономической самостоятельности, реализации социального потенциала семей не только в целом по республике, но и на местном уровне, поскольку республика отличается территориальными особенностями, в том числе демографического развития.

Однако распространение «модели» работающих родителей при государственном уходе за детьми в республике привело к более резкому противоречию между традиционной ролью женщины в семье и траекториями построения карьеры.

Молодые специалисты без опыта работы, особенно девушки, являются наиболее уязвимой категорией. Также для молодых возрастов характерна высокая степень экономической неопределенности в молодых возрастах.

Поддержка занятости молодых специалистов, поддержка при решении жилищного вопроса играет положительную роль при формировании семей.

Согласно результатам социологических исследований, проведенных в Республике Башкортостан, отказ или откладывание рождения второго или третьего ребенка наиболее характерно для городских женщин, для женщин с высшим образованием. Среди них более распространена модель двух работающих родителей, в таких семьях более высоки риски снижения уровня жизни семей с уходом женщины в декретный отпуск. Здесь важным направлением является политика баланса семьи и работы: дружественный работодатель, гибкий график и максимальное участие отцов в воспитании детей, общественная помощь в уходе за детьми и престарелыми [5]. Согласно социологическому исследованию АН РБ 2012 года, получили отказ при приеме на работу из-за наличия малолетнего ребенка 12,1 % женщин. В общем феномен «двойной занятости женщин», когда женщины несут основную заботу о детях и семье, а также ведут профессиональную деятельность, оказывает сильное влияние на репродуктивное поведение, а значит, важно вести

системную работу для снижения этого противоречия, то есть создания условий для реализации желаемых репродуктивных установок.

В то же время для республики характерны и традиционные модели семьи, особенно для сельского населения, в том числе сельских мигрантов в городе. Для них будут иметь большее значение прямые выплаты, поддержка при решении жилищного вопроса при переезде в город, социальный статус отца как главы семьи.

Многообразие моделей семьи требует дифференцированного подхода в зависимости от потребностей. Более высокий патерналистский настрой населения, высокая доля сельского населения, выступающего основным носителем ценности традиционной семьи, говорят о том, что большое значение имеют меры по повышению социального статуса отцовства. В то же время широкое распространение феномена двойной занятости женщин требует совершенствования направления политики баланса семьи и работы, гармонизации участия отцов и других членов семей в воспитании детей. Наиболее актуальными направлениями для разработки мер семейной политики, по нашему мнению, являются репродуктивное здоровье, комфортная среда, баланс семьи и работы, семейные ценности, в целом – повышение социального статуса семьи с детьми. Их реализация потребует адаптации в каждом муниципальном образовании, в зависимости от остроты той или иной проблемы.

Таким образом, нужно всегда иметь в виду, что повышение показателей рождаемости – не самоцель, так как важно учитывать, в каких семьях и условиях затем будут воспитываться дети. Существующую систему мер поддержки семей необходимо рассмотреть с точки зрения информированности населения, востребованности у разных целевых групп, согласовывать действия субъектов, в том числе на муниципальном уровне.

Литература

1. Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М.: ТЕИС, 2006.

2. Демографический потенциал Республики Башкортостан: состояние и тенденции развития / отв. ред. Р.М. Валиахметов, Г.Ф. Хилажева; сост. Н.К. Шамсутдинова. Уфа: АН РБ, Гилем, 2013. 320 с.

3. Демографический энциклопедический словарь / Гл. ред. Д.И. Валентей. М.: Советская энциклопедия, 1985.

4. Калачикова, О.Н. Репродуктивное поведение как фактор воспроизводства населения: тенденции и перспективы. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 172 с.

5. Праведников А.В. Баланс семьи и работы: основные направления исследований в зарубежной социологии // Управление мегаполисом. 2015. Т. 1. № 3. С. 90–97.

6. Республика Башкортостан. Демографический доклад. Выпуск 2 / отв. ред. Р.М. Валиахметов, Г.Ф. Хилажева, Н.К. Шамсутдинова. Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2016. 148 с.

7. Рождаемость и репродуктивные планы респондентов микропереписи населения 2015 года по Республике Башкортостан. Аналитическая записка. Уфа: Башкортостанстат, 2017.

8. Тындик А.О. Репродуктивные установки населения в современной России // SPERO. 2012. № 16. С. 95–112.

9. Шамсутдинова Н.К. Народы Башкортостана в последней трети XX–начале XXI века: опыт историко-демографического исследования. 2-е изд., испр. и доп. Уфа: Инеш, 2017. 152 с.

О функциях и социально-экономических последствиях трудовой миграции на селе при разных механизмах хозяйствования

On the Functions and Socio-Economic Consequences of Labor Migration in Rural Areas with Different Mechanisms of Management

У. БАРЛЫБАЕВ, В. ХАЙРУЛЛИНА

Барлыбаев Урал Адигамович, канд. экон. наук, доцент кафедры управления проектами и маркетинга Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: ural_barlybaev@mail.ru
Хайруллина Вакифа Гильмановна, д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры управления проектами и маркетинга ИНЭФБ БашГУ. E-mail: vakif47@mail.ru

В статье проведен сравнительный анализ особенностей осуществления функции трудовой миграции на селе при централизованно управляемой экономике и с переходом на рыночный механизм хозяйствования. Выявлена интенсивная убыль трудовой миграции на селе за последнее десятилетие, отрицательно сказывающаяся особенно на демографической ситуации, влияющей на социально-экономическое развитие.
***Ключевые слова**: население в трудоспособном возрасте, трудовой мигрант, прирост и убыль, ценностное отношение к труду.*

The article presents a comparative analysis of the features of the implementation of the labor migration function in rural areas with a centrally managed economy and with the transition to a market economy mechanism. An intensive decline in labor migration in rural areas over the past decade, affecting especially the demographic situation affecting socio-economic development, has been revealed.
***Key words**: working-age population, migrant worker, growth and decline, value attitude to work.*

Общеизвестно, что трудовая миграция как закономерный социально-экономический процесс, выполняя функцию территориального перераспределения населения и трудовых ресурсов, прослеживался всегда. Так, в годы советской власти благодаря планово организованной деятельности коллективных хозяйств (колхозов и совхозов) этот процесс осуществлялся в форме добровольного выбора сельским населением аграрного или индустриального труда. Поскольку все трудоспособное население имело возможность трудоустроиться как в городской, так и в сельской местности.

В те годы относительно интенсивные процессы трудовой миграции наблюдались среди трудоспособного населения молодого возраста в связи с проводимой государственной политикой индустриализации экономики посредством освоения природных ресурсов восточной части страны. Характеризуя приведенную форму трудовой миграции, следует отметить, что в данном случае речь идет о дополнении функции территориального перераспределения населения и трудовых ресурсов ее селекционной функцией.

Под селекцией принято понимать принцип отбора как явления, происходящего в природе как самоорганизационный процесс естественного отбора живых организмов. В социальной жизни селекцию следует понимать как функцию, совершающуюся в организациях как в надорганизменных системах, при определенных условиях (факторах), нацеленно создаваемых субъектом управления для совершенствования функциональной и пространственной структуры всей организации.

* Статья представляет результаты исследования по проекту № 17-02-00425-ОГН «Межрегиональная асимметрия территорий и миграционная мобильность населения в России», получившего поддержку Российского фонда фундаментальных исследований по результатам конкурсного отбора научных проектов в качестве победителя конкурса ОГН-А – Основной конкурс РГНФ 2017 года.

В данном случае функциональную и пространственную структуру организации следует понимать как условие жизнедеятельности населения государства, условие его социально-экономического развития.

В этом контексте следует заметить, что по отношению к трудовой миграции молодежи на селе селекционную функцию обеспечивало государство посредством организации активной деятельности комсомола, объединяющего молодежь трудоспособного возраста. Эти процессы следует рассматривать как реальное проявление проводимой государством политики трудовой миграции по обеспечению относительно равномерного размещения производительных сил, плотности населения и из геополитических соображений.

Результативному совершению функции территориального перераспределения и селекционной функции миграции населения и трудовых ресурсов способствует повышение подвижности (мобильности) трудовых мигрантов. Речь идет о трудовых мигрантах, совершающих территориальные перемещения и способных быть готовыми к последующим миграциям [3].

Рассматривая функции трудовой миграции на селе во взаимосвязи с государственной политикой в историческом аспекте, следует отметить, что эти процессы носили эволюционный характер, не нарушая воспроизводственную способность сельского населения. Отмечая воспроизводственную особенность того периода, считаем особо важным подчеркнуть, что фундаментом успешной реализации функций территориального перераспределения населения и трудовых ресурсов и селекционной функции миграции села послужила проводимая государством образовательная политика формирования у подрастающего поколения в школьном возрасте ментальности ценностного отношения к общественному труду в рамках идеологии ГТО. Деятельность всей системы образования была нацелена на достижение единой организационной цели – подготовки подрастающего поколения потенциальными трудовыми ресурсами, способными выбирать рабочие профессии в отраслях промышленности, строительства, транспорта или в животноводстве и растениеводстве, или в социальной сфере.

Для адаптации молодого поколения, вступающего в трудоспособный возраст, профессионально был организован институт наставничества на всех предприятиях и организациях. В сельских школах была создана материально-техническая база для овладения знаниями, умениями, навыками в сфере использования сельскохозяйственной техники и транспорта. Выпускники получали право вождения, приобщались к сельскохозяйственному труду как потенциальные механизаторы растениеводства и животноводства. Была создана сеть профессиональных технических училищ по подготовке рабочих профессий с каждым годом совершенствующейся материально-технической базой. Подрастающее поколение получало бесплатное общее образование и дополнительное – во дворцах пионеров, домах творчества юных техников и высшее. В целом деятельность всех учреждений всех уровней системы образования была «пронизана» идеей принципа, выработанного всей историей человечества, – «кто не работает, тот не ест». Следование всеми участниками образовательных учреждений парадигмы ценностного отношения к труду «профессиональный труд как основа жизни каждого гражданина и общества» обеспечивало:

– формирование у подрастающего поколения уважительного отношения к профессиональному труду как общекультурной компетенции гражданственности, согласно положениям конституции;

– формирование у подрастающего поколения элементов технологической культуры как элементов общепрофессиональных компетенций, согласно положениям управленческих наук;

– готовность к восприятию правил и норм организационной культуры как формы эффективных функционально-структурных связей в предстоящей трудовой жизни. Все это формировало у подрастающего поколения мировоззрение (чувство) патриотизма, готовности отозваться на призывы участвовать во всесоюзных комсомольских стройках.

Резюмируя изложенные положения в историческом аспекте о взаимосвязи функций трудовой миграции (в том числе на селе) с проводимой единой государственной политикой в системе образования, следует отметить, что все функции трудовой миграции в целом обеспечивали положительный эффект синергии в социально-экономической жизни.

Считаем уместным отметить в рамках приведенного изложения о взаимосвязи функций трудовой миграции (в том числе на селе) с проводимой единой государственной политикой в системе образования, что при всех достоинствах этой взаимосвязи была слабо организована подсистема подготовки профессиональных управленческих кадров, владеющих знаниями о законах организации и общей теории систем, умеющих строить деятельность согласно принципам последних. При подборе управленческих кадров больше руководствовались членством КПСС, не всегда соответствующим по профессиональным характеристикам. Это явилось одной из причин, приводящих к распаду СССР.

Далее для продолжения рассмотрения особенностей трудовой миграции на селе за период перехода социально-экономической жизни нашего государства на рыночный механизм хозяйствования обратимся к статистическим данным [1; 2].

Так, с началом рыночных реформ и ликвидацией колхозов и совхозов произошли кардинальные изменения в привычном образе жизни сельского населения. Основная часть сельского населения фертильного возраста, являющаяся источником пополнения трудовых ресурсов государства за счет рождения трех и более детей, представители которой привыкли чувствовать себя уверенными за их судьбу, стала невостребованной в привычном коллективном хозяйстве. В результате коренным образом изменились как мотивы деторождения, так и мотивы миграции трудоспособного населения села. Они становились трудовыми мигрантами не по своему желанию, как прежде, а были вынуждены искать место приложения их труда, чтобы заработать на жизнь и растить детей. Ситуация осложнялась возникшей проблемой беженцев, возвращавшихся в родные села. Так, в 1992 г. количество прибывших мигрантов в Республику Башкортостан составил 30917 человек, из которых 17454 (около 56,5 %) приходилось на мигрантов в трудоспособном возрасте. Последних можно отнести к трудовым мигрантам. За последующие годы (1993–1994) прирост всех мигрантов составил 17703 и 31825 человек соответственно, в том числе в трудоспособном возрасте 7359 и 18228 (соответственно 41,7 и 57,3 %). Начиная с 1995 г. темпы роста прибывающих мигрантов снизились и составили в 2003 г. 937 человек, которых по общепринятому возрастному принципу уже нельзя было отнести к трудовым мигрантам.

При хронологическом анализе данных показателей Республики Башкортостан 2004 г. следует считать началом отрицательного сальдо мигрантов всех возрастов, особенно трудовых. Стала ярко выраженной функция повышения подвижности трудовых ресурсов, совершающих территориальные перемещения и готовых к последующим миграциям. Так, в 2004 г. из 2307 человек миграционной убыли 2127, или 92,2 %, приходилось на долю граждан трудоспособного возраста. Такая тенденция сохранилась и в последующие три года. При этом в 2006 г. величина убыли

Динамика итогов миграции населения по России, Приволжскому Федеральному округу и Республике Башкортостан (человек) [1, *9*; 2, *9*]

Годы	Миграционный прирост (убыль)					
	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Российская Федерация	320042	294930	295859	270036	245384	261948
в том числе: Приволжский федеральный округ	–12384	–18025	–14559	–5855	–24591	–14357
Республика Башкортостан	–9336	–8844	2827	–4441	–5927	–7390
в том числе в трудоспособном возрасте	–9936	–8943	2272	–4469	–5942	–6625
в том числе в трудоспособном возрасте, в %	100,0	101,1	80,6	100,6	100,3	89,6
Удельный вес Республики Башкортостан в миграционной убыли Приволжского федерального округа, в %	75,4	49,1	–	75,8	24,1	51,5

мигрантов в трудоспособном возрасте составила 2334 человека, что превышает значение убыли показателей по всем возрастным группам (2312 человек) [1]. Все эти данные свидетельствуют о том, что в целом в Республике Башкортостан сложилась неблагоприятная для развития ее экономики тенденция трудовой миграции, о чем свидетельствуют и данные таблицы.

Как следует из данных таблицы, в убыли миграционных потоков населения всех возрастов РБ удельный вес убыли трудовых мигрантов превышает долю мигрантов нетрудоспособного возраста.

Из данных потоков миграции по категориям поселений Республики Башкортостан за 2015 и 2016 годы следует, что миграционная убыль составила:

– в городах 4447 и 4736 чел., в том числе в трудоспособном возрасте соответственно 4608 и 5336 чел.;

– на селе 1480 и 2654 чел. и в трудоспособном возрасте соответственно 1334 и 1289 чел.

Все эти данные свидетельствуют о том, что Республика Башкортостан с начала 2000-х годов активно участвует во всех функциях миграции трудоспособного населения: пространственном (межпоселенном) перераспределении, изменении структуры последнего посредством селективности и повышения уровня подвижности как городских, так и сельских трудовых мигрантов. При этом следует обратить внимание на гендерный признак в структуре убыли мигрантов на селе. Так, в 2015 г. число мужчин, прибывших на село, превысило число убывших на 1466 человек, а женщин, наоборот, выбыло на 2946 человек больше, чем прибыло. Значения этих показателей в отношении трудоспособных граждан составили: мужчин на селе – 1487 человек (прирост), женщин – -2821 (убыль). В 2016 г. на селе наблюдался уже незначительный прирост мужчин (19 человек), а убыль женщин составила -2673 чел. Значение данных показателей в отношении граждан трудоспособного возраста составило: у мужчин – 775 (прирост), женщин – -2064 чел. (убыль). Такой гендерный дисбаланс является одной из причин, вызывающей на селе проблему алкоголизма, суицида и других антисоциальных явлений [4].

Эти данные свидетельствуют о том, что такие структурные изменения в миграционных потоках как по гендерному признаку, так и по возрасту трудоспособности, особенно на селе, создают опасную неблагоприятную демографическую ситуацию в сфере создания семей и деторождения. Другими словами, сельское население как основная репродуктивная часть по воспроизводству трудовых ресурсов нашего государства теряет эту способность.

Следует отметить, что на негативные последствия функции повышения подвижности трудовой миграции на селе России указывают в своих работах и зарубежные исследователи. Так, Юй Шэньфан, считает, что массовый отток населения из относительно слаборазвитых регионов, особенно сельской местности, ведет к дальнейшему обострению в них социально-экономических проблем, расширению депрессивных территорий, упадку их экономики и деградации социально-экономической инфраструктуры, угрожая для будущего развития [5].

С учетом сложившейся ситуации считаем необходимым разработать программу возрождения села, особенно депрессивных территорий, выделяя целевое финансирование на их социально-экономическое развитие.

Литература

1. Миграция населения в Республике Башкортостан: стат. сб. В 2 ч. Ч. 2 / Башкортостанстат. Уфа, 2017. 149 с.

2. Миграция населения в Республике Башкортостан: статистический сборник. В 2 ч. Ч. 1 / Башкортостанстат. Уфа, 2017. 189 с.

3. Рыбаковский Л.Л. Функции и последствия миграционных процессов // Социологическое исследование. 2017. № 10. С. 56–63.

4. Хайруллина В.Г., Барлыбаев У.А. О взаимосвязи трудоспособности и экономического поведения трудовых мигрантов // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2018. № 4. С. 157–159.

5. Юй Шэньфан. Россия: Массовая внутренняя миграция угрожает будущему страны [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/social/20171016/240526196.html

Проблемы и тенденции трудоустройства молодежи в России

Problems and Trends of Youngsters Employment in Russia

А. ГАЛИМОВА, А. БАРКИНА, И. НУРМУХАМЕТОВА

Галимова Айгуль Шарифовна, канд. экон. наук, доцент кафедры социологии труда и экономики предпринимательства Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: aigul_galimova@mail.ru
Баркина Анастасия Евгеньевна, магистрант ИНЭФБ БашГУ. E-mail: nastyabarkina@mail.ru
Нурмухаметова Индира Назировна, магистрант ИНЭФБ БашГУ. E-mail: rindi94@yandex.ru

В статье анализируются проблемы трудоустройства молодежи в РФ. Приводится анализ статистических данных по молодежному сегменту рынка труда. Обобщаются причины молодежной безработицы, а также представлены возможные варианты решения проблемы.
***Ключевые слова**: молодежь, безработица, занятость, рабочее место, уровень безработицы.*
The article analyzes the problems of youth employment in the Russian Federation. The analysis of statistical data on the youth segment of the labor market is given. The causes of youth unemployment are generalized, and possible solutions for the problem are presented.
***Key words**: youth, unemployment, employment, workplace, unemployment rate.*

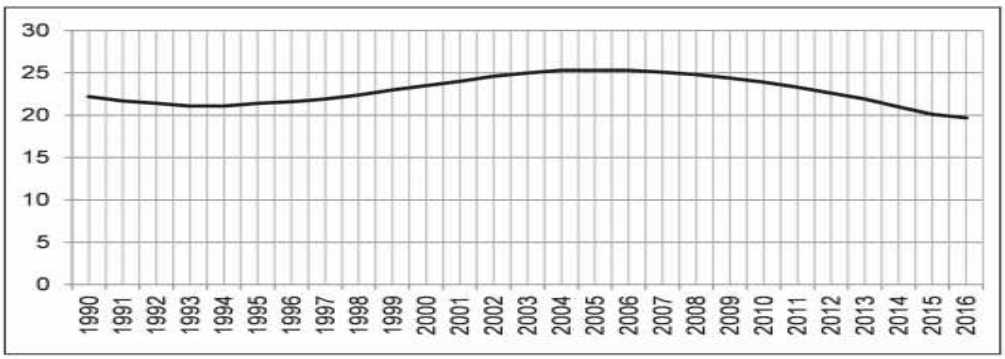
Занятость молодежи является одной из важных социальных и экономических проблем в России. В период с 2009 г., который выделен как пик экономического кризиса, и до 2017 г. отмечалось снижение уровня безработицы среди молодежи в Российской Федерации. Вместе с тем среди молодых людей продолжает оставаться серьезной проблемой «хроническая» безработица. Актуальность данной проблемы выражается в том, что молодежь в России составляет 22 % от общей численности населения, или свыше 33 млн человек (на 2014 г.) [6], именно им предстоит создавать будущее для страны.

Дискуссионным остается вопрос выделения возрастных рамок социально-демографической группы – молодежи. Согласно резолюции Совета безопасности ООН 2015 г. к категории «молодых» принято условно относить лиц в возрасте от 14 до 29 лет. Согласно же Основам государственной молодежной политики Российской Федерации до 2025 г. к категории «молодежь» относят население в возрасте от 14 до 30 лет, а в некоторых случаях – до 35 и более лет (например, молодые ученые). Молодые люди, всерьез задумывающиеся о дальнейшей судьбе и карьере, зачастую сталкиваются с проблемой трудоустройства на рынке рабочей силы [3]. Круг современной молодежи составляет одну треть от всего числа безработных, следовательно, проблема их трудоустройства стоит очень остро [1]. Кроме данных статистики, непременно необходимо обратить внимание на то, что еще существует безработица скрытого характера, определение рамок которой представляется крайне сложным.

За период с 1991 г. по 2016 г. в России численность молодых людей в возрасте 15–29 лет волнообразно менялась (см. рис. 1). Так, снижение в 1991–1994 гг. сменилось ростом в 1995–2004 гг., когда численность молодежи выросла по сравнению с 1994 г. на 16,2 % (на 5096,4 тыс. чел.). С 2005 г. началось снижение численности населения этого возраста, которое продолжается до настоящего времени [6].

Удельный вес молодежи в общей численности безработных, по данным за 2017 г., в мировом масштабе оценивается более чем в 35 %. Согласно данным за 2016 г., уровень молодежной безработицы демонстрировал некоторую стабильность и составил 13 %, а в 2017 году он несколько поднялся и составил 13,1 % [6].

Такие данные были приведены в докладе «Глобальные тенденции занятости молодежи в 2017 году», подготовленном Международной организацией труда [3].



Доля молодежи (в %) к общей численности населения России, 1990–2016 гг.

Если в пик кризисного 2009 г. численность молодых людей, не имеющих работы, составляла 76,7 млн чел., то в 2017 г. этот показатель существенно снизился – оценивается в масштабе 70,9 млн чел. Однако, по прогнозам, к концу 2018 года число безработных молодых людей вырастет на 200 тыс. и достигнет 71,1 млн [1].

Общий рост экономики не преследует рост уровня занятости. За последние 10 лет практически не поменялось значение коэффициента соотношения показателей безработицы среди взрослого населения и молодежи, что еще раз доказывает, насколько крайнее положение имеет неравноправие молодежи на рынке труда [2].

На рынке труда зачастую наблюдается уязвимое положение женщин молодого возраста. По предварительным отчетам за 2017 г., уровень участия молодых мужчин в мире в составе рабочей силы на 16,6 п.п. превышает аналогичный показатель для молодых женщин. В России гендерный разрыв среди неработающей молодежи, которая к тому же не учится и не старается приобрести какие-либо профессиональные навыки, еще больше. Среди женского пола доля такой молодежи составляет 34,4 %, среди мужского – 9,8 % [5].

Многие такие молодые люди сегодняшний и завтрашний день связывают с экономикой неформального характера. Каждые три из четырех работающих молодых в мире трудятся в условиях неформальной занятости, в то время как среди взрослого населения – трое из пятерых. В странах с развивающейся экономикой этот показатель увеличивается до 19 из 20 молодых людей [7].

Таким образом, проблема безработицы среди молодежи не разрешается только созданием рабочих мест, имеется необходимость обеспечения молодых людей качественной и достойной занятостью [4].

Структура потребностей в кадрах подвергается изменениям во всем мире. Спрос на специалистов средней квалификации имеет тенденцию к снижению, а на высококвалифицированных и неквалифицированных работников, наоборот, увеличивается, вследствие чего формируется большая поляризация на рынке труда. В странах высокого уровня дохода спрос на молодежь высокой квалификации особенно растет, что вызывает отток этой молодежи из России, в то время как в развивающихся странах и странах с формирующимся рынком возрастает спрос на неквалифицированный труд. При этом занятость малоквалифицированных молодых работников в России сокращается независимо от уровня развития. Тенденция к поляризации в области занятости может усугубиться с дальнейшим внедрением новых технологий и привести к углублению существующего неравенства [1].

Растет число молодых людей, которые ищут работу, обращают внимание на интернет-ресурсы, где строится бизнес на сетевых платформах или в виде «заказа». Там же реализуются более интересные новые формы занятости (так называемый краудворкинг), отличающиеся гибкостью и расширяющие возможности для заработка. В свою очередь, они связаны с высокими рисками, низким уровнем доходов, отсутствием гарантий постоянной занятости, стабильности дохода, доступности к связанным с работой пособиям и льготам.

Итак, специфика рынка молодежного труда в Российской Федерации заключается в следующем [7]:

1. Отсутствует баланс спроса и предложения, что связано с колебаниями в трудовой ориентации молодых людей, которым сложно определиться с выбором профессии.

2. Конкурентоспособность относительно низкая, так как у молодых присутствует самый высокий риск потери уже существующей работы и риск не найти новую.

3. У населения отсутствуют четкие представления об уровне занятости молодежи. Данное явление приводит к тому, что растет количество молодых людей, нигде не работающих и не посещающих учебные заведения.

4. Вариативность высокого уровня. Разноплановых специалистов на рынке труда становится все больше и больше. При этом на некоторые профессии спрос практически на «нуле», большому количеству молодых людей приходится трудоустраиваться по той специальности, которая очень далека от полученного образования. Многие в спешном порядке проходят переподготовку.

5. Неудовлетворительные условия труда. Каждый пятый молодой человек, приступивший к работе, увольняется уже в первый год, из-за неудовлетворительных условий и характера труда или неудовлетворенности от выбранной профессии.

Необходимо проводить такую политику в области занятости молодежи, которая учитывала бы быстро меняющуюся в условиях технологического прогресса картину в сфере труда и позволяла бы молодым женщинам и мужчинам опережать эти перемены. «Приоритетом национальной политики должны стать инвестиции в системы непрерывного обучения, развитие компьютерной грамотности, проведение в жизнь отраслевых стратегий, способствующих распространению достойного труда и решению проблем наименее обеспеченных слоев населения» [1].

Необходимо развивать стратегическое многостороннее сотрудничество в рамках Глобальной инициативы по обеспечению достойных рабочих мест для молодежи – всеобъемлющей платформы, созданной в области устойчивого развития на период до 2030 года для активизации и повышения эффективности действий в области занятости молодежи [5].

Поэтому молодым специалистам необходимо точнее соответствовать тенденциям развития общества, повышать (или вовсе менять) свою квалификацию, заниматься самообразованием.

Литература

1. Галимова А.Ш., Нурмухаметова И.Н. Проблемы трудоустройства выпускников вузов в России // Научно-практический журнал «Экономика и управление: проблемы, решения». 2018. № 10.

2. Галимова А.Ш., Баркина А.Е. Проблемы трудовой миграции молодежи в Российской Федерации // Научно-практический журнал «Экономика и управление: проблемы, решения». 2017. № 11. С. 218–222.

3. Глушач Н.Н., Кинфу З.Т. Тенденции эффективного самообразования российской молодежи в перспективе трудоустройства // Открытое образование. 2017. № 5. С. 97–106.

4. Дражникова И.Д., Костенькова Т. А. Проблемы молодежной занятости в России // Научные исследования и разработки студентов: материалы III Междунар. студенч. науч.-практ. конф. 2017. С. 208–211.

5. Иванченко Г.В. На пороге профессиональной карьеры: социальные проблемы и личностные стратегии выбора // Мир России. 2015. № 2.

6. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] . URL: http://www.gks.ru

7. Чернышева Н.И. Пути решения молодежной безработицы в современном обществе // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 1–2. С. 155–160.

Здоровье как основа воспроизводства человеческого потенциала: региональный аспект

Health as a Basis for Human Reproduction: a Regional Aspect

А. КАЮМОВА, Э. БАЙКОВА

Каюмова Альфира Фарвазовна, канд. ист. наук, доцент кафедры общей экономической теории Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ)
Байкова Эльвира Рафаэлевна, канд. экон. наук, доцент кафедры общей экономической теории ИНЭФБ БашГУ. E-mail: baykova-oet@yandex.ru

В статье рассматриваются современные проблемы здоровья населения как составляющей человеческого потенциала, выявляются факторы, влияющие на его изменение и основные тенденции. Анализ базируется на данных официальной статистики, официальных документах.
***Ключевые слова**: социально-экономическое развитие, регион, индекс развития человеческого потенциала, ожидаемая продолжительность жизни, демография, воспроизводство.*

The article deals with modern problems of population health as a component of human potential, factors that influence its change and main trends are revealed. The analysis is based on official statistics, official documents.
***Key words**: socio-economic development, region, human development index, life expectancy, demography, reproduction.*

Сегодня в мире идет активный поиск эффективных и оптимальных путей интеграции экономической и социальной политики. Практика показала, что те страны, в которых социально-экономическая политика базируется на приоритетах человеческого развития, достигают наибольшего успеха. Стратегия этих стран ориентирована не столько на учет «человеческого фактора», сколько на создание условий для развития человеческого потенциала, так как постепенно приходит понимание, что от этого все в большей степени начинает зависеть качество развития всех сфер общества. На основе Программы развития ООН был разработан индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Одним из составляющих расчета ИРЧП считается физическое, психическое и социальное здоровье, которое имеет решающее значение. Именно от здоровья зависит не только физическая дееспособность граждан страны, но и характер демографического воспроизводства. Это значит, что укрепление здоровья и увеличение продолжительности жизни являются необходимыми компонентами человеческого потенциала, и, в конечном счете, ведут к ускорению экономического развития государства.

Расчеты ИРЧП осуществляются с 1990 г., для России данные показатели впервые были получены в 1993 г. Для отдельных субъектов страны индекс рассчитывается начиная с 1998 г., однако необходимо отметить, что методы измерения человеческого потенциала на региональном уровне пока недостаточно разработаны, так как подход Программы развития ООН в большей степени ориентирован на межстрановые сравнения.

Республика Башкортостан до середины 2000-х гг. имела ИРЧП выше среднего по России и входила в десятку субъектов-лидеров, однако с 2007 г. ее рейтинг немного начал падать. Сегодня республика занимает 18 место, что также превышает средние показатели по стране.

Критериев общественного здоровья несколько, наиболее информативными и достоверными являются показатели ожидаемой продолжительности жизни, смертности, рождаемости, заболеваемости. По этим показателям и их динамике делаются выводы и о потенциальных возможностях дальнейшего развития общества.

Рассмотрим состояние общественного здоровья Республики Башкортостан по указанным основным характеристикам, оценивая их на основе сравнения.

Ключевым показателем состояния здоровья населения как России, так и любой страны, выступает ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ). В России сегодня самая низкая по

сравнению со странами Евросоюза ожидаемая продолжительность жизни. Это является важным фактором сдерживания роста индекса человеческого потенциала.

Республика Башкортостан относится к регионам, имеющим средний уровень ОПЖ населения. В 2014 г. с показателем 69,8 лет она находилась на 49 месте среди регионов Российской Федерации. Для республики в последние годы характерен небольшой подъем показателя ОПЖ, так, в 2017 г. его значение составило 71 год (табл. 1).

Таблица 1

Динамика ожидаемой продолжительности жизни населения Республики Башкортостан и Российской Федерации за 2011–2017 гг. [2]

Годы	Республика Башкортостан	Российская Федерация
2011	69,0	69,8
2012	69,3	70,2
2013	69,6	70,8
2014	69,8	70,9
2015	70,1	71,4
2016	71	71,9
2017	71	72,5

Вторая важнейшая характеристика состояния здоровья – общий коэффициент смертности. Данный показатель в Башкортостане превышал на 1 % среднероссийский уровень в 2015 г. и составил 13,3 на 1000 населения, в 2016 г. этот показатель в республике снизился на 0,4 и составил 12,9 на 1000 населения (табл. 2), а в 2017 г. снизился еще на 0,5 (12,4 на 1000 населения). Вместе с тем надо отметить, что в республике наблюдается снижение темпов младенческой смертности с 9,8 в 2007 г. до 6,0 в 2016 г.

Таблица 2

Динамика показателей естественного движения населения в Республике Башкортостан за 2007–2016 гг.

Годы	Число родившихся (в тыс.)	Коэффициент рождаемости (на 1000 населения)	Число умерших (в тыс.)	Коэффициент смертности (на 1000 населения)	Естественный прирост (+), убыль (–) населения (в тыс.)	Коэффициент естественного прироста (+), убыли (–) на 1000 населения
2007	51,4	12,7	55,1	13,6	–3,7	–0,9
2008	54,5	13,4	55,6	13,7	–1,1	–0,3
2009	55,6	13,7	53,2	13,1	2,4	0,6
2010	57,1	14,0	54,5	13,4	2,6	0,6
2011	56,0	13,8	54,4	13,4	1,6	0,4
2012	59,2	14,6	53,6	13,2	5,6	1,4
2013	59,3	13,6	53,4	13,1	5,9	1,5
2014	60,2	14,8	53,5	13,1	6,7	1,7
2015	59,0	14,5	54,0	13,3	5,0	1,2
2016	55,6	13,7	52,3	12,9	3,3	0,8

Первое место среди причин высокой смертности занимают болезни системы кровообращения (41,4 %), на втором месте – новообразования (13,2 %), на третьем – несчастные случаи (10,1 %), далее следуют болезни органов дыхания (5,7 %), пищеварения (4,9 %) [2].

Общие показатели здоровья населения Республики Башкортостан в последние годы являются менее удовлетворительными. Тревожной является тенденция снижения среднего возраста умерших по основным причинам смертности. Наиболее «молодой», как и в России в целом, является смертность от некоторых инфекционных и паразитарных заболеваний (в 2014 г. в РФ – 43,7,

в РБ – 41,3 года), а также внешних причин (в 2014 г. в РФ – около 48, в РБ – около 47 лет). По сравнению с 1991 г. в республике «помолодела» смертность от болезней системы кровообращения, болезней органов дыхания и пищеварения.

Обращает на себя внимание различие в динамике уровня первичной заболеваемости от болезней органов пищеварения и смертности по этой причине. При заметном снижении заболеваемости к 1990 г. и достаточно устойчивом ее уровне в последние годы интенсивность смертности от болезней органов пищеварения заметно повысилась: в 1990 г. – 24 человека, в 2000 г. – 29, в 2013 г. – 53, в 2014 г. – 62,1 человека на 100 000 населения. Одновременно произошло и «омоложение» смертности в связи с данным фактором. Например, из 1 713 умерших по причине заболеваний печени в 2014 г. 946 случаев (55,2 %) приходятся на трудоспособный возраст (в 1990 г. – 38,4 %, в 2000 г. – 34,4 %).

Из вышеприведенных данных мы видим, что динамика смертности населения за последние годы стабилизировалась, тем не менее, если сравнивать с развитыми странами, уровень смертности остается высоким.

Следующий важный показатель – уровень рождаемости, на который влияет множество демографических, социально-экономических факторов, таких как половозрастной, этнический состав населения, образ, уровень и условия жизни и др. С 2009 г. в регионе начался естественный прирост населения (впервые с 1993 г.), продолжающийся в настоящее время, число родившихся превысило число умерших (табл. 2). В 2017 г. родилось 49315 детей, что составило общий коэффициент рождаемости на 1000 чел. – 12,1. Однако демографическую ситуацию в Башкортостане невозможно охарактеризовать однозначно, так как в последние годы замедлились темпы роста ожидаемой продолжительности жизни.

Детей в Башкортостане, как и по всей стране, стало рождаться меньше (см. рис.). По данным Башстата, в первом полугодии 2017 г. рождаемость снизилась на 12 %, что соответствует среднероссийскому показателю.

Естественное движение населения за 10 лет

Научно обосновано, что для простого воспроизводства населения необходим суммарный коэффициент рождаемости 2,15 в расчете на одну женщину. По расчетам 2017 г. суммарный коэффициент рождаемости в республике составил 1, 696 (по России чуть ниже 1, 621).

Причин низкой рождаемости населения множество, основными из которых являются: материально-бытовые трудности, жилищные проблемы, низкий уровень жизни части населения, невысокий уровень оплаты труда, недостаточное качество оказания медицинской помощи, ухудшение репродуктивного здоровья населения, утрата семейных ценностей и др.

В последние десятилетия XX в. и начале XXI в. для России и РБ стали характерны те же тенденции, которые имеют место в развитых европейских странах. Прежде всего, это замедление роста населения, которое приобретает устойчивый характер, что обусловлено режимом суженного воспроизводства с низким уровнем рождаемости и высоким уровнем смертности, хотя, как

видно из приведенных цифр, в последние годы в демографической ситуации наметились некоторые положительные изменения.

Здоровье населения, являющееся одним из ключевых факторов развития человеческого потенциала, зависит во многом от эффективности государственных мер и решений с учетом объективных критериев.

Начиная с 2000-х гг. решение демографических проблем стало приоритетным направлением государственной политики, в рамках которой была принята Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г. и целый ряд законодательных актов. Аналогичные концепции и программы с еще большим набором нормативно-правовых документов были приняты и в субъектах Российской Федерации, в том числе и в Башкортостане. Проблемам социально-демографического развития региона были посвящены публикации Института стратегических исследований Республики Башкортостан – доклады о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан, научные монографии и статьи. Принято считать, что в совокупности они способствовали наблюдаемому с 2007 г. росту рождаемости.

Таким образом, несмотря на позитивные изменения последних лет, проявляющиеся в увеличении рождаемости, снижении смертности, показатель воспроизводства численности населения невысок. К числу негативных последствий факторов следует отнести демографическое «старение» населения, нарастающие диспропорции в численном составе количества мужчин и женщин, городских и сельских жителей, высокий уровень смертности, особенно у мужчин в трудоспособном возрасте.

Бесспорно, здоровье населения и демографические показатели находятся в тесной взаимосвязи, так как здоровье способствует воспроизводству, возобновлению поколений, которые реализуют свой жизненный и трудовой потенциал на всех этапах развития. Поэтому для воспроизводства, а значит, для улучшения здоровья и увеличения продолжительности жизни необходимо улучшение социально-экономического положения населения.

Литература

1. О демографической ситуации в Республике Башкортостан и мерах по ее улучшению от 9 ноября 2012 г. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан / Под общ. ред. Валиахметова Р.М., Бурхановой Ф.Б., Хилажевой Г.Ф. Уфа: Восточная печать, 2013.

2. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по РБ [Электронный ресурс]. URL: http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat.

3. Проблемы развития человеческого потенциала: монография / Башкирский государственный университет; Х.А. Барлыбаев [и др.], отв. ред. Г.М. Россинская. М.: Экономика, 2017. 327 с.

4. Россинская Г.М. Макроэкономические условия воспроизводства человеческого потенциала региона // Инновации и инвестиции. 2011. № 3. С. 183–188.

5. Труд, занятость и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан / под общ. ред. Р.М. Валиахметова, Г.Р. Баймурзиной, Н.М. Лавренюк. Уфа: Восточная печать, 2015. 360 с.

Управление качеством медицинского обслуживания в Кировском районе Уфы

Medical Service Quality Management in Kirovsky District of Ufa

Е. ШЕВАЛДИНА

Шевалдина Елена Ивановна, канд. соц. наук, доцент кафедры региональной экономики и управления Института экономики и сервиса Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: Shevaldinalena@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с субъективным фактором оценки качества оказания медицинской помощи населению на основании оценки гражданами выполнения диагностических, лечебно-оздоровительных, реабилитационно-профилактических и других мероприятий. В статье проведен анализ удовлетворенности населения Кировского района г. Уфы оказываемой им медицинской помощью. Кроме того, на основании опроса медицинских работников района обозначен комплекс решений для улучшения качества предоставления медицинских услуг населению. В данной статье также систематизируются теоретические материалы, касающиеся управления качеством медицинской помощи. Предложены основные направления деятельности государственных органов власти по управлению качеством медицинской помощи и дана оценка эффективности проводимых государственными органами власти мероприятий, направленных на повышение уровня управления качеством медицинской помощью.

***Ключевые слова**: качество медицинской помощи, удовлетворенность населения медицинскими услугами, улучшение качества медицинских услуг, пациенты, медицинские работники, лечебно-профилактические учреждения.*

The article deals with issues related to the subjective factor of quality assessment of medical care provision for the population based on the citizens' assessment of the implementation of diagnostic, therapeutic, recreational, rehabilitational, preventive and other measures. The article analyzes the satisfaction of the population of Kirovsky district of Ufa with the medical care provided. Besides, a set of solutions based on the survey of medical personnel in the district is introduced in the article. It may help to improve medical service quality provided to the population. In this article theoretical materials on medical service quality management are also systematized. The main directions of the activities of state authorities for managing the quality of medical service are proposed and an assessment of the effectiveness of measures taken by state authorities to improve the quality management of medical service are presented.

***Key words**: medical service quality, satisfaction of the population with medical services, improvement of the quality of medical services, medical personnel, treatment and preventive institutions.*

В настоящее время одной из актуальных проблем здравоохранения является оказание качественной медицинской помощи населению. Понятие «качество медицинской помощи» фактически появилось в законодательстве Российской Федерации с выходом Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [3]. Законом определено, что качество медицинской помощи – это совокупность характеристик, отражающих своевременность оказания медпомощи, правильность выбора методов профилактики, диагностики и лечения, степень достижения запланированного результата. Характеризующим сущность понятия «качество медицинской помощи» с точки зрения отношения к нему конечного потребителя является определение, разработанное Центральным научно-исследовательским институтом организации и информатизации Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации [1]. Качество медицинской помощи – это совокупность характеристик, подтверждающих соответствие оказания медицинской помощи имеющимся потребностям пациента (населения), его ожиданиям, современному уровню медицинской науки и технологии.

Оценка значимости выполнения диагностических, лечебно-оздоровительных, реабилитационно-профилактических и других мероприятий обычно проводится экспертным путем с использованием специальных методик и формул. Но в оценке качества оказания медицинской помощи

населению субъективный фактор играет немаловажную роль, так как именно субъективная оценка отражает реальные нужды и запросы людей и их представление о том, какой должна быть медицинская помощь.

В трактовке удовлетворенности во внимание принимаются следующие предпосылки: удовлетворенность медицинской помощью – это оценочный показатель, интегрирующий отражение объективного оказания медицинской помощи населению и эмоциональное восприятие ее личностью. Этот показатель формируется на основе субъективных оценок по 100 %-ной шкале санитарно-гигиенических условий, эффективности и качества работы лечебно-профилактических учреждений, а также мнения об уровне квалификации медицинского персонала [2]. Принималось во внимание и то, что уровень удовлетворенности в значительной степени зависит от непосредственного опыта общения респондента с лечебно-профилактическими учреждениями и вынесенных личных впечатлений, от предъявляемых им требований.

В рамках исследования проведен опрос населения Кировского района ГО г. Уфа об эффективности управления качеством медицинской помощи.

В результате опроса установлено, что среди респондентов раз в год болеют 78,8 %, раз в полгода – 18,4 %, каждый месяц – 2,8 %. В случае заболевания среди опрошенных большую долю занимают лица, обращающиеся к врачу, когда болезнь уже достаточно проявилась (3–5-й день) – 79,8 %, при резком ухудшении состояния к врачу обращается 13,6 %, в первый же день при появлении малейших признаков заболевания к врачу обращается 6,6 %. При этом ответы респондентов различаются, когда вопросы касаются заболевания их детей. Так, в первый день заболевания ребенка при появлении малейших признаков болезни к врачу обращаются 14,0 %, при резком ухудшении здоровья ребенка – 3,6 %, когда болезнь уже в достаточной степени проявила себя – 82,4 %.

Среди опрошенных граждан наибольшую долю составляют лица, предпочитающие обращаться в случае заболевания в поликлинику по месту жительства – 59 %, обращаются в поликлинику по месту работы (учебы) – 20,4 %, в платные (частные) клиники за медицинской помощью обращаются 14,4 %, лечатся самостоятельно, не обращаясь к врачу, – 4,8 % (рис. 1).

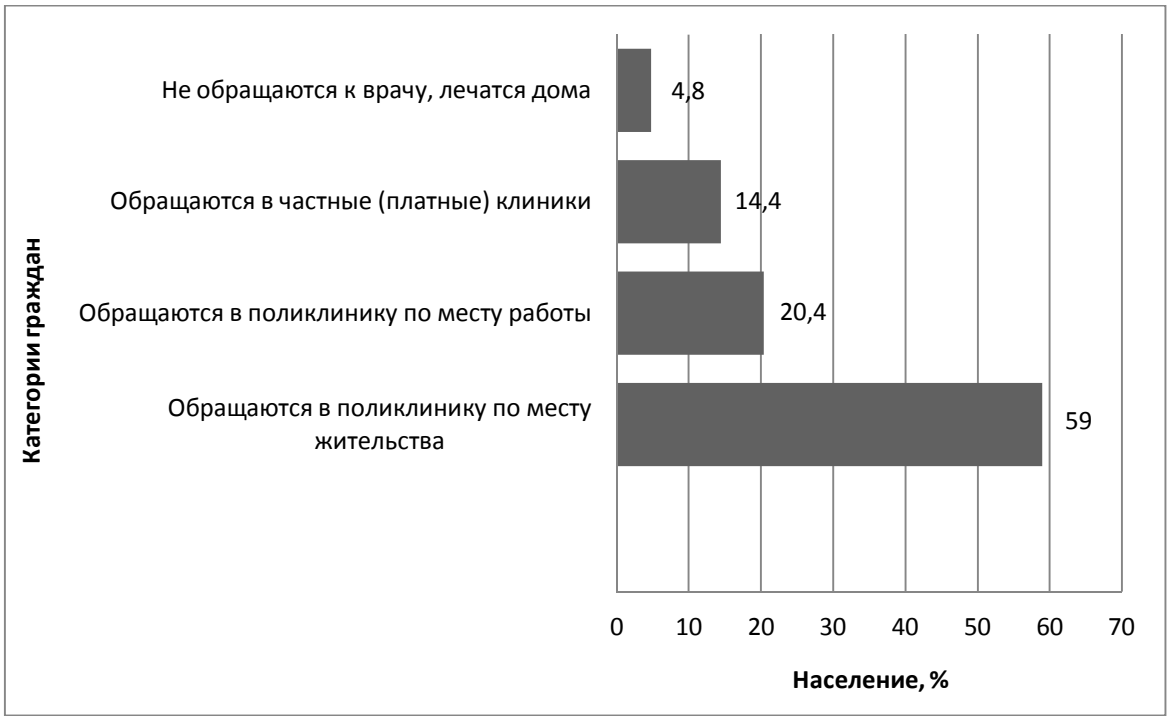


Рис. 1. Избираемый гражданами Кировского района ГО г. Уфа вид медицинской помощи

Следует отметить, что большинство респондентов (79,2 %) ответили, что при заболевании ребенка обращаются за оказанием медицинской помощи в поликлинику по месту жительства, 18,4 % предпочитают платные (частные) клиники, 2,4 % осуществляют самостоятельное лечение, не обращаясь к врачу (рис. 2).

Среди респондентов на 100 % доверяют врачам-специалистам по месту жительства 10,8 %, на 75 % доверяют врачам 53,8 % опрошенных, на 50 % – 29 %, на 25 % – 6,4 %. Врачам-специалистам по месту работы (учебы) на 100 % доверяют 12,4 % респондентов, на 75 % – 55 %, на 50 % – 29,0 %, на 25 % – 3,6 %. Врачам, оказывающим медицинскую помощь в частных клиниках, на 100 % доверяют 8,4 % опрошенных, на 75 % – 44,2 %, на 50 % – 39 %, на 25 % доверяют 8,4 % граждан, участвующих в опросе.

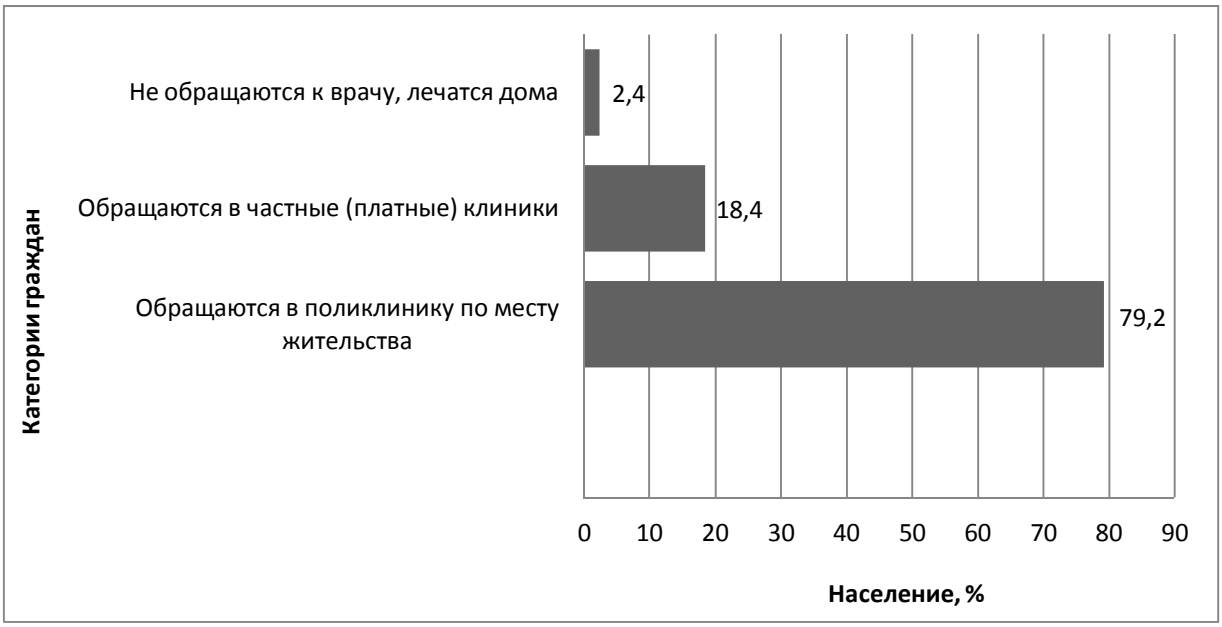


Рис. 2. Избираемый гражданами Кировского района ГО г. Уфа вид медицинской помощи при заболевании ребенка

Качество оказываемой по месту жительства медицинской помощи на 100 % оценили 13,6 % населения, на 75 % качество медицинской помощи оценили 49 %, на 50 % – 26,8 % опрошенных, на 25 % – 10,6 % граждан, участвующих в опросе.

Качество медицинской помощи, оказываемой в стационаре, на 100 % оценили 17,4 % респондентов, на 75 % – 52,8 %, на 50 % данный вид медицинской помощи оценили 21 % опрошенных, на 25 % – 8,8 % граждан, участвующих в опросе.

При этом среди опрошенных граждан 76,8 % ответили, что у них не проявлялись симптомы болезни после лечения, 13,6 % ответили, что ощущали симптомы болезни после окончания лечения, 9,6 % затруднились ответить на поставленный вопрос.

При ответе на вопрос о том, насколько развит сервис в бюджетных медицинских учреждениях, 23,4 % опрошенных оценили сервис на 75 %, 54,2 % оценили сервис в бюджетных медицинских учреждениях на 50 %, 22,4 % респондентов – на 25 %. При этом среди опрошенных граждан никто не оценил развитие сервиса в бюджетных медицинских организациях на 100 %.

При ответе на вопрос о том, насколько развит сервис в частных (коммерческих) медицинских клиниках, 8,8 % опрошенных граждан оценили его на 100 %, 79,0 % респондентов – на 75 %, 7 % – на 50 %, на 25 % исследуемый показатель оценили 5,2 % участвующих в опросе граждан.

Качественную медицинскую помощь доступной по цене среди опрошенных считают 68,8 % респондентов, при этом 31,2 % считают ее недоступной.

В результате опроса выявилось, что среди респондентов в органы независимой экспертизы по случаю конфликтов с медицинскими учреждениями приходилось обращаться 1,8 %.

Среди граждан, участвующих в опросе, эффективность деятельности органов управления в сфере управления качеством медицинской помощи на 100 % оценили 4,2 %, на 75 % – 48,6 % опрошенных, на 50 % – 45 % опрошенных, на 25 % – 2,2 % и 1,8 % опрошенных граждан ответили, что деятельность органов управления в области здравоохранения неэффективна (рис. 3).

При ответе на вопрос о том, насколько эффективно реализуется Приоритетный национальный проект «Здоровье» на территории ГО г. Уфа [5], на 100 % оценили результаты проекта 7,2 % опрошенных, на 75,0 % оценили 53,0 %, на 50 % – 34,4 %, на 25 % – 5,4 % (рис. 4).

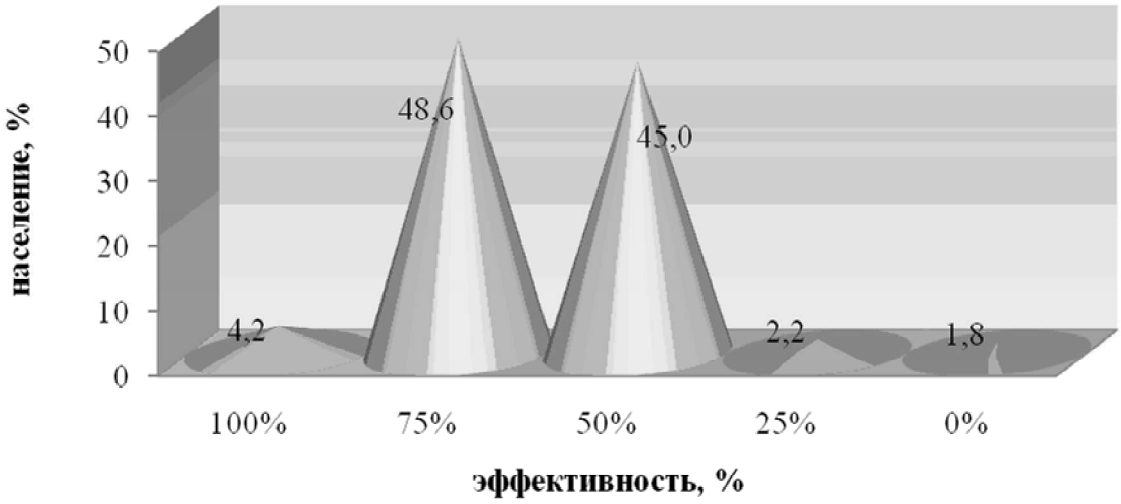


Рис. 3. Оценка населением Кировского района ГО г. Уфа эффективности деятельности органов управления в сфере управления качеством медицинской помощи

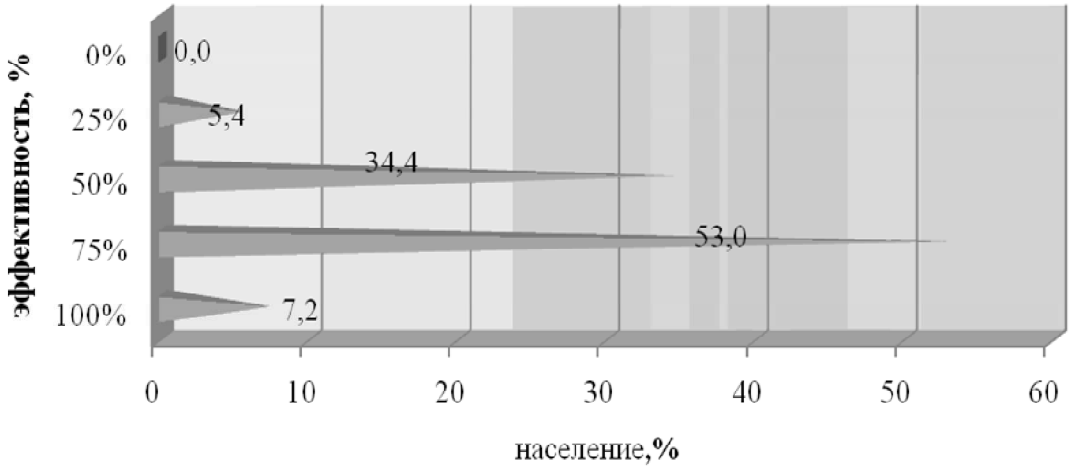


Рис. 4. Оценка населением Кировского района ГО г. Уфа эффективности реализации Приоритетного национального проекта «Здоровье»

Таким образом, следует отметить, что в среднем удовлетворенность населения ГО г. Уфа качеством медицинской помощи составляет 48 %.

Среди предложений населения по улучшению управления качеством медицинской помощи доминируют: улучшение лекарственного снабжения больничных учреждений, повышение квалификации медицинского персонала, увеличение числа медицинских пунктов с дежурными врачами.

Острая необходимость в реформах по совершенствованию управления качеством оказания медицинской помощи населению ощущается и самими медицинскими работниками Кировского

района ГО г. Уфа [4]. Так, на основании опроса пациентов достаточно четко определился комплекс решений для совершенствования управления качеством предоставления услуг здравоохранения. По нашему мнению, необходимо:

1. Создать единое информационное пространство лечебно-профилактического учреждения, улучшить работу талонной очереди. Например, установление аппарата электронной очереди позволит формализовать и оптимизировать потоки пациентов.

2. Проводить семинары для повышения медицинской грамотности населения. Для населения можно организовать ознакомительные мероприятия по оказанию первой медицинской помощи, по сохранению здоровья в периоды обострения заболеваний. Необходимо, чтобы информация о семинарах была доступна для населения, чтобы пациент был проинформирован о них.

3. Изменить отношение медицинского персонала к системе лицензирования, контроля качества медицинской помощи и оценить значимость лицензионных требований в его обеспечении.

4. Производить постоянный мониторинг показателей удовлетворенности пациентов качеством медицинской помощи в лечебно-профилактическом учреждении.

Литература

1. Бойко А.Т. Качество и стандарты медицинской помощи [Электронный ресурс]. URL: http://szgmu.ru/content/ordinator/element2.4.6.php

2. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 4 мая 2018 г. № 201н «Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества условий оказания услуг медицинскими организациями, в отношении которых проводится независимая оценка».

3. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/12191967/#ixzz5R5TIVO00

4. Шевалдина Е.И., Шевалдина Ю.С. Демографические показатели трудовых ресурсов в Республике Башкортостан // Экономика и право: теоретические и практические проблемы современности: материалы междунар. науч.-практ. конф. Казань, 2016. С. 286–288.

5. Шевалдина Ю.С., Шевалдина Е.И. Реализация национального проекта «Здоровье» и управление качеством оказания медицинской помощи в Республике Башкортостан // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: сб. ст. VII Уральского демографического форума с междунар. участием. Екатеринбург, 2016. С. 286–291.

Страницы истории

Некоторые аспекты заочного обучения конца 60-х – начала 70-х годов в Уфимском государственном институте искусств им. З.Г. Исмагилова

Some Aspects of Distance Education Late 60's – early 70's in Ufa State Institute of Arts of Z.G. Ismagilov

Уфимский государственный институт искусств был организован в 1968 г. согласно Постановлению Совета Министров СССР № 417 от 5 июня 1968 г., который предусматривал приведение в соответствие с высоким экономическим потенциалом Башкирии, а также сопредельных территорий, уровня развития культуры народов, проживающих в этом регионе. На новый вуз возлагалась задача обеспечения подготовки специалистов высшей квалификации для сферы культуры и искусства, вместе с тем содействия формированию кадровой базы для ускоренного роста национальной культуры. У истоков формирования и развития института стоял народный артист СССР, лауреат Государственной премии РСФСР им. Глинки, Государственной премии РБ им. Салавата Юлаева, почетный академик Академии наук РБ, композитор З.Г. Исмагилов.

На высшем уровне республики было принято решение обязать Министерство культуры Башкирской АССР до 1 марта 1968 г. помещение Уфимского училища искусств и городской музыкальной школы № 1 передать на баланс открывающегося института. Таким образом, Уфимский институт искусств был размещен в зданиях по улице Ленина, 14 и Пушкина, 83, полезная площадь которых составляла 3443,1 кв. м, в их числе:

– концертный зал на 320 мест;
– хоровой класс на 60 мест;
– нотная библиотека с читальным залом;
– 28 комнат для индивидуальных занятий;
– 10 комнат для групповых занятий;
– 12 комнат для размещения административно-хозяйственной части;
– буфет на 50 мест.

Имеющихся на тот момент аудиторий явно не хватало. Спортивный зал отсутствовал, а для его аренды средств не было.

Несмотря на трудности материального характера, но, прежде всего, с учетом реальных потребностей учреждений культуры и искусств республики в квалифицированных специалистах, помимо очного отделения, было открыто и заочное, при котором функционировали следующие кафедры: специального фортепьяно, хорового дирижирования, народных инструментов и истории и теории композиции. В первый год работы появились определенные трудности. Не было ни деканата, ни заведующего заочным отделением, ни секретаря. Отсутствовали квалифицированные специалисты по методике преподавания дирижирования, хороведения, хоровой литературы и по другим предметам, поэтому не было возможности в первое время выполнить учебный план. Институт в недостаточной степени был обеспечен учебно-методическими пособиями, издаваемыми центральными вузами. До приезда комиссии из Министерства культуры РСФСР институт не располагал новыми учебными планами и занимался первый триместр по старым.

Ректорат в кратчайшие сроки провел значительную работу по преодолению данных трудностей. Так, во втором триместре произошли значительные изменения. Были введены новые учебные планы, предъявлялись более четкие сроки по своевременной сдаче контрольных работ и заданий. Улучшилась связь с заочниками в межсессионные периоды.

В основу работы по перестройке отделения и повышения качества преподавания по всем специальностям ректорат взял рекомендации и постановления совещания проректоров по заочному обучению. В план кафедр были включены учебные пособия, методические указания и разработки для студентов.

К началу занятий институт был полностью укомплектован педагогическими кадрами. Это квалифицированные специалисты с высшим музыкальным образованием. На оркестровый факультет приехали выпускники Государственного музыкально-педагогического института имени Гнесиных,

дипломанты Всероссийского конкурса С. Саркисянц (скрипка), Я. Панян (альт), А. Калачев (виолончель). На факультет народных инструментов был приглашен лауреат международного конкурса баянистов и аккордеонистов В. Беляков, на факультет хорового дирижирования – выпускник аспирантуры при Московской консерватории Б. Шестаков. Таким образом, наибольшее число педагогов приехали из Государственного музыкально-педагогического института им. Гнесиных.

Вузом проводилась активная профориентационная работа. Для ознакомления с институтом организовывались передачи по телевидению, выезжали в подшефные зоны, правила и условия приема были отпечатаны в типографии и разосланы по всем музыкальным училищам РСФСР. Благодаря эффективной работе руководства и преподавателей вуза прием в 1970 г. прошел успешно. На заочное отделение планом было предусмотрено 40 человек, принято по согласованию с управлением учебных заведений Министерства культуры РСФСР – 53. К 1970 г. количество студентов-заочников достигло 89 человек, из них по факультетам: фортепьянный – 37, дирижерско-хоровой – 15, народные инструменты – 21, историко-теоретический – 16. Контингент в основном состоял из педагогов детских музыкальных школ, музыкальных училищ и работников домов культуры.

Учебный процесс на факультетах регламентировался расписанием, составленным в соответствии с учебным планом. Лекционные курсы и дисциплины специального цикла проводились на достаточно высоком уровне.

В последующие годы институт постепенно расширялся, существенно возросло число кафедр и специальностей, по которым проводилось обучение. С каждым годом увеличивался контингент студентов института искусств. К 1973 г. их количество достигло 755 человек, в их числе 244 заочника (на пяти отделениях: фортепианное, дирижерско-хоровое отделение, народные инструменты, истории и теории композиции, оркестровые инструменты). Нужно отметить, что и успеваемость была на высоком уровне – 99 %.

В июле 1973 г. состоялся первый выпуск. На государственных экзаменах выпускники показали высокий профессиональный уровень подготовки. 130 специалистов начали свою профессиональную деятельность в музыкальных училищах г. Салавата, Давлеканово, Октябрьского, Учалов, Миасса, Челябинска; актеры и режиссеры – в театрах г. Стерлитамака, Сибая, Рубцовска, Кемерово, в Башкирском академическом театре драмы им. М. Гафури, в Республиканском русском драматическом театре и других учреждениях культуры Башкирии и России.

М.Л. Ахмадуллин, канд. искусствоведения (УГНТУ),
Р.Р. Хадимуллин, канд. ист. наук (БашГУ),
Э.Д. Хадимуллина, канд. ист. наук (УГНТУ)

Башкирская академия государственной службы и управления при Главе
Республики Башкортостан, Башкирский государственный университет,
Уфимский государственный нефтяной технический университет

Адрес редакции:

450057, г. Уфа, ул. Цюрупы, 6, 1-й подъезд, к. 402
Тел. (347) 273-87-32
E-mail: ekonuprav@ufanet.ru
http://www.inefb.ru/econuprav-ufa

Подписано в печать 10.12.2018. Усл. печ. л. 20,0.
Формат 60x84/8. Тираж 500 экз. Заказ № 227.

Отпечатано в РИЦ УГНТУ

450062, г. Уфа, ул. Космонавтов 1. Тел. (347) 243-19-73
E-mail: polegaln@mail.ru